

Дмитрий Колодан

Пангея

Книга первая

ЗЕМЛЯ ГИГАНТОВ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Колодан, Д.
К61 Пангея. Книга первая: Земля гигантов / Дмитрий Колодан — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011. — 256 с.

Каменный век, время мамонтов и пещерных медведей. Юную Белку из племени кайя изгоняют из родного селения — чтобы стать взрослой, девочка должна пройти испытания и получить настоящее имя. Но все меняется, когда на селение кайя нападают таинственные «железные птицы» и похищают всех людей. Теперь, чтобы обрести имя, Белке предстоит найти свое племя. И она еще не знает, что путь лежит далеко на север, на экспериментальную базу «Пангея». Туда, где загадочная женщина с половиной лица проводит чудовищные эксперименты на людях...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

ISBN 978-5-904454-38-8

© Рыков К., 2011
© Колодан Д., 2011
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011

Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди, и животные? Ведь она босая обошла пол-света! Не у нас занимать ей силу!

Г.Х. Андерсен

ГЛАВА 1

ЛЕД И КРОВЬ

Передачик громко пискнул. На приборной панели загорелась желтая лампочка, и из выпуклого динамика послышался статический треск.

— Станция «Пангея-14»! — Голос с трудом пробился сквозь белый шум. — Ответьте! Центральная база вызывает станцию «Пангея-14»...

Хель протянула руку. Изящные пальцы с длинными ногтями скользнули по рукоятке громкости, по множеству переключателей и тумблеров. На долю секунды задержались на кнопке ответа, но так ее и не нажали. Бескровные губы изогнулись в едкой усмешке.

Доктор Рашер откашлялся в кулак.

— Настырные, — сказал он, косясь на передатчик. — Второй год, как по часам. Давно пора бы понять, что им не ответят.

— Это автоматика, — сказала Хель. — Как вам известно, Центральной базы больше не существует.

— Конечно, конечно. — Доктор улыбнулся, хотя улыбка вышла натянутой. — Инфекционная шизофрения. Я же говорил Плётнеру — эксперименты с вирусами добром не закончатся. Помяните мое слово, эта болезнь нам еще аукнется. Не сейчас, так через сто

лет или десять тысяч, двадцать... Эта игрушка способна уничтожить человечество.

Хель повернулась. И как всегда при взгляде на ее лицо, Рашер поежился.

— Я знаю.

Если смотреть в профиль, Хель была красива. Точеное породистое лицо с крупными скулами, длинные прямые волосы цвета свежавыпавшего снега и пронзительно голубые глаза — кристаллы чистейшего льда. Более умного, прелестного лица Рашер не мог и представить; порой она казалась ему совершенством. Но длилось это ровно до тех пор, пока Хель не поворачивалась и свет, падающий из окна, не освещал ее полностью.

Красивое лицо Хель четко, как по линейке, делилось надвое. И кожа, и ткани на правой половине были прозрачными, и сквозь них виднелся череп, оплетенный бледной сетью артерий и вен. Точно театральная маска, одна половина которой хохочет, а другая — рыдает. За свою жизнь Рашер повидал немало красавиц и еще больше чудовищ, но от подобного дуализма ему становилось не по себе. Кроме того, правый глаз Хель периодически менял цвет с ярко-голубого на изумрудно-зеленый. Очевидно, еще одно следствие ее странной болезни.

Что это за болезнь — Рашер не имел ни малейшего понятия. Видимо, генетическое, но для точного ответа нужны лабораторные исследования. Ни о чем подобном и речи быть не могло. На «Пангее-14» лучше не лезть куда не следует, а то можно и самому угодить на лабораторный стол. Со всеми радужными перспективами: вивисекция, ускоренные мутации, радиация и химия... На станции постоянно не хватало биологического материала. Только не для того Рашера вытащили из Дахау, чтобы разобрать на «препараты». Он ученый, исследователь, и в проекте «Пангея» ему отведена иная роль.

— Не спешите, доктор, — сказала Хель. — Прежде чем уничтожать человечество, его еще нужно создать. И работы у нас непочатый край.

Начальник станции прижала к губам два пальца, спрятав зевок. Тяжелый перстень-печатка сверкнул красным камнем.

— Ну да, конечно. — Рашер опустил взгляд.

Из высокого панорамного окна открывался вид на восточное крыло станции. Впрочем, смотреть было не на что: два десятка припорошенных снегом бараков, загоны с оградой из колючей проволоки, да наблюдательная вышка, на которой маячила фигура охранника... А дальше — вздыбившаяся торосами ледовая равнина.

Другие станции проекта «Пангея» доктор видел только на фотографиях. За шесть лет, которые он провел на базе, Рашер ни разу не выходил за периметр. Конечно, никто его не удерживал. При желании он в любой момент мог выйти за ворота. Вопрос — куда идти?

Самая северная из рабочих станций, «Пангея-14» находилась далеко за границей Великого Ледника. Основное направление деятельности — изучение адаптации к низким температурам и создание расы, идеально приспособленной к работам в условиях вечного холода. Потому люди, стоявшие за проектом «Пангея», и нашли Рашера. Его исследования гипотермии здесь оказались как нельзя кстати. Почему взяли именно его, а не доктора Хирта — тоже прекрасного специалиста по влиянию холода на живые организмы, оставалось гадать. Впрочем, Рашер не исключал, что именно Август Хирт и стоит за чередой случайностей и интриг, в результате которых Рашер сперва оказался в спецбункере Дахау, а после получил предложение, от которого уже не мог отказаться.

— Итак, доктор, — Хель наклонилась вперед, постукивая по крышке стола, — как продвигаются наши исследования?

Доктор снова откашлялся и потянулся к верхней пуговице кителя. Вот к чему эти вопросы? О ходе исследований Хель осведомлена куда лучше самого Рашера. Отчет по любому эксперименту сперва ложился на стол начальника станции, и только если Хель считала это нужным, данные попадали к доктору.

— Все идет по плану, — хрипло сказал Рашер. — Мы продолжаем исследования и...

— Топчемся на месте, — перебила его Хель.

Лицо Хель оставалось абсолютно бесстрастным. Невозможно сказать, злится она или же просто констатирует факты.

— Я бы не сказал, — протянул Рашер. — Мы добились определенных успехов. Ваши великаны...

— Нефелимы.

— Конечно. У нас хорошие показатели — последние образцы сохраняли активность при температуре ниже пятидесяти градусов. А с использованием препаратов, повышающих вязкость крови, мы сможем перейти и эту границу...

Рашер замолчал, наткнувшись на ледяной взгляд Хель.

— Доктор, вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. То, что нефелимы будут способны переносить низкие температуры, было ясно с самого начала. По-вашему, их делали гигантами потому, что мне так захотелось?

Рашер сглотнул. «Да, — подумал он. — Тебе нравятся великаны, Хельга. Нравится создавать чудовищ». Но вслух он сказал совершенно иное:

— У них меньше соотношение единицы поверхности тела к массе тела и как следствие — меньше теплоотдача. Плюс дополнительные теплоизолирующие средства — волосы, подкожная жировая ткань...

Хель остановила его взмахом руки.

— Я рада, что вы это знаете. Но вы понимаете, что наши успехи не имеют практической ценности? Какая разница, как долго нефелимы способны переносить холод, если это животные, Зигмунд? Тупые злые звери, непригодные ни для какой работы?

— Ускоренные мутации влияют на нервную систему, — скривился Рашер. — Мы проводили вскрытия, и у всех нефелимов наблюдаются обширные поражения головного мозга. В первую очередь — в отделах, ответственных за долговременную память. Понимаете, для стимуляции роста нам приходится воздействовать на гипофиз и...

Доктор прикусил язык. За что, спрашивается, он оправдывается? Не он же разрабатывал технологию ускоренных мутаций. Не говоря о том, что Хель не терпела оправданий.

— Когда физиологические изменения перейдут в ранг наследуемых признаков, возможно, мы сможем избавиться и от побочных эффектов...

— Возможно? — Хель откинулась на спинку кресла. Черная кожа скрипнула. — Зигмунд, здесь не те игры, которыми вы забавлялись в Дахау. И иные ставки. Или вы забыли...

Договорить она не успела. Аварийная сирена взвыла как бешеная собака. На наблюдательной вышке вспыхнул и замигал красный прожектор — луч ударил прямо в окно, осветив багровым и без того демоническое лицо Хель.

— Проклятье. — Рашер вскочил, опрокинув стул, и метнулся к окну. Но Хель даже не вздрогнула. Словно ждала чего-то подобного.

Рашер остановился, прижавшись к холодному стеклу потными ладонями, и оглядел станцию. Луч прожектора метался по территории — розовое пятно по белому снегу. Без всякой системы, от одного барака к другому. Похоже, охранник на вышке сам не понимал, куда нужно направить свет. Неужели взбунтовались дикари?

Станция «Пангея-14» считалась относительно спокойным местом. Рашеру было с чем сравнивать — здесь он мог ходить без охраны, зная, что никто не попытается убить его. Мог заходить в бараки к подопытным и не чувствовать испепеляющую ненависть и презрение. Конечно, в Дахау на него тоже смотрели со страхом. Но там страх был другой — холодный и вязкий, точно глина. Здесь же на него смотрели с суеверным ужасом. Как на бога.

Однако риск существовал всегда — в конце концов, им пришлось иметь дело с дикарями. Животными, не имевшими ни малейшего представления о цивилизации, не говоря уже о генетической неполноценности. Осечки бывали редко, но случались.

Самое серьезное происшествие случилось три года назад. Тогда на станцию в качестве рабочего материала доставили одно из племен местных звероловцев, дикарей, кочевавших вдоль края Ледника вслед за мамонтами. Это была стандартная практика получения «препаратов». Обычно, попав на станцию, дикари

испытывали сильнейший психологический шок. Они не понимали, что случилось, где они и как здесь оказались. Происходящее не вписывалось в их примитивные представления о мире. Многие впадали в ступор — не могли принимать пищу и даже двигаться. Адаптация занимала довольно долгий срок.

Но тогда дикари пришли в себя меньше чем за час и напали на охрану. Прежде чем их обезвредили, они голыми руками убили четверых — разорвали на части, одному откусили пальцы. Убийства сопровождалось мерзким хихиканьем; Рашер до сих пор с содроганием вспоминал эти звуки. Позже доктор хотел уничтожить эту партию звероловцев, однако вмешалась Хель. Дикарей перевели в закрытый бункер, и об их дальнейшей судьбе Рашер не знал.

Только не похоже, чтобы сейчас происходило что-то подобное. В данный момент на станции находилось около двух десятков дикарей — в основном самки, для нужд обслуживающего персонала. Их держали в девятом бараке, а тот был заперт. Животные, поди, сами до смерти перепугались странных звуков и вспышек света. Забились в угол и боятся лишней раз вздохнуть.

Но если тревогу подняли не из-за дикарей, тогда... Доктор вопросительно посмотрел на Хель. Правый глаз начальника станции сверкал ярко-зеленым.

Она что-то вертела в длинных пальцах. Доктор разглядел маленькую фигурку из серебристого металла. Рашер уже видел у Хель этот амулет — искусно сделанную фигурку моржа, грузного и клыкастого. Странное украшение для худой и высокой Хель, но она очень им дорожила. Амулет скользнул меж пальцами.

— Пойдемте, доктор, — сказала Хель. — Что-то случилось с нашими детками.

Рашер не сразу понял, что она говорит о нефелимах.

Гигантов держали поодиночке в открытых загонах, огороженных колючей проволокой. Вместе нефелимы не уживались и дрались до тех пор, пока один не убивал другого. В таких же загонах жили представители местной фауны — белые и короткомордые

медведи, огромные волки, пара саблезубых кошек... Имелся на станции и мамонт — могучий и молчаливый самец с длинными бивнями цвета топленого молока.

Хель быстро шла по заснеженной дорожке между вольерами. Рашер насилу поспевал за начальником станции. Когда они добрались до нужного загона, доктор запыхался и морщился от боли в боку. Но по лицу Хель невозможно сказать, устала ли она хоть сколько-нибудь.

Перед Хель возник один из охранников — белобрысый парень в застегнутом на все пуговицы кителе. В руках он держал автомат, но оружие стояло на предохранителе. Охранник понимал: если он убьет гиганта без прямого приказа, то следующим обитателем загона окажется он сам.

— Госпожа начальник станции...

Под взглядом Хель, парень заткнулся.

— Я знаю.

Охранник вытянулся по струнке. Губы его дрожали. Рашер заглянул ему за плечо.

И нервно сглотнул. Тошнота подступила комом, а ведь доктору доводилось видеть и куда более жестокие и неприятные картины.

Весь загон был залит кровью — она замерзла на морозе, превратившись в рыхлую корку темно-коричневого наста. Огромные проплешины на чистом снегу, точно гангренозные пятна. Рашер не сразу увидел тело. Похоже, кто-то из обслуживающего персонала... И какого черта его понесло в загон?

Тело рабочего напоминало бумажную куклу, которую долго рвал, топтал и мял злой ребенок. Конечности вывернуты под неестественными углами, голова едва держится, из разодранной брюшной полости клубком вываливаются внутренности... Сложно поверить, что недавно это был живой человек. На ограде, повиснув на колючей проволоке, раскачивалась рука, вырванная из плечевого сустава.

Над истерзанным рабочим на корточках сидел нефелим и глухо рычал, как собака над костью. Спутанные космы скрывали его лицо, если, конечно, здесь уместно это слово. Скорее, звериная

морда: скошенный лоб, бугристые надбровные дуги и выступающая челюсть. Волосы слиплись от крови и на морозе превратились в грязные сосульки. Они перестукивались друг о дружку, подобно бубенцам. С каждым выдохом из оскаленной пасти вырывалось облако пара.

Нефелим был огромен. Сидя он выглядел немногим ниже Рашера, но если бы гигант выпрямился, его рост составил бы минимум три с половиной метра. При этом великан был тяжел и грузен. Двести девятый номер — лучший из живых образцов. До сегодняшнего дня его психика считалась относительно стабильной. Он даже мог выполнять простейшие команды. На это и попался рабочий: зашел в вольер, забыв об обязательных мерах предосторожности. И кто знает, что именно переключило в мозгу у гиганта — итог все равно один. Теперь же в соответствии с требованиями безопасности нефелима нужно ликвидировать.

— Не повезло. — Хель склонила голову.

Проклятье... Она ведь говорит отнюдь не о рабочем. В руке у начальника станции снова мелькнул талисман. Несмотря на мороз, она была без перчаток. Рашер заметил и другую странность — когда Хель говорила, с ее губ не срывалось и легкого облачка пара. словно ее дыхание было ледяным или же она вовсе не дышала. От этого доктору стало не по себе куда больше, чем от вида чудовища, склонившегося над жертвой.

— Открой ворота, — сказала Хель охраннику.

Тот стал торопливо нажимать кнопки электрического замка. Ворота загона взвизгнули, отъезжая в сторону. От мерзкого звука сводило зубы.

— Простите... Вы же не собираетесь туда входить? К нему? Он опасен...

Хель смирла доктора взглядом.

— Я знаю.

Хель шагнула навстречу гиганту. Снег оглушительно скрипнул под сапогами.

— Госпожа Хельга! — Голос Рашера прозвучал глухо. — Не делайте этого! Подумайте...

Взмахом руки Хель приказала ему молчать.

Хриплое рычание стало громче; огромной лапой нефелим придвинул тело рабочего, давая понять, что делиться добычей он не собирается.

Хель шла решительно и не останавливаясь. Спина прямая, порыв ледяного ветра разметал белые волосы. Рашер заметил, как смотрит на нее охранник — одновременно с восхищением и ужасом. Наверняка что-то подобное читается и в его взгляде. Хель... Красавица и чудовище во всем.

Рашер затаил дыхание. У каждого хищника есть невидимая граница — стоит ее перейти, и нападение неизбежно. Еще пара шагов и...

Нефелим громко рывкнул, встал. И разом вырос вдвое. На его фоне Хель уже не казалась такой высокой. Глаза великана были красными от полопавшихся сосудов. Хель смотрела в них внимательно, в надежде разглядеть хоть крупицу разума, но видела лишь тупую животную ярость. Жаль, очень жаль... На этот образец она возлагала большие надежды.

Она сжала фигурку моржа. Холодный металл слабо вибрировал. Хель чувствовала, как немеет рука — от ладони к запястью, к локтю и до плеча.

— Подойди, — приказала она великану.

Голос звенел, в нем не было и капли страха. Нефелим оскалил желтые клыки. В пасти пенилась слюна, с морды на снег посыпались хлопья замерзшей крови.

— Подойди сюда, — не повышая голоса, повторила Хель.

Слова сработали как спусковой крючок. Захлебываясь ревом, нефелим прыгнул на начальника станции, расставив огромные руки. Что произошло дальше, Рашер так и не понял.

Хель не отступила и на полшага. Лишь вытянула руку в сторону гиганта. И нефелим врезался в невидимую стену.

Рев чудовища оборвался. Великан остановился в паре шагов от Хель. Застыл с оскаленной пастью и вытянутыми вперед руками. Будто кто-то ему приказал: «Замри!» Рашеру померещилась розоватая дымка, взвившаяся за спиной нефелима, но она тут же исчезла.

Кончиками пальцев Хель толкнула громадную фигуру. Медленно великан стал заваливаться набок, а затем рухнул к ногам начальника станции.

От удара тело нефелима раскололось на три части. Голова откатилась в сторону, одна рука переломилась в локте, вторая осталась торчать вверх, хватаясь скрюченными пальцами за воздух.

Рашер вытаращил глаза. Она что, заморозила гиганта? Легким движением руки превратила в ледяную статую?

Хель пошатнулась. Вот сейчас она упадет... Но начальник станции заставила себя выпрямиться.

— Госпожа Хельга! — Доктор шагнул к воротам. Мысли путались. Ему хотелось помочь ей, поддержать, и в то же время он боялся к ней приближаться.

Носком сапога Хель толкнула отколовшуюся голову. Сосульки обледеневших волос обламывались со звенящим треском.

— Приберитесь здесь, — приказала Хель.

— Есть! — услышал Рашер голос охранника.

Парень был бледнее бледного. Когда Хель пошла к воротам, охранник так вцепился в автомат, точно хотел сломать его пополам.

Хель остановилась напротив доктора. Ее одежду, лицо, руки и волосы покрывала мелкая снежная пыль. Будто она прошла сквозь беснующуюся метель.

— Зигмунд, — сказала Хель, отряхивая иней с ладоней. — Нам нужен новый материал. Распорядитесь подготовить экспедицию.

Даже не взглянув на осколки ледяной статуи, она зашагала к башне.

— Я займусь этим немедленно, госпожа Хельга...

Рашер поспешил за начальником станции. За спиной поднятая рука нефелима обломилась и упала на снег.

ГЛАВА 2

БЕЛАЯ РЕКА

Люди племени кайя называли эту реку Аэйла — Белая Река. Свое имя она получила из-за торчащих из воды больших камней: река бурлила вокруг них белой пеной, вскипала на бесчисленных водопадах и перекатах. Рожденная тысячами родников на склонах Великого Ледника, река текла на запад, через большие равнины, в земли, куда каждый вечер уходило теплое солнце. Уходило, чтобы рассказать предкам кайя, как живут их дети. Если предкам нравились истории, они посылали богатые дары. И тогда Белая Река меняла свой цвет на бруснично-алый — цвет красной нерки, без счета идущей вверх по течению. Еще предки посылали форель и горбушу, стада оленей и мохнатых быков, красношеих казарок и пушного зверя. Предки любили своих детей-кайя, и на берегах Белой реки всегда было много добычи.

Лето только началось, кое-где в лесу еще не сошел снег. Но река уже сломала ледяной панцирь и весело клокотала среди гладких камней. Над водой на ветке корявой ивы сидел крупный зимородок. Зеленое и синее оперение сверкало на солнце. Зимородок вглядывался в бурлящую воду, изредка дергая массивной головой. Священная птица ждала добычу, ждала терпеливо и долго.

Так же ждала добычу и юная Белка из рода Медведя. Девочка устроилась на плоском камне, уступом нависшем над рекой. Сильные пальцы сжимали древко остроги с наконечником из кости лося. Невысокая и гибкая, с мягкими чертами лица, Белка походила на хищного зверька — куницу или колонка. Лоб и щеки украшал сложный узор из переплетающихся спиралей,

нарисованных красной охрой; темно-рыжие волосы были заплетены в многочисленные косички.

Белка сидела неподвижно; длинные косички покачивались, негромко постукивая друг о друга. Следуя обычаю, Белка вплетала в волосы коготки, клыки или перья каждого добытого на охоте зверя — будь то лиса, белка или казарка. Это помогало защититься от злой тени, которая есть у каждого животного. Ведь если ее не обмануть или не задобрить, тень будет преследовать охотника, пока его не убьет. Потому Аарк Большой Бык, сильнейший охотник племени кайя, носил ожерелье из позвонков бизона, а его брат не снимал лоскутного плаща, сшитого из кусочков шкур сотни оленей и лошадей.

Впрочем, Белка пока только мечтала о такой добыче, как дикий бык или олень. Хотя она лучше всех сверстников обращалась с пращей и острой, на Большую Охоту ее не брали. Она еще не прошла обряда посвящения и не имела права охотиться со взрослыми кайя. У нее даже не было настоящего имени. «Белка» — это детское прозвище.

Настоящее имя Белка должна была получить в день летнего солнцестояния. Защищая детей от злых духов, кайя давали имена тогда, когда ребенок уже мог постоять за себя. Не просто достигал определенного возраста, но в ходе долгих и жестоких испытаний доказывал свое право считаться взрослым.

Пять дней назад Оолф, знахарь, говорящий с предками, палкой выгнал девочку из селения. Старик постарался на славу — на спине у Белки остались кровоточащие ссадины. Теперь до самого дня солнцестояния она не имела права возвращаться. Впрочем, Белка, зная о предстоящем изгнании, успела подготовиться — спрятала в лесу острогу, каменный нож и запасные мокасины, немного сушеного мяса и пеммикана... Один из тайников разорила лиса, но это небольшая потеря.

Белка быстро обжилась в лесу. Построила шалаш из еловых веток и поставила ловушки — в одну уже попалась зайчиха.

Всему, что она знала, Белку научил Оолф. Родители ее погибли, когда ей не было и трех зим, — на охоте их затоптал лось, —

и маленькую Белку взял на воспитание старый знахарь. Именно Оолф научил ее охотиться, отслеживать зверя и бить рыбу. А еще Белка узнала, какой мох останавливает кровь и какой корень нужно жевать, когда болят зубы. Как обмануть злую тень и как просить лесных духов о хорошей охоте. Как отличить человека от оборотня и какую траву нужно кидать в костер, когда говоришь с предками... Придет срок — старый Оолф отправится на запад, и тогда Белка займет его место. Но сначала она должна получить имя.

Белка повела плечами. Она устала сидеть без движения; от напряжения тянуло ссадины на спине, пальцы покраснели от брызг и окоченели до боли. Белка давно заметила рыбу — толстую форель длиной в локоть. Притаившись у большого камня, рыба лениво шевелила плавниками. Белка легко могла ее поймать, однако она ждала. Первым добычу должен взять зимородок, иначе рыбалки не будет.

— Удачи тебе, маленький рыболов, — прошептала Белка. — Пусть Мать-Аэйла подарит тебе хорошую рыбу...

Зимородок встрепнулся и глянул на Белку черным глазом. А спустя мгновение, камнем упал в воду. В воздухе сверкнула голубая молния. Белка многое бы отдала за пару блестящих перьев зимородка. Она бы вплела их в волосы, и в селении кайя не нашлось бы девушки прекраснее. Но охотиться на птицу нельзя: как и кайя, зимородки — дети Белой Реки. Убить его — все равно что убить сородича.

Старый Оолф рассказывал, что в давние времена к Аэйле пришли три зверя — Медведь, Рысь и Росомаха. Мать-река не смогла выбрать из них лучшего охотника, и каждый стал ее мужем. Так появились первые люди, три рода кайя — Медведя, Рыси и Росомахи. А зимородки родились из речных брызг и солнечного света...

Птица ударилась о воду, взметнулись разноцветные брызги. И тут же зимородок взмыл вверх: в клюве трепыхалась блестящая рыбка. Птица перелетела на ветку поваленного дерева. Задрав голову, она проглотила добычу и снова уставилась в воду. Хороший знак!

— Спасибо, маленький рыболов. Пусть Мать-Аэйла будет благосклонна и к моей охоте...

Белка привстала и метнула острогу. Форель рванулась в сторону, но поздно — зазубренный наконечник вонзился в радужный бок. Рыба забилась; древко остроги заколотило по воде.

— Ай-я! — Белка вскочила.

К остроге был привязан кожаный ремешок, второй его конец Белка обмотала вокруг запястья. Она потянула за веревку и вытащила острогу с бьющейся рыбой. Форель изумленно разевала рот.

— Спасибо, Мать-Аэйла!

Резким движением Белка сломала рыбе хребет. В отличие от зверей и птиц, у рыб не было злой тени, и не нужны сложные ритуалы, чтобы ее прогнать. К тому же рыбу можно есть сырой, а Белка здорово проголодалась. Она нечасто ела досыта и потому ждать не любила.

Белка вытащила из меховых ножен нож — пластинку из черного камня длиной с ладонь и шириной в три пальца. Острые края легко разрезали волос. Чтобы их заточить, камень нагревали в костре, а затем капали на край ледяной водой с кончика сосновой иглы. От пластинки откалывались кусочки размером с ноготь, и постепенно так затачивался весь нож. Кропотливая работа занимала несколько дней — камень трескался, ломался, приходилось начинать заново. Свой нож Белка сделала сама; рукоятку обернула беличьей шкуркой.

Сидя на камне, Белка выпотрошила рыбу. Облизала пальцы, вымазанные холодной липкой кровью. Но не успела она приступить к трапезе, как за спиной треснула ветка.

Белка подняла нож. Берега Белой Реки — место отнюдь не безопасное. Медведи, волки, саблезубые кошки — в лесу хватало хищников. Могло быть и хуже: порой к реке выходили бродячие охотники, кочевавшие за стадами оленей и бизонов. Дикие и жестокие люди, которые не гнушались человечины. На селения они не нападали, но, если им удавалось встретить кого-нибудь из кайя вдали от сородичей, его убивали не задумываясь. И вырезали

язык. Оолф говорил, что дикари не умеют разговаривать, вот и хотят украсть слова у детей Аэйлы.

Впрочем, Белке повезло. Сквозь прибрежные кусты пробирался не хищный зверь и не дикарь. Это был Тойк, парень из ее рода. Белка узнала его по тому, как неумело парень пытался подкрасться незамеченным. С кустов осыпались листья, парень спотыкался о каждый корень и камень, да еще и шел по ветру — Белка слышала запах дыма. За неуклюжесть парня и прозвали «Тойк», то есть барсук.

Тойк был на год старше Белки. Имя он должен был получить прошлым летом, но Оолф не допустил его до испытаний. Уже тогда над парнем посмеивались, а после того, как и в этом году старик оставил Тойка в селении, над беднягой хохотали в голос. Белка помнила взгляд Тойка, когда Оолф гнал ее в лес. Глаза парня блестели от зависти и обиды. Еще бы — всю зиму и весну, он только и говорил, как пройдет испытания и каким великим охотником станет. В этих историях Тойк голыми руками ловил оленей и без счета побеждал саблезубых кошек; каждая женщина селения умоляла его прийти в ее дом. А получилось, что его еще на год оставили среди детей.

Белка опустила нож.

— Я вижу тебя, Тойк, — крикнула она. — Идешь как медведь, объевшийся перезрелых ягод. Всех саблезубых кошек распугал!

Белка звонко рассмеялась над собственной шуткой. Зимородок сорвался с ветки и улетел вниз по течению.

Из кустов послышалось злое пыхтение. Тойк поднялся — невысокий, коренастый, с насупленными бровями. В курчавых волосах запутались листья. Рисунок из черных и коричневых полос — уголь и охра — и впрямь делал его лицо похожим на морду барсука.

Белка глядела на него с любопытством. Интересно, что он делает в лесу? Не на охоту же вышел — Белка не увидела ни копыта, ни палицы. Неужели Оолф выгнал парня из селения? Может, старый знахарь сжалился или внял мольбам и допустил Тойка до испытаний?

Белка замотала головой. Быть не может. Оолф не сам решает, чей черед получать имя, — ему говорят предки. А они решений не меняют.

— Откуда ты взялся, Тойк? — Белка выпрямилась. Пойманную рыбу она держала за жабры. — Ты же должен копать корни вместе с другими детьми.

Тойк фыркнул.

— Хороший улов, Белка, — сказал он, косясь на форель. — Отдай мне.

— Еще чего. — Белка осклабилась. — Хочешь рыбы — сам и лови. У того камня плавает много мальков.

Она махнула рукой. Тойк даже не взглянул в ту сторону.

— Отдай. Зачем мертвецу хорошая рыба?

Тойк не грозился и не шутил, назвав ее мертвецом. Как ребенок Белка умерла, когда Оолф ударил ее по спине. Из селения старик прогнал не свою воспитанницу, а ее призрак. Мертвеца, которому не место среди живых. А как взрослая Белка еще не родилась; это случится, когда она получит свое имя. Пять дней назад у Тойка мысли бы не возникло попытаться отнять у нее добычу. Но сейчас он мог это сделать: Белка была призраком, а не сородичем. Тойк мог даже убить ее, не страшась наказания.

Проще отдать ему рыбу. Несмотря на неуклюжесть, Тойк был сильнее. Но Белка не собиралась делиться уловом. Тойк ведь не отнесет форель в селение: набьет пузо, а остатки выкинет в реку.

— Уходи. Иди, собирай улиток, Тойк-ли.

Белка специально использовала ту форму слова, которой обозначались детеныши. «Тойк-ли» — барсучонок. Страшнее обиды и представить сложно. Тойк дернулся, словно Белка его ударила. Он бросился вперед, запнулся о корень и растянулся на земле.

Белка решила не искушать судьбу. Разбежавшись, она перепрыгнула на соседний камень, ближе к середине реки. Мокасины из рыбьей кожи заскользили по мху. Если б не тяжелая форель, Белка легко бы перебралась на противоположный берег, прыгая по камням. Однако с рыбой в руках нельзя спешить — девочке не хотелось купаться в ледяной реке.

Тойк выбрался на берег и подбежал к самой воде.

— Испугалась? — крикнул он. — Белка струсила! Все селенье будет смеяться, когда узнает. Знаешь, какое тебе дадут имя? Рууфа — зайчиха!

Он захохотал, хлопая себя по животу и бедрам. Белка развернулась, едва удержавшись на камне. Тойк знал, как ее задеть, — один раз он уже называл ее трусихой. Тогда Белка почти выцарапала ему глаза, насилу оттащили. С тех пор Тойк старался держать язык за зубами. Но сейчас им двигали обида и зависть. Тойк не случайно ее встретил. И рыбу он собирался отнять не потому, что голоден. Наверняка все пять дней, которые Белка жила в лесу, Тойк искал ее, чтобы поквитаться за насмешки, которые он терпел в селении.

— Рууфа? — прошипела Белка. — У тебя вообще не будет имени, Тойк-ли. Будешь жить с детьми, пока борода не вырастет до пояса.

Лицо Тойка стало пунцовым.

— Неправда! — выкрикнул он. — Это... Это у тебя не будет имени! Ты никогда не пройдешь испытаний!

Подхватив с земли гальку размером с кулак, Тойк швырнул ее в Белку. Не попал; камень шлепнулся в воду в паре шагов от девочки. Но не успела Белка сказать, что она думает о меткости Тойка, тот бросил второй камень. Белка еле увернулась, булыжник просвистел у самого уха.

— Ай-я!

Тойк поднял третий камень, прицеливаясь для нового броска. Белка напряглась, собираясь перескочить на следующий валун, когда парень швырнет булыжник. Однако этого не случилось.

Из кустов послышался громкий и хриплый рык. Тойк вскрикнул, камень выпал у него из руки. На берег, ломая ветки, вышел огромный черный медведь.

Зверь шел не спеша, опустив лобастую голову. Нескладный, длинноногий, с короткой мордой и блестящими черными глазами. Длинная шерсть висела грязными космами; под тяжелой шкурой перекачивались мышцы.

Белке еще не доводилось видеть таких больших медведей. На берегах Белой Реки жили звери в полтора раза меньше и с более светлой шкурой. Питались они рыбой, ягодами и медом и были опасны только ранней весной. Однако старый Оолф рассказывал, что на равнинах водятся совсем другие хищники — гиганты, которые охотятся на бизонов и лошадей. И горе тому охотнику, который их встретит.

Тойк замер, боясь пошевелиться. Кровь отхлынула от лица. Белка заметила, как задрожали у парня колени, как забежали его глаза. Медведь, хотя и не смотрел на Тойку, приближался с каждым шагом.

— Не двигайся, — сказала Белка. — Побежишь — он догонит и оторвет голову.

Тойк жалобно всхлипнул. Белка расправила плечи. Она терпеть не могла Тойку — тот был жадным, прожорливым и глупым. Но он был из ее рода, и Белка не имела права бросить его одного со зверем.

Она с силой сжала древко остроги. Против медведя такое оружие бесполезно — костяной наконечник даже не пробьет толстую шкуру. Может, попытаться попасть в глаз? Это единственный шанс, если не получится договориться.

— Вурл! — крикнула Белка, обращаясь к медведю по его истинному имени.

Черные глазки зверя влажно блеснули. Слишком маленькие, чтобы попасть с такого расстояния. Идти же против медведя с каменным ножом — безумие. У зверя когти длиннее, чем ее пальцы, — один взмах могучей лапы, и Белка безымянной отправится в земли предков. Но если не будет выбора...

— Вурл. — Белка склонила голову. — Сохрани жизнь этому детенышу. Взамен я отдам тебе свою добычу. Мать-Аэйла послала мне хорошую рыбу.

Она высоко подняла форель, показывая ее со всех сторон. Медведь коротко рыкнул. Белка не знала его языка, но надеялась, что зверь согласился на обмен. Размахнувшись, она бросила форель — та шлепнулась на камни в паре шагов от медведя. Зверь дернулся,

а затем не спеша подошел к рыбине. Обнюхав ее, он довольно заворчал. Массивные челюсти сомкнулись на блестящей тушке.

— *Беги!*

Тойка не нужно было упрашивать. Со всех ног он бросился обратно в лес. Медведь лениво проводил его взглядом. Может, он и не собирался нападать, но Белка не сомневалась — это она выкупила жизнь парня. Как и все кайя, Белка верила, что звери и птицы понимают человеческий язык. С каждым из них можно договориться. Старый Оолф рассказывал, что раньше и люди знали язык животных, но променяли этот дар на огонь.

Медведь разделался с форелью в два счета. Облизнулся и громко фыркнул. Даже не взглянув на Белку, он пошел вверх по течению.

— Удачной тебе охоты, Вурл, — крикнула Белка. — Пусть Мать-Аэйла pošлет тебе хорошую добычу!

Когда медведь отошел на десяток шагов, он задрал голову к небу и зарычал. А затем вдруг побежал, переваливаясь с боку на бок. Зверь чего-то испугался, но что могло напугать такого гиганта? Медведь свернул в лес и скрылся в чаще. Хлопая крыльями, из-за деревьев выпорхнула стая белых куропаток.

Белка огляделась. В груди шевельнулось неприятное чувство — что-то происходило. По лесу словно прокатилась невидимая волна. Испуганно вскрикнула и тут же замолчала сойка, деревья зашелестели иначе, и даже в шуме реки Белке послышались угрожающие нотки. Смолкли птицы, и исчезли кружившие над водой тучи веснянок.

Белка втянула носом воздух. Охватившее ее смутное беспокойство быстро разрасталось. В горле пересохло, и сердце заколотилось, пытаясь вырваться из груди.

Белка знала, что означает подобный беспричинный страх. Так духи предков предупреждали об опасности. А значит, нужно немедленно уходить. Спрятаться в лесу и не высовывать носа.

Белка изготавилась к прыжку, когда услышала басовитый гул. Она замерла, прислушиваясь. Звук приближался. Он походил на гудение майского жука, но во много раз громче и тяжелее.

Звук доносился сверху. Задрав голову, девочка всматривалась в бледно-голубое небо, пока не увидела три темные точки. Какие-то птицы летели в ее сторону... Птицы? Стоило их заметить, и Белку охватил новый приступ страха. Чтобы не завывать дурным голосом, девочка до боли прикусила губу.

Птицы оказались огромными, каждая — не меньше мамонта, с гладкими округлыми телами, блестящими на солнце, точно рыба чешуя. Гигантские выпученные глаза были абсолютно черными. Птицы летели, высоко задрав длинные хвосты; крылья росли у них прямо из головы — птицы махали ими что было мочи, виднелся лишь расплывающийся круг. А еще они пели... Сквозь громкий гул Белка расслышала странную мелодию, вовсе не похожую на пение обыкновенных птиц.

Девочка прыгнула в реку — дыхание перехватило, когда ледяная вода скрыла ее с головой. Она тут же вынырнула и в два гребка перебралась под камень, с которого ловила рыбу. Оставалось молить предков, чтобы сверху ее не заметили. Белка прижалась спиной к холодному камню и зажмурилась.

— Мать-Аэйла, укрой меня и защити...

Гул нарастал. В какой-то момент он стал таким громким, что заложило уши. Если б Белка закричала, то не услышала бы собственного голоса. Длилось это несколько ударов сердца, а затем звук стал стихать. Вскоре вновь наступила тишина.

Белка сидела под камнем, не смея пошевелиться. Казалось, стоит открыть глаза, и она увидит округлую морду чудовищной птицы. Та сидит на берегу и ждет, когда Белка выглянет из убежища. Тогда она схватит ее и разорвет на мелкие кусочки.

Но время шло, а блестящие чудовища ничем не выдавали своего присутствия. В лесу пронзительно крикнула сойка. Белка открыла глаза.

Никто ее не поджидал, лишь бурлила и пенилась река, швыряя в лицо колючие брызги. Страх отпустил внезапно, как и начался. Девочку трясло, но больше из-за того, что она продрогла до костей.

Белка выдохнула сквозь зубы и выбралась на берег. Чудовищные грохочущие птицы улетели, Белая Река спрятала и защитила ее.

— Спасибо, Мать-Аэйла...

Скинув одежду, Белка принялась растирать кожу. Нужно развести огонь, согреться и высушить одежду. Придется вернуться к шалашу; на берегу вовек не найдешь сухого дерева.

Белка вспомнила жаркий очаг в хижине. Как бы она хотела сейчас там оказаться! Укрыться теплыми шкурами и впитаться зубами в толстый кусок жаренной на углях оленины... Интересно, что бы сказал старый Оолф, услышав историю о том, как Аэйла спрятала Белку от чудовищных птиц?

Белка перевела взгляд на реку. Птицы... Они улетели вниз по течению! К селению, в котором жили люди племени кайя.

ГЛАВА 3

ДОМ ДУХОВ

Белка опоздала. Бежала со всех ног и все равно опоздала...

Люди племени кайя жили в полукруглых шалашах из веток, обмазанных глиной. В селении было полтора десятка таких хижин; они стояли вокруг высокого тотемного столба, изображавшего Хранителя рода — медведя, поднявшегося на задние лапы. Кайя верили, что медведь защищает их и прогоняет от селения оборотней и злых духов. За это Хранитель рода получал часть добычи: после каждой охоты старый Оолф мазал деревянные клыки кровью убитых животных.

Но на этот раз Хранитель рода не уберег своих детей. Подбегая к селению, Белка увидела, что тотемный столб охвачен языками пламени. С громким скрипом он накренился и рухнул на землю. Рой ярких искр исчез в клубях маслянистого дыма. Едко пахло горелыми шкурами.

Белка без сил упала на колени. Она задыхалась, кровь стучала в ушах. Девочка не верила глазам: ее селение, ее дом, ее род — не осталось ничего. Белка схватила себя за косички и с силой дернула; она еще надеялась, что происходящее — сон, а так она сможет проснуться. Не проснулась. Крик застрял в гортани.

Белка жила в жестоком мире, где смерть — обычное дело. Она была повсюду и всегда рядом: люди гибли на охоте и в стычках с другими племенами, тонули в реке или погибали под обвалами, умирали от ран и болезней. И кайя не боялись смерти. Она была лишь испытанием, ударом палки по спине. Как ребенок должен умереть, чтобы родиться взрослым, так и взрослый умирал,

чтобы отправиться на запад, в земли предков. В страну вечного лета, где реки полны рыбы, а по бескрайним равнинам ходят тучные стада.

Куда страшнее была неправильная смерть. Нельзя попасть в земли предков, если они сами не призовут тебя. Потому среди кайя не было самоубийц, а самым страшным наказанием было изгнание из рода и потеря имени. Только Белку изгнали и лишили имени не в наказание. А теперь, когда селение разрушено и вокруг нет ни одного живого человека, — как она пройдет испытания?

На западе ее встретит белая росомаха. Что скажет Белка, когда зверь спросит ее имя? Детское прозвище она потеряла, а взрослое имя не обрела... Росомаха набросится на Белку и прогрызет дыру в животе. А потом прогонит прочь, и она превратится в оборотня. Будет ходить одна и ничем не сможет утолить голод — пища будет вываливаться, огонь не будет ее греть, и она никогда не сможет уснуть.

Кроме треска огня, из селения не доносилось ни звука. Чудовищные птицы улетели. Еще в лесу Белка снова слышала их гул. Тогда она спряталась под поваленной елью и сидела, пока звуки не стихли. Потому и не видела, что произошло в селении. Как птицы смогли все сжечь? Они не знают огня...

Раздался громкий хлопок, над одной из хижин поднялся огненный столб — загорелся запасенный на зиму топленый жир. Белка отпрянула от волны жара. Пошатываясь, она поднялась на ноги.

— Эй! — Крик драл горло. — Это я... Белка.

Она с трудом выговорила свое прозвище. Ответом была тишина.

До дня солнцестояния Белка не имела права входить в селение. В лучшем случае ее бы просто прогнали, осыпая ударами и насмешками. Могли и отложить испытания на год — тогда Белке пришлось бы жить на окраине, питаясь объедками и не приближаясь к общему костру. Или Медведь, Хранитель рода, мог принять ее за оборотня и разорвать на части. Белка глянула на остатки тотемного столба, догоравшие на черной земле. Раньше мог.

— Эй!

Нет ответа. Пальцы сжались на обернутой беличьей шкуркой рукоятке ножа. Собрав силы, девочка переступила невидимую границу. Ей так хотелось чтобы кто-нибудь выскочил из дыма, закричал на нее, прогнал из селения... Но этого не случилось.

Земля обжигала даже сквозь подошвы мокасин; в воздух поднялось облако пепла. Белка зажала рукой нос и рот, но это не защитило от дыма. Повсюду горело множество крошечных, не больше ладони, костерков — подобравшись ближе, Белка увидела лужицы черной смолы. Когда она ткнула в одну из них ножом, смола прилипла к острию и осталась гореть. Белка вонзила нож в землю, но, когда она его вытащила, пламя вспыхнуло снова.

Пригибаясь, девочка пошла вдоль разрушенных хижин. Она видела тлеющие шкуры и кости, брошенные инструменты, деревянного волка — детскую игрушку с обугленными лапами и мордой... Но ни одного человека — ни живого, ни мертвого.

Следов было много, только прочитав по ним, что же случилось в селении, не получалось. Здесь пробежала женщина, там она упала, тут кто-то полз или его тащили...

Белка остановилась, заметив в золе странный отпечаток. Ничего подобного она прежде не встречала. Существо передвигалось на двух ногах. Но оно не было человеком — след не походил на гладкие отпечатки мокасин кайя. Тяжелый, вытянутый, пересеченный зазубренными полосами... На птичий след он походил и того меньше. И кто же тогда? Оборотень?

Хотелось бежать. Куда — не важно, главное — прочь отсюда. Найти укромное местечко, забиться в него и не высовываться. Оборотень... На кайя не могли напасть оборотни! Они боятся солнечного света и охотятся по ночам. И у них нет огня!

В селении уцелел один шалаш, стоявший в стороне от прочих. Ему тоже досталось — задняя часть развалилась, в боковой стене зияла дыра. Но над ним по крайней мере не клубился дым.

Шалаш принадлежал Оолфу. Старый знахарь общался с духами, а духам не место среди людей. Оолф поставил дом там, куда не доставала тень тотемного столба.

Хотя именно старик воспитал Белку, в его шалаше девочка не была ни разу. Будучи ребенком, Белка не имела права к нему приближаться. Да и прочие кайя старались держаться подальше — с духами шутки плохи. Они бывают разными: хорошие духи помогают на охоте, делают оружие крепким, а копья острыми. Но есть среди них и такие, которые пробираются в тело и выгрызают внутренности; другие вызывают лихорадку и заставляют человека корчиться в судорогах. Лишь в особых случаях кайя входили в дом знахаря, и первый раз — в день испытания... Именно там предки должны были дать Белке взрослое имя.

Белка шагнула к шалашу и остановилась. Она помнила, что случилось с одним мальчиком, который нарушил запрет. Парнишка заглянул в дверь, ничего не увидел, но потом целый день хвалился своей храбростью. А вечером пришел Оолф и сказал, что в парня вселился злой дух. Три дня мальчишку тошнило белыми червями, пока Оолф не посчитал, что тот достаточно наказан, и не изгнал духа. Впрочем, парень не оправился и до следующей зимы не дожил.

Белке вовсе не хотелось, чтобы и ее тошнило белыми червями. Старый Оолф научил ее умирять мелких духов вроде тех, от которых ноют зубы. Но в его хижине жили призраки куда могущественнее и злее. Белка для них желанная добыча: девчонка без имени, потерявшая свой род, да еще и напуганная до полусмерти, — лакомый кусочек.

Девочка стиснула зубы. Она не боится... Взрослые кайя не должны бояться. Страх был той тропинкой, по которой злые духи могли пробраться в тело. Шаг к шалашу. В этот момент Белка услышала звук — стон или громкий выдох, — донесшийся из хижины знахаря. Ее словно бросили в ледяную воду. Нож выпал из вспотевшей ладони.

Духи. Они учуяли ее. И сейчас, когда тотемный столб лежит на земле, а старый Оолф исчез, — кто сможет их удержать? Бежать... Но Белка осталась стоять.

В глубине облака суеверного страха крошечной змейкой шевельнулась надежда. А если это не злые духи? Что, если

кто-то из ее сородичей? Нужно только подойти и посмотреть... Еще шаг.

Звук послышался снова. Тихий хрип, словно кто-то кашлял, зажав рот ладонью. Звуки не походили на те, которые должны издавать духи. Оолф учил, что они говорят в голове и ушами их не слышать.

— Мать-Аэйла, защити меня, — забормотала Белка и осеклась. Река далеко и не может ей помочь. Но если Белка не будет бояться, злые духи ничего ей не сделают.

Одним прыжком девочка подскочила к хижине знахаря. Все осталось как прежде — из дыры в стене не полезли чудовища, а в животе не закопошились черви. Белка выдохнула. Конечно же! Чего ей бояться: духи же давно сбежали, они те еще трусы.

Белка заглянула в хижину и увидела разрушенный очаг. По земляному полу были раскиданы потухшие угли. Кайя умели добывать огонь: и трением, и высекая искры из правильных камней. Но очаг в доме знахаря был особым — здесь горел родовой огонь. Частичка того самого огня, который предки кайя принесли из западных земель. С его помощью Оолф мог разговаривать с духами предков; от этого пламени зажигали костры в дни летнего и зимнего солнцестояния. Родовой огонь никогда не гас — Оолф кормил его каждый день, как до него кормил его предшественник, а после — должна была кормить Белка.

Но пламя погасло... Белка сжалась. Как теперь разговаривать с предками? Как они ее услышат? Она подавила вновь поднимающуюся волну страха.

Среди углей валялись инструменты знахаря: каменные и костяные ножи, пучки сушеных трав, метелка из перьев и оленья голова с ветвистыми рогами. Эту голову Оолф надевал во время праздника перед Большой Охотой. Накинув на плечи шкуру, он прыгал и тряс рогами, а охотники-кайя кидали в него палки. Заклинательный танец приносил удачу в охоте. После старик превращался в бизона, тура и дикую лошадь — в хижине знахаря лежало множество звериных шкур, сваленных у дальней стены. Именно оттуда и доносились странные звуки.

Белка подняла тяжелое копьё с каменным наконечником. Шкуры едва заметно шевелились. Может, заключенные в них тени пытались выбраться наружу? Белка толкнула шкуры тупым концом копьё и отскочила назад, приготовившись защищаться. Но услышала тихий стон. Тяжелая шкура бизона сползла, и из-под нее показалась морщинистая рука с узловатыми пальцами.

Спустя мгновение Белка уже разгребала шкуры. Ей потребовалось немного времени, чтобы вытащить прятавшегося под ними человека. Белка вскрикнула от радости.

Это оказался худой и костлявый старик. Спутанные седые волосы и борода топорщились. Оолф... Лицо старика почернело от копоти, не разглядеть узоров на щеках. Глаза затянуло туманной пеленой. Знахарь смотрел прямо на Белку, но не видел ее.

— Оолф! — Белка тряхнула его за плечи.

Голова старика мотнулась, того и гляди, отвалится и покатится по полу. Знахарь закашлялся, отхаркивая черные сгустки крови. Белка перевернула его набок.

Старик сильно наглотался дыма, но это полбеды. Куртка из меха бобра насквозь пропиталась кровью и липла к рукам. По шкурам расползлось огромное темное пятно. Белка разбиралась в ранах и сразу поняла: Оолфу осталось недолго. Чудо, что он еще жив.

Среди разбросанных снадобий Белка отыскала длинные полоски бледно-зеленого мха, размяла их пальцами. Затем подняла толстый корень, похожий на человека с руками, ногами, но без головы. Откусив от корня большой кусок, Белка принялась пережевывать его в кашицу; язык щипало от горького вкуса.

Не переставая жевать, Белка разрезала ножом завязки на куртке старика. Оолф задергался, попытался схватить ее за руку и что-то сказать. Девочка зажала его рот ладонью. Слова потом.

Осмотрев бок старика, Белка нашла рану — совсем крошечную дырочку. Не может быть, чтобы из нее вытекло столько крови! Белка сплюнула в ладонь белую кашицу и прижала ее

к ране. Зрачки Оолфа увеличились почти вдвое, рот распахнулся в беззвучном крике. Размятую полоску мха Белка положила поверх пережеванного корня и осталась сидеть, придерживая мох рукой.

Оолф жадно глотнул воздух. Туман во взгляде таял.

— Белка... — На губах и бороде темнели капельки крови.

— Молчи! — приказала Белка и даже не удивилась тому, что повысила голос на знахаря. А раньше ей бы в голову такое не пришло.

Всего один раз Белка делала то, что собиралась сейчас. Тогда одна девочка из рода порезала ногу об осколок раковины. Крови было много, а бежать за стариком в селение слишком долго, да и девчонка так кричала... Тогда Белка справилась, значит, справится и сейчас.

Белка закрыла глаза, вспоминая, чему ее учил Оолф. Она представила рану между ребрами старика — маленькое круглое отверстие с пульсирующими краями. В любой ране живет злой дух. Чтобы ее исцелить, сперва надо изловить этого духа. Белка представила свои руки; перед мысленным взором они светились желтым светом. Девочка дотронулась до раны, раздвинула края... Очень медленно Белка стала пробираться внутрь. Она чувствовала жар в ладонях, будто бы пыталась удержать раскаленный уголь. Злой дух был где-то рядом, главное — его не испугнуть. Это напоминало рыбалку, когда Белка с острой подбиралась к рыбе. А в рыбалке среди кайя ей не было равных.

И она увидела. Дух походил на камень; маленький круглый камешек цвета темной рыбьей чешуи. От него расходились пульсирующие волны, и каждая из этих волн несла старику боль. Белка напряглась. Сейчас...

По воображаемым рукам словно ударили палкой. Белка вскрикнула, отстраняясь. Но она успела заметить, как дух юркнул за внутренности, откуда достать его будет очень сложно.

— Нет, — сказал Оолф. — Не надо...

— Но...

Она же почти поймала его! Еще немного, и Белка раздавила бы духа, как клеща. После рана затянулась бы на глазах; Белка сшила бы ее невидимыми нитями, как сшила разрезанную пятку вопящей девчонки. Она бы смогла...

Если б не Оолф — именно старик ударил ее по рукам. Белка поняла это сразу. Почему он не захотел, чтобы она его исцелила? Слабость обрушилась на девочку, подобно снежной лавине. Она едва не упала.

— Не надо, — повторил Оолф. — Поздно. Духи предков зовут меня... Огонь погас, и мое время вышло.

Он говорил тихо, каждое слово давалось ему с трудом.

— Неправда! — воскликнула Белка. Хотя и понимала — возражать бесполезно. Раз предки зовут знахаря, кто она такая, чтобы с ними спорить? — Неправда! — упрямо повторила Белка. — Я смогу. Я исцелю твою рану, позволь...

— Нет, — Оолф схватил ее за запястье. — Глупая маленькая Белка! Огонь погас, Хранитель рода ушел, в селении больше нет людей... Мое время вышло.

Белка сглотнула.

— Что случилось?

Оолф откинулся на шкуры.

— Они пришли с неба, — сказал он. — Пришли и забрали всех. Они унесли их...

— Птицы? — спросила Белка.

— Люди в черных шкурах... Они говорили на чужом языке, у них были палки с огнем. Огнем, который ничем не погасить...

— Люди? — Белка заморгала. — А птицы? Чудовищные грохочущие птицы. Я их видела.

— Птицы им служат. У этих птиц пустой живот — Оолф видел, как люди в черных шкурах вылезали оттуда. И бросали туда людей-кайя...

Белка вздрогнула. Птицы с пустыми животами... Обратни! Обратни, которым белая росамаха выгрызла внутренности.

— Они забрали всех. Только Оолф успел спрятаться. Я должен был рассказать.

Старик замолчал.

— Всех... — прошептала девочка.

— Да. Детей и старых охотников... Ты должна найти их...

— Я?! Найти?!

От одной мысли о том, что она должна отправиться следом за оборотнями, грохочущими птицами и людьми в черных шкурах, Белку прошиб холодный пот.

— Когда ребенок теряется в лесу, весь род выходит искать его. Ты последняя в роду Медведя, Белка. Ты должна помочь Хранителю рода найти его детей.

Белка откинула косички за спину.

— Хранитель рода покинул нас. Я видела, как сгорел столб.

Из горла Оолфа вырвался клекочущий звук — старик хотел рассмеяться и захлебнулся собственным смехом. Белка старалась не дать ему упасть лицом вниз. Худой старик оказался очень тяжелым, словно его тело наполнили камнями.

— Сгорел столб, — сказал Оолф, не поднимая головы. — Дух Хранителя жил в нем... Столб сгорел, и Хранитель вернулся в свою пещеру.

— Пещеру? — переспросила Белка и тут же поняла, о чем говорит знахарь.

Пещера Медведя — место еще более запретное, чем дом духов, — находилась в дне пути от селения кайя. Белка видела ее только издали: темный провал в склоне лесистого холма, с высокими каменными столбами над входом. Кайя верили, что эта дыра ведет напрямиком в земли вечного холода и мрака. Именно оттуда на земли рода приходят оборотни и злые духи. Даже Оолф осмеливался входить туда только раз в год, перед Большой Охотой. Уходил с куском кровоточащего мяса и возвращался спустя несколько дней — бледный, точно рыбье брюхо, и с глазами разного цвета.

— Да, — сказал Оолф. — Ты пойдешь в пещеру и найдешь там Хранителя рода. Помоги ему вернуть детей.

— Но почему я? — Белка прикусила язык. Она говорит как маленький ребенок.

— Так решили предки, — сказал Оолф. — Они оставили тебя, значит, ты можешь это сделать. Они спрятали меня, чтобы я тебе сказал. Ты должна взять Хранителя рода и идти вниз по течению — туда улетели громовые птицы.

Он замолчал. Тело старика обмякло, веки сомкнулись.

— Оолф!

Старик через силу открыл глаза.

— Ты сможешь, маленькая, глупая и храбрая Белка. Ты — сможешь.

— Я...

У нее была тысяча вопросов — как, почему, за что... Голова походила на муравейник, разоренный медведем. Тысяча вопросов... А задала она один:

— Ты дашь мне имя?

Оолф долго глядел на девочку, не произнося ни слова. Впалые щеки вздрагивали.

— Нет, — сказал он наконец. — Имя говорят предки, а они молчат. Помоги Хранителю рода найти детей, и ты получишь имя. Такое тебе выпало испытание.

— Но...

Оолф захрипел, костлявое тело выгнулось дугой. Белка не смогла удержать его в руках и уронила на шкуры. В уголке рта старика запузырилась черная кровь. Все кончилось — старый знахарь отправился на запад.

Белка держала голову старика в ладонях. Прошло довольно много времени, прежде чем она решила пошевелиться. Девочка положила знахаря на шкуры.

Хотя самой ей не доводилось проводить погребальный обряд, Белка видела, как это делал Оолф. Теперь же пришел ее черед... В голове словно образовалась черная дыра. Темный провал, из которого дул ледяной ветер.

Белка срезала прядь волос с головы старика. Сидя над телом, девочка затянула погребальную песню. Тягучую, похожую на крик выпи над туманной рекой. И с каждым куплетом плач становился громче и громче. Девочка перебирала пальцами, не глядя

заплетая новую косичку. К своим волосам Белка добавила седую прядь с головы старика, чтобы сохранить с собой его частичку.

Позже Белка зашила тело Оолфа в мешок из оленьих шкур. Туда же она положила все, что могло пригодиться знахарю в путешествии на запад: пару крепких ножей, мокасины, нужные травы и два больших куса вяленого мяса. Трудилась почти до заката, а потом оттащила мешок к реке.

— Мать-Аэйла! Храни его в пути и помоги добраться до земли вечного лета...

Где-то далеко вскрикнул зимородок. Волны подхватили мешок, закружили и потащили к высоким камням. Стоя по пояс в воде, Белка смотрела ему вслед. И еще долго после того, как река скрыла тело.

ГЛАВА 4

ЕХАЛИ МЕДВЕДИ

На задних рядах балкона было жарко и душно. Сверху цирковая арена казалась крошечной, немногим больше тарелки; без бинокля ничего и не разглядишь. Зато здесь было тихо: на два ряда ни одного зрителя. Если, конечно, не считать растрепанного молодого человека, который устроился прямо под софитами. Звали его Вим Вегенер.

Прожектора жарили так, что на шее выступили крупные капли пота. Место не самое удобное, но оно обладало одним неоспоримым преимуществом — Вима было не видно. Если кто и смотрел в его сторону, то тут же отворачивался от бьющего в глаза света. Вим сидел развалясь, поставив ноги на спинку кресла нижнего ряда. Курил, пряча сигарету в кулаке; в другой руке он вертел блестящую губную гармонику.

На манеже клоун в огромных башмаках скакал вокруг бутфорского рояля — забавная реприза, но без изысков. Публика послушно хохотала, когда из-под клавиш брызгали струйки воды или из инструмента выпрыгивали сердитые кошки. Вим снисходительно улыбался — представление он видел раз пять, клоунские шутки набили оскомину. Тем не менее цирк он любил. Было в нем что-то волшебное, прячущееся за маской дешевого фарса и дурного вкуса.

Загрохотали тарелки, и фальшивый рояль развалился на части. Распорядитель манежа выскочил на арену и прогнал бедолагу-клоуна. Оркестр заиграл бравурный марш, заглушая аплодисменты. Униформисты быстро очистили сцену и вынесли

реквизит для следующего номера: яркие тумбы, стальные лесенки и брусся.

Вим заметил высокого человека, поднимающегося по ступенькам в его сторону. В руках тот держал картонное ведро с попкорном и огромный стакан лимонада.

Откинувшись в кресле, Вим сыграл на гармонике первые такты «Yesterday». Все равно за грохотом оркестра не услышишь. Однако человек услышал: остановился и посмотрел прямо на Вима. Худое усталое лицо, борода и темные очки... Вим приветственно взмахнул гармоникой.

— Добрый вечер, профессор.

Человек несколько раздраженно махнул в ответ и продолжил подниматься. Вскоре он уже шел между рядами, на ходу рассыпая воздушную кукурузу.

— Держите... Из-за вас я четверть часа простоял в очереди со всякой мелюзгой и чувствую себя глупо.

Вим затушил окурок и забрал сладости.

— Будьте проще. Цирк — то самое место, чтобы почувствовать себя ребенком.

— И, кстати, здесь запрещено курить, — заметил профессор, устраиваясь на соседнем кресле. — Прямо за вашей спиной висит табличка.

— Ага, — согласился Вим. — Ненавижу запрещающие таблички.

Профессор хмыкнул. Поерзал на жестком сиденье устраиваясь поудобнее. Он бы предпочел, чтобы они встретились в более комфортном месте, но выбирать не приходилось.

— Потому вас и прозвали Снусмумриком?

— В том числе, — кивнул Вим.

Оркестр на мгновение стих.

— Папа! Папа! Медведики!

Звонкий крик прозвучал в полной тишине, за секунду до того, как грянули трубы. Профессор присмотрелся к ложе.

— Надо же... — протянул он. — Гумилев с дочкой! Умеете вы выбирать время и место.

— Важная персона?

Профессор обдумал ответ.

— Очень. Он и сам не догадывается насколько.

Тем временем на манеже и впрямь появились медведи. Разряженные в цветастые рубахи, они выехали на самокатах и сделали круг вдоль бруствера. Следом, раскланиваясь публике, вышел дрессировщик. Его встретили громом аплодисментов.

— Ехали медведи на велосипеде, — задумчиво сказал профессор.

— Это потом будет, — отозвался Вим. — И еще на мотоцикле. Умные звери эти медведи. В цирке все звери выглядят умными. Куда умнее людей.

Один из «умных зверей» забрался на тумбу и ловил цветные кольца, которые бросал дрессировщик. Вим повертел соломинку в стакане лимонада.

— Не могу понять, как они заставляют животных проделывать такие трюки ради кусочка сахара...

— Есть один интересный предмет, — сказал профессор. — Медведь. Он позволяет управлять животными. Любого зверя можно заставить сделать что угодно — сам я не сталкивался, но слышан.

— А Маугли справлялся без всяких предметов, — фыркнул Вим.

Профессор растерялся.

— В смысле? Маугли — вымышленный персонаж.

— Ага. Геракл тоже вымышленный персонаж, — сказал Вим. — И при этом зануда страшный.

— Вы встречались с Гераклом?!

— Ага, — кивнул Вим. — Я застрял в Греции, а надо было добраться до озера Рица. Сами знаете — там есть очень удобная линза... А парни как раз собирались в Колхиду. Вот я и подумал — почему бы не присоединиться?

Профессор окинул своего собеседника взглядом. Он серьезно? Геракл, плавание в Колхиду — вот так, мимоходом, проговорился о том, что принимал участие в путешествии аргонавтов. Звучало

нелепо, но профессор давно знал Снусмумрика и допускал, что тот говорит правду.

— А у Геракла был предмет? — спросил профессор.

— Ну да — Бык. Забавная, кстати, штука — вы знали, что Геракл и Минотавр — это один человек?

— То есть?

— Все из-за свойств предмета, — пояснил Вим. — Бык дает владельцу чудовищную силу, но у него есть неприятный побочный эффект... Человек глупеет на глазах. Когда я встречался с Гераклом, тот еще был в своем уме, но потом окончательно слетел с катушек. Вот его и заточили в лабиринте на Крите.

На манеж, тархтя, выехал мотоцикл с двумя медведями. Один удерживал руль, второй размахивал трехцветным знаменем. Вим радостно подался вперед, опрокинув ведро с попкорном. Профессор раздраженно стряхнул с коленей воздушную кукурузу.

— Боюсь предположить, что вы делали в Древней Греции.

— Да как всегда, — усмехнулся Вим. — Изучал истории историй. Искал корни легенд.

Профессор криво улыбнулся. В отличие от большинства Странников, Снусмумрик ему нравился. Среди тех хватало всякого сброда: убийцы и воры, психи всех мастей — одиночки и целые организации; у всех свои цели и методы. Кто-то искал личной наживы, кто-то — острых ощущений, кто-то маниакально пытался переделать историю, кто-то жаждал облагодетельствовать человечество — разумеется, из самых лучших побуждений. Кто-то, как сам профессор, искал знаний, хотел понять устройство мира.

Вим в некотором роде тоже был ученым. Правда, интересовали его другие вопросы: сказки, легенды и мифы. Откуда что взялось и чем на самом деле закончилось. В результате он знал множество самых неожиданных вещей, а информацией делился легко и не стремился извлечь из нее выгоды.

— Ладно, перейдем к делу. Вы выясняли, что случилось с девочкой?

— С Элли?

Номер с медведями закончился, и на манеже опять появился клоун в сопровождении вредного вида болонки. Собачонка прицепилась к одному униформисту, отбирала у него кольца и обручи, которые тот пытался унести за кулисы. Униформист наигранно сердился, грозил болонке кулаком, но стоило ему отвернуться, и кольца вновь оказывались на арене.

— С Телли, — поправил профессор. — Ее зовут Телли.

— Ага. В общем, классическая история. Девушка отправляется на поиски пропавшего возлюбленного. Семь железных башмаков истоптала, семь железных хлебов изгрызла... Найти концы сложно.

— Но вы нашли?

— Возможно... — Вим смотрел на манеж. — Знаете, истории похожи матрешки. Внутри одной обязательно прячется другая, а в ней третья. И никогда не знаешь, чем все обернется в итоге. Как с Гераклом и Минотавром... Вы знакомы с Черным Патриком?

Вопрос был риторическим — все Странники знали Патрика. Тот жил в хижине на острове Нан-Мадол, в Полинезии — там находилось что-то вроде перевалочной базы. Можно что-то купить, что-то продать, получить заказы и узнать последние сплетни... Профессор кивнул.

— Черный Патрик... — протянул Вим. — Вы знаете его настоящее имя?

— Понятия не имею. — Говорить о настоящих именах среди Странников было не принято.

— Гудвин, — сказал Вим. — Патрик Гудвин. Если тебе что-то нужно — иди к доброму волшебнику Гудвину. Выполни задание, и желание исполнится. Мы оба знаем, что это не так. Но вот ваша Элли...

— Телли.

— Ну да. Боюсь, она попалась, точно птичка в силки. — Вим вытащил новую сигарету. — Патрик подставил ее, послал туда, где ей не следует появляться.

— Я читал эту сказку, — сказал профессор. — Волков, кажется? И куда же Патрик ее направил? К злой волшебнице Бастинде?

Он скривился. Похоже, Снусмумрик в поиске «корней историй» совсем заигрался. Одно дело исследовать происхождение мифов, но впутывать сюда откровенно вымышленные истории уже слишком.

— Бастинду я не знаю, — сказал Вим. — А вот про замок в горах, Бастиана Уайта и его прихвостней, которые называют себя Ночными, вы и без меня слышали.

— Черт...

— Истории, они как матрешки, — повторил Вим. — Никогда не знаешь, что окажется внутри.

Профессор задумался. То, что девчонка оказалась у генерала Уайта, перечеркивало все его планы. Связываться с Ночными себе дороже. Если Новиков в самом деле хочет вернуть свою девушку, ему не позавидуешь.

— Гудвин, значит, — сказал профессор. — Ладно. А вам знаком такой сюжет: великий древний правитель, который не умер, а спит в потайном месте в ожидании своего часа?

— Мотив расхожий, — сказал Вим. — Король под горой. Много их: Артур, Барбаросса, Карл Великий, Френсис Дрейк, Чингисхан, Гитлер... Продолжать? Если хотя бы половина из этих историй окажется правдой, в будущем будет не протолкнуться от императоров, королей и прочих великих героев древности.

— Гитлер? Разве он не кончил жизнь самоубийством?

— Говорят, то был двойник. А самого фюрера заморозили, и спит он себе на секретной базе нацистов. Но придет срок — он воскреснет. И далее по схеме: Великая Германия, новый Рейх... Надеюсь, они не подерутся с Барбароссой — все-таки на одну территорию претендуют.

Профессор скрипнул зубами.

— А кто-нибудь из них просыпался?

— Разбираться надо, — сказал Вим. — Но не исключено.

Он замолчал, хрустел попкорном и явно любовался выступлением воздушных гимнастов. Но неожиданно повернулся к профессору.

— Кстати, у меня к вам тоже есть вопрос: вы слышали о Пангее?

— Пангее? — удивился профессор. — Это первоматерик, существовавший в глубокой древности. Тогда даже динозавры еще не появились — одни хвощи да гигантские стрекозы.

— Это понятно, — сказал Вим. — Вам знакомы работы профессора Горбингера?

Профессор напряг память. Фамилия показалась знакомой, но он не сразу вспомнил, где ее слышал.

— Горбингер... Случаем не тот нацистский псих, который утверждал, что Вселенная появилась из огромного куска льда?

— Он самый, — кивнул Вим. — Впрочем, доктрина Вселенского Льда лишь часть его теории... Мне интересна другая ее часть.

— Какая же?

— Великаны, — сказал Вим. — В мифологии любого народа упоминаются гиганты, в глубокой древности населявшие Землю. Скандинавские етуны и турсы, титаны и циклопы у греков, дэвы, огры, хска, нефелимы из Библии... О том же пишет и Горбингер: о гигантах, которые пасли стада ящеров на огромных равнинах Пангеи.

— Знаете, — сказал профессор. — Не вижу ничего особенного. Кто только не жил в глубокой древности... Да и сейчас. Думаю, в Мертвом Лесу можно встретить и великанов, и кого поинтереснее. Хоть Невидимого Розового Единорога или Летающего Макаронного Монстра.

— Вы не слышали всей истории, — сказал Вим. — В те времена у Земли было две луны. Ну, одна из них и соизволила свалиться. Бамс! И Пангея раскололась на части, а великаны вымерли. Большая их часть.

— Забавная история, — без энтузиазма сказал профессор. — И чем она вас заинтересовала?

— За каждой легендой что-то стоит, — ответил Вим. — А я хочу знать, что именно. Есть такой пункт.

— Собирались поохотиться на великанов? — усмехнулся профессор. — Не забудьте пращу. И где вы собрались их искать? Отправитесь к динозаврам?

Вим вздохнул.

— К динозаврам! Я бы и рад... Но невозможно забраться в прошлое так далеко. Крайняя точка — каменный век, самая заря цивилизации.

— Насколько я знаю, — осторожно сказал профессор, — так далеко никто не забирался. А если и забирался, то назад не возвращался.

— Значит, я буду первым, — весело улыбнулся Вим.

— Разумеется, — сказал профессор. — Снусмумрик всегда возвращается...

— В яблочко, — сказал Вим. — Весной, когда уходит лед.

Незаметно профессор коснулся маленькой металлической фигурки в кармане. Это был Кот, предмет, позволявший видеть будущее человека. Профессор попытался настроиться на Вима, но увидел лишь мрак да туман.

Ехали медведи на велосипеде. А за ними кот задом наперед... Как можно увидеть будущее, если оно в прошлом?

ГЛАВА 5

ПЕЩЕРА МЕДВЕДЯ

Белку разбудили крики воронья. Птицы слетелись со всей округи, от хриплого грая звенело в ушах. Выглянув из шалаша, девочка увидела огромную стаю, кружившую меж тонких струек дыма. И что они ищут? Пожиться в селении нечем: запасы еды сгорели, и ни одного мертвого тела... Но птицы продолжали кричать на все голоса, созывая товарок посмотреть на диковинное зрелище.

Ночь Белка провела на окраине леса в наспех сделанном шалаше. Девочка не стала разводить костер; свернулась калачиком под оленьей шкурой и тут же уснула.

Но сон не принес ни отдыха, ни забытья, ни покоя. Белка ворочалась под тяжелой шкурой, задыхалась и в то же время не могла заставить себя открыть глаза. В голове теснились странные видения. Огонь и дым. Люди в черных шкурах и с черными лицами плясали вокруг освежеванной туши медведя. Огромные блестящие птицы, похожие на аистов, рвали на куски чье-то тело. Старый Оолф грозил ей кулаком и кричал, но Белка не смогла разобрать ни слова.

Девочка проснулась мокрая от пота. Знахарь учил ее читать знаки, скрытые в сновидениях. Однако справиться с такими кошмарами Белке оказалось не по силам. Стоило подумать о ночных видениях, и ее начала бить дрожь. С каждым вдохом нового дня страхи отступали, прячась в самых темных и потаенных уголках головы. До следующей ночи.

Ежась от холода, Белка выбралась из шалаша. Над рекой поднимался туман — белое марево, такое густое, что не видно

противоположного берега. В тумане скользили зыбкие тени, словно за белой стеной двигались огромные, неведомые ей создания. Существовали ли они или нет, до Белки им не было дела. Щупальца тумана таяли уже в десятке шагов от реки.

На одной из жердей шалаша устроилась тощая ворона. Перья блестели от бисеринок росы. Завидев Белку, птица возмущенно крикнула и, хлопая крыльями, отлетела к селению. Белка проследила за ней взглядом.

Возвращаться в селение ей не хотелось, но придется. Белка готовилась к жизни в лесу, и кое-какие запасы у нее имелись. Но Оолф сказал, она должна отправиться следом за чудовищными птицами; кто знает, как далеко заведет дорога и что ей встретится в пути? Одного каменного ножа мало... Нужно копье, надежное и крепкое, и к нему пару наконечников, чтобы не делать их по дороге. Костяные иглы, нити из лосинных сухожилий, снасти, лечебные травы — вещей хватало. Не помешало бы запастись едой, но Белка сомневалась, что после пожара и налета птиц в селении что-нибудь осталось.

Белка перекусила остатками сушеного мяса, жадно вгрызаясь в полоски оленины. Мясо было старым, безвкусным и твердым, как камень; приходилось подолгу его жевать, прежде чем проглотить. Ничто не тренирует выдержку лучше куска сушеной оленины. Остатки пеммикана Белка решила приберечь. Девочка терпеть не могла его прогорклый вкус, но в пути лучшей еды не сыщешь. Тщательно высушенное и измельченное мясо смешивали с салом и толчеными ягодами ирги, черники и клюквы, долго держали под прессом из тяжелых камней и в результате получали продукт не только питательный, но и легкий, и занимавший мало места. Одного темно-коричневого бруска взрослому охотнику хватало на неделю.

Времени на сборы ушло немного. Обшарив селение, Белка собрала все, что могло пригодиться, сложила в заплечный мешок и ушла не оборачиваясь. Вороны ехидно кричали ей вслед.

До священной пещеры Белка добралась к закату. Весь день она шла неприметными лесными тропинками, и чем дальше

она уходила от селения, тем легче становился шаг. Белка полной грудью вдыхала терпкий лесной воздух. Голова кружилась от запахов свежей хвои, смолы и сырого мха. И казалось, эти запахи смывают гарь и копоть, принесенные из селения. А вместе с ними смываются страх и гнетущее чувство потери, от которого хотелось расплакаться в голос. О том, что осталось позади, Белка старалась не думать.

По всему лесу лежали черные и охристо-рыжие валуны, покрытые трещинами и пятнами разноцветного мха. Большинство не больше хижины кайя, но встречались и камни выше самых высоких деревьев. Такие уже не обойти; приходилось карабкаться, цепляясь за трещины и корни крошечных сосенок. То и дело девочка выходила к небольшим озерам с гладкой и темной водой.

Кайя верили, что валуны и озера — следы великой древней охоты. Когда-то их предки, которые, само собой, были великанами, погнались за белым оленем с рогами, задевающими солнце. Но олень бежал быстро, и предки не могли его догнать. Тогда они стали вырывать из сердца земли камни и швырять их вслед зверю. Там, где эти камни упали, они и лежат до сих пор. Если присмотреться, на каждом можно найти вмятины от гигантских пальцев. А там, откуда камни доставали, появились озера... В одном из них Белка поймала небольшую щуку; рыбу она съела на ходу, сплевывая мелкие косточки.

Белка вскарабкалась на вершину очередного валуна, глянула вниз и остановилась. Священный холм был невысоким и полукруглым, как половинка ореха, — земля в этом месте вспучилась нарывом. Густой ельник на склонах скрывал вход в пещеру. Но Белка знала, где искать.

Пещера представляла собой просто трещину в земле. Будто какой-то великан вонзил в бок холма нож, а рана так и не затянулась. Прямо над входом стояли столбы из грубо отесанного камня — две огромные плиты, поверх которых лежала третья. Откуда взялись эти столбы, не знал никто. Оолф рассказывал, что они стояли еще в те времена, когда Мать-Аэйла только привела кайя на эти земли. А раз так, значит, поставили их не люди, а чудовища,

которые жили здесь в незапамятные времена... Чудовища, которые с приходом людей ушли глубоко под землю, но иногда, темными ночами, еще выползают на поверхность.

Белка почувствовала тянущий из пещеры холодный ветер. Запах был сырой и липкий, как от промерзлой глины. Заходящее солнце окрасило макушки деревьев оранжевым светом. Вершина холма вспыхнула, залитая небесным огнем, однако склон и вход в пещеру остались в тени. От одной мысли о том, что нужно спуститься туда ночью, Белке стало не по себе. Но и ждать до утра рядом с пещерой она не собиралась.

Хватаясь за ветки, Белка стала спускаться по склону валуна. Ноги скользили, из-под мокасин сыпались мелкие камни. Любой неосторожный шаг мог обернуться падением, и хорошо, если она сразу свернет шею. Лежать с переломанными ногами, дожидаясь, когда ее найдут хищные звери, — та еще радость.

Когда Белка добралась до каменных столбов, совсем стемнело. Вблизи они оказались куда больше, чем она думала. Молчаливые громады нависли над девочкой, грозились раздавить. От холодного ветра из пещеры спина и руки покрылись гусиной кожей. Этот ветер не походил на пронзительные ледяные ветра зимы. Те ветры продували до костей, несмотря на самую теплую одежду, но были легкими и кристально чистыми. Они искрились и сверкали, как свежевывавший снег на солнце. Этот же ветер — медленный и тяжелый; он рывками пробивался через густой, как топленый жир, воздух.

Белка сама себе показалась маленькой и жалкой; захотелось бежать прочь от жуткого места. Но предки не посылают испытаний, которые не под силу человеку. Если они привели ее сюда, значит, она справится. Белка вошла в пещеру.

Темнота обняла ее, как огромный мохнатый зверь с мягкими лапами. Белка не видела ничего и только ругала себя за то, что не сделала факел. Она шла на ощупь, держась ближе к стене и выставив перед собой копьё. Из глубины пещеры не доносилось ни звука.

Узкий проход тянулся около двадцати шагов, постепенно поворачивая вправо. Впереди мерцало пятно света. Белка

остановилась, всматриваясь в темноту. Сердце заколотилось быстрее, древко копья липло к ладоням.

Ей не померещилось. Впереди действительно горел свет; Белка представила подземных чудищ, собравшихся у общего костра. Но этот свет не походил на дрожащие и живые отблески пламени. Тусклый, бледно-голубой — так светится в темноте гнилушка. Много, очень много гнилушек. Белка пошла дальше, ступая как можно тише и практически не дыша.

Проход вывел к широкому круглому залу. Там и впрямь оказалось светло — не как днем, а как в тусклых сумерках, но после абсолютной темноты свет резанул по глазам. Белка тыльной стороной ладони вытерла навернувшиеся слезы.

С потолка пещеры свисали бесчисленные нити, похожие на толстые паутинки, усеянные крупными каплями, как после дождя. Нити плавно раскачивались; именно они источали свет. Каждая нить — совсем чуть-чуть, но их было много. Вокруг кружили белесые пылинки. Белка не сразу поняла, что это насекомые, прилетевшие сюда, как ночные мотыльки летят на свет костра.

Посреди зала возвышался постамент из крупных необработанных камней — пирамида высотой в человеческий рост. У ее основания грудой лежали черепа оленей, бизонов и лошадей и зверья помельче: кабанов, волков и саблезубой кошки. Некоторые были очень старыми; кость пожелтела и крошилась. Попадались и кости неизвестных Белке животных, даже череп огромной птицы с массивным клювом размером с голову человека.

Белка подошла к пирамиде. На ее вершине стояла крошечная фигурка. Чем-то она напоминала поделки, которые в племени кайя вырезали из дерева или бивней мамонта, — детские игрушки и охотничьи талисманы. Маленькая фигурка медведя... Материал, из которого она была сделана, Белке был неизвестен. В призрачном свете нитей он переливался, как рыба чешуя.

У Белки перехватило дыхание. Это и есть истинный Хранитель рода? Тот самый, которому она должна помочь найти детей? Фигурка не выглядела грозной или сильной, но девочка нутром

почувствовала скрывающуюся в ней мощь. Дух Хранителя рода был здесь, стоял прямо перед ней.

В представлениях кайя о мире не существовало разницы между самим предметом и его изображением. Рисунок оленя на земле, дикая лошадь, вырезанная из кости, в равной степени были и живыми оленем, и лошастью. Потому, глядя на таинственную фигурку медведя, Белка видела еще и живого зверя, огромного и сильного. Видела пар, вырывающийся из ноздрей, и оскаленные клыки. Хранитель рода ждал.

Белка осторожно сняла фигурку с пьедестала. Казалось, стоит это сделать, и каменная пирамида рухнет, а следом за ней обрушится вся пещера. Но ничего не случилось, лишь бесшумно колыхнулись светящиеся нити.

Белка крепко сжала фигурку в кулаке. Она оказалась холодной, как кусочек льда. Но этот лед не таял в горячей ладони, сам обжигал кожу. От неожиданности Белка едва не выронила фигурку.

— Я Белка, — сказала девочка, обращаясь к Хранителю рода. — Из племени кайя и рода Медведя...

Хранитель не ответил, но Белке показалось, что она ощутила его одобрение — порыв теплого ветра, ударивший в лицо. Осмелев, она продолжила:

— Страшные птицы напали на наше селение и забрали твоих детей. Из рода я осталась одна. И у меня нет имени. Но я помогу тебе найти твоих детей, а ты поможешь мне вернуться к моему роду, пройти испытания и получить имя...

Белка замолчала. Зачем она это рассказывает? Хранитель рода был в селении, когда все случилось, — в виде тотемного столба. Он прекрасно знает, зачем она сюда пришла.

Фигурка в руке оставалась холодной. Белка ощущала странное покалывание в кончиках пальцев, будто под кожей засуетилось множество крошечных и кусачих муравьев. Белка сильнее стиснула кулак.

И где-то на краю сознания она слышала тихий шепот. Будто одновременно заговорило несколько человек, но с каждым мгновением голосов становилось все больше. Они не пытались ей

что-то сказать, Белка вообще не услышала ни единого связного слова. Но шепот нарастал. Голоса звучали отовсюду и в то же время исключительно внутри ее головы. Перед глазами замелькали смутные видения и образы — ветер, хлопки кожистых крыльев, мошкара, кружащая над рекой, и серый диск луны.

Белка попятилась. Духи... Злые тени убитых зверей, чьи кости лежат у подножия пирамиды. Они подловили ее и забрались ей в голову. Напуганная и растерянная, она оказалась для них легкой добычей.

— Уходите! — громко выдохнула Белка. — Прочь отсюда! Прочь! Вурл, Хранитель рода, защити меня, помоги...

Тишина вдруг обернулась громким писком и хлопками. Они появились из ниоткуда, из самых глубин пещеры — огромная туча летучих мышей. В зале разом стало темно. Белка вскрикнула и не услышала собственного голоса.

— Уходите прочь!

«Прочь! Прочь!» — Слово застучало в голове, как удары камня о камень.

Летучие мыши устремились к выходу. Всем скопом, налетая на стены и срывая светящиеся нити. На беду, Белка оказалась у них на пути. Не успела она выдохнуть, как одна из мышей с силой врезалась ей в грудь. Потом вторая, третья... На Белку словно обрушились удары крошечных мохнатых кулачков.

Белка закричала, закрывая лицо ладонями. Фигурка выпала из пальцев, и голоса в голове стихли. Остался оглушительный писк летучих мышей и шелест их крыльев. Девочка упала на колени, закрывая голову руками.

Все закончилось внезапно. Мыши пронеслись над ней и исчезли, будто их и не было. Как бурлящая волна, которая бежит по реке после обильных дождей. Выдох и вновь тишина. Лишь раскачивающиеся светящиеся нити напоминали о том, что случилось.

Однако прошло немало времени, прежде чем Белка решилась оглядеться. Она дрожала. Девочка несколько раз глубоко вдохнула, заставляя себя собраться.

Голоса в голове стихли, смутные видения отступили. Хранитель рода внял ее просьбе и прогнал злых духов. Или... Белка подняла фигурку медведя; повертела в пальцах, вновь чувствуя легкое покалывание. И вместе с ним в голове снова слышался тихий шепот. Стоило отложить фигурку — голоса исчезли.

Белка прикусила губу. Звуки и видения... Это никакие не духи, а летучие мыши! Их мысли и желания проникли ей в голову. А пытаюсь от них избавиться, она выгнала мышей из пещеры.

Но ведь люди не знают языка животных... Как же она смогла понимать мышей? Ей это открыл Хранитель рода? Белка потянула себя за косичку — ту самую, в которую вплела прядь волос Оолфа. Если б рядом был старый знахарь он бы рассказал и объяснил... Но Оолф отправился в земли предков, и никто не мог ей помочь.

В дальнем конце пещеры слышался сухой стук — звук упавшего камня. Белка заметила длинную тень, метнувшуюся к стене. Человек? Разглядеть она не успела.

— Кто здесь?

В глубине пещеры Белка увидела узкий проход — оттуда и вылетели летучие мыши. Куда он вел, оставалось только догадываться. Быть может, к самому сердцу земли, в подземелья, населенные чудовищами... Снова повеяло холодом.

— Кто здесь? — повторила Белка и не дождалась ответа.

Она подняла небольшой камень и швырнула его в сторону прохода. Кто-то отскочил от стены и побежал в глубь туннеля. Белка успела заметить вытянутое белое лицо, казавшееся почти прозрачным. Миг, и темнота поглотила странное существо. Белка даже не успела понять живой ли это человек или призрак.

Дальше оставаться в пещере было нельзя. Что, если существо не одно? Что, если оно не сбежало, а направилось за подмогой? Белка подняла фигурку медведя и спрятала ее в одежде. А затем направилась к выходу, оглядываясь через шаг.

Когда она выбралась из пещеры, окончательно стемнело. Но после мрака подземелья ночь показалась ей светлой. Над деревьями катилась желтая луна, задевая макушки елей. Белка жадно вдохнула свежий ночной воздух — не чета вязким ветрам пещеры.

Быстрым шагом девочка пошла по узкой тропинке, едва сдерживаясь, чтобы не побежать. Но не успела Белка пройти и сотни шагов, послышался треск ломающихся веток, а следом — порывистое и тяжелое дыхание. Какой-то большой зверь ломился через чащу. Белка остановилась как вкопанная. Сперва она подумала, что это гигантский лось или дикий бык, но в то же мгновение зверь выбрался на тропу. Потянулся, отряхиваясь, и поднял тяжелую лобастую голову. Грозный рык прокатился глухим эхом. Медведь...

Белка узнала его даже в темноте. Тот самый зверь, которому она уступила рыбу, спасая глупого Тойка. Других таких медведей в округе не было, да и не могло быть. Подобный хищник не потерпел бы соперников на своей территории. Огромный, черный, с длинными лапами и короткой мордой. Вокруг оскаленной пасти клубилось искрящееся облачко пара.

Если медведь набросится — шансов уцелеть нет. Ее копьё против хищника все равно что тростинка. Медведь переломит его одним ударом могучей лапы. А если развернуться и бежать, зверь догонит ее в два счета. Для любого хищника то, что убегает, — это добыча.

Медведь нападать не спешил. Топтался на месте, переминаясь с ноги на ногу, длинные когти скребли по земле. Медведь фыркнул, приветствуя девочку.

Неужели зверь узнал ее? Мысль уступила место более очевидной: с ней же Хранитель рода! Это его приветствовал медведь. Белка нащупала в складках одежды холодную фигурку.

— Доброй тебе ночи, Вурл. — Девочка склонила голову.

Невидимые иглы кололи ладонь. Белка вновь услышала несуществующий шепот, а в голове замелькали образы: шорох листвы под ногами и вкус сырой рыбы, терпкий запах добычи и азарт погони, теплая кровь, толчками бьющая из разорванного горла...

На этот раз у Белки не возникло сомнений насчет происхождения видений. Это были мысли медведя, но она переживала их как свои собственные. Быть может, подобное испытывал и старый Оолф, когда, натянув бизонью шкуру, танцевал заклинательный танец.

После встречи на берегу медведь направился в лес, где ему повезло наткнуться на молодую косулю. Недолгая погоня закончилась сильным ударом лапы, сломавшим косуле хребет. Набив живот, зверь завалился спать и лишь изредка поднимал голову, отгоняя от добычи лисиц. А затем случилось нечто странное. Что-то подняло медведя и заставило бежать напролом через лес.

Белка зажмурилась, сосредоточиваясь на этом образе. Зверь чего-то испугался? Девочка потрянула головой. Нет... Не медведь. Там был крик, зов о помощи от слабого неразумного детеныша. Зов, которому медведь не мог сопротивляться... Ее крик?!

Выходит, она сама привела сюда медведя? Призвала, когда, испугавшись летучих мышей, просила Хранителя рода защитить ее? И он явился — в одном из своих живых воплощений.

— Ты пришел помочь мне? Защитить меня?

Медведь опустил голову. Маленькие округлые уши то и дело вздрагивали. Белка шагнула ему навстречу. Зверь не оскалился, не зарычал, но и не уходил. Еще шаг...

Белка не поняла, каким образом очутилась совсем близко к медведю. Один крошечный шагок, и зверь навис над ней. Девочка почувствовала горячее дыхание, медведь наклонился, обнюхивая ее руки и плечи. Такой огромный, что дух захватывало. Голова Белки целиком бы уместилась в чудовищной пасти, он бы мог раскусить ее, как орех. Белка коснулась мохнатой морды кончиками пальцев.

— Мы найдем их, — сказала Белка. — Найдем наш род... Ты ведь поможешь мне?

Повернувшись к священной пещере, медведь хрипло заворчал. Белка обернулась, но не увидела ничего за сгущающейся тьмой. Лишь на мгновение ей померещилась вытянутая тень, метнувшаяся в сторону и скрывшаяся за деревьями. Холодный ветер взъерошил волосы.

— Пойдем, — сказала Белка. — Мы должны идти...

Вскинув копьё на плечо и сжимая в кулаке фигурку Хранителя рода, она зашагала по тропинке. Тяжело переваливаясь, медведь пошел за ней следом.

ГЛАВА 6

БОЛЬШИЕ СТАДА

Стадо бизонов растянулось до горизонта — бескрайнее море коричневых спин. Рев и топот зверей сливались в тяжелый гул, давящий на уши. Белка никогда еще не видела столько животных. Бизоны шли с юга, возвращаясь на летние пастбища после зимовки. А вместе с ними шли и другие звери. Посреди коричневого моря показалась рыжая проплешина — это бежали дикие лошади, черный островок — овцебыки, а еще олени и антилопы... И мамонты — огромные ожившие холмы.

Белка не видела хищников — волков, саблезубых кошек или медведей, но знала, что они рядом. Держатся с краю, подстерегая раненых и больных животных или слабых детенышей. Добычи хватало вдоволь. Даже не нужно охотиться: если кто из зверей падал, не выдержав безумного бега, его затапывали насмерть. Над стадами кружили вороны и красношеие грифы.

Опираясь на копые, Белка стояла на вершине огромного валуна, смотря на раскинувшуюся перед ней равнину. Справа блестела темная лента реки. Аэйла, узкая и бурная в тех местах, где жили кайя, здесь была куда тише и шире. Пенистые волны уступили место темным омутам и запрудам, подернутым ряской. Через такую реку не переберешься, перепрыгивая с камня на камень. И ловить в ней рыбу куда сложнее. Любой ребенок-кайя знает, что в запрудах живут злые духи. Они похожи на огромных сомов; длинными усами духи хватают тех, кто подходит слишком близко к берегу, и утаскивают под воду. Должно быть, именно из-за них Вурл опасался спускаться к реке. Но у Белки не было выбора — сушеного мяса и пеммикана осталось мало, а еду приходилось делить на двоих. Медведь же за один присест съедал недельный запас.

Впрочем, рыба тут оказалась мелкой и верткой — можно было целый день прождать с острогой и не поймать ничего. Белка сплела из ивовых веток корзину-ловушку, которую ставила на ночь. В первый раз она поймала шесть рыбешек размером с ладонь; одну съела сама, остальных отдала медведю. На следующий день в ловушку попались три рыбины, а потом вовсе ни одной. Белка прекрасно понимала — так они долго не протянут. Чтобы продолжать путь, нужно охотиться на крупного зверя.

Семь дней они шли на запад, держась берега реки, но не встретили ни одного человека. На четвертый день пути они вышли к селению, в котором жили кайя из рода Росомахи. В роду Медведя их недолюбливали — считали глупыми и жадными; но они родичи и должны были помочь. Однако, когда Белка вышла из леса, она увидела черные угли на месте сгоревших хижин, да выжженную землю. Белка не стала заходить в селение, пусть там и можно было пополнить запасы. Не оборачиваясь, пошла дальше. Медведь затопал следом.

Сейчас Вурл ходил вокруг камня, на котором стояла Белка, что-то выискивая среди мха. То и дело медведь поднимал голову и рычал, косясь на девочку.

— Скоро, — сказала Белка. — Скоро у нас будет много мяса.

Белка прижала ладонью фигурку Хранителя рода. И пошатнулась от накатившей слабости. Девочка вцепилась в древко копья. Раньше она думала, что причина приступов слабости — голод и усталость. Но вскоре заметила: они случаются почти всякий раз, когда она дотрагивается до фигурки. И чем чаще Белка это делала, тем приступы становились сильнее. Должно быть, Хранитель рода злился: Белка до сих пор не привела его к детям. И без толку оправдываться — Хранитель рода и слушать ничего не желал. Белка повесила фигурку на шнурок из лосиной кожи и старалась лишний раз ее не касаться.

Однако сейчас Белка не стала обращать внимания на навалившуюся усталость. Вместо этого девочка сосредоточилась на покалывании в ладони и смутных образах, замелькавших в голове.

...Долгий путь, запах дыма, от которого хочется бежать... Но нельзя — рядом маленький и слабый детеныш. Растерянность и чувство голода. И мрачная решимость защищать детеныша во что бы то ни стало...

Мысли Вурла... В груди защемило; захотелось прыгнуть с камня и прижаться к зверю, зарыться лицом в жесткий мех, пусть медведь и не поймет. Белка как могла успокоила Вурла. Скоро у них будет много еды. Надо подождать, и Хранитель рода дарует им хорошую охоту.

Сквозь мысли медведя постепенно пробивались и другие. Далекий рокот, похожий на звук, с которым Аэйла бурлит вокруг камней. Белка задержала дыхание. Хотя она прислушивалась к звукам, которые существовали только в ее голове, тело реагировало так, будто они звучали на самом деле.

Рокот в голове нарастал, заглушая мысли медведя. Постепенно Белка стала различать в нем отдельные «голоса». Все они твердили об одном: вперед, вперед, бежать, вперед... Монотонный ритм, похожий на удары костяной колотушкой по бубну. Он завораживал. Белке вдруг нестерпимо захотелось присоединиться к этой безумной гонке. Бежать вперед, на север, к тучным пастбищам.

Девочка дернулась. Не для того она обратилась к Хранителю рода, чтобы тот превратил ее в бизона или дикую лошадь. Ей нужна другая помощь.

Мысль давно появилась у нее в голове. Смогла же она с помощью фигурки выгнать из священной пещеры летучих мышей? Так почему бы не попробовать приманить добычу? Бизона или оленя — мяса хватит и ей, и медведю.

В одиночку Белка никогда бы не решилась охотиться на крупного зверя. Многие кайя погибли от рогов или под тяжелыми копытами во время Большой Охоты. Лучшие охотники племени не осмеливались выходить один на один против бизона. А силы в руках Белки куда меньше, чем у взрослого мужчины.

Однако с ней Вурл, а ему справиться с бизоном ничего не стоит. Надо только привести зверя сюда, в сторону от остального стада. Белка попыталась уловить мысли конкретного животного.

Получалось плохо. Стадо существовало как единое целое, и общий рев заглушал ее голос. Робкие попытки заставить хоть какое-то животное изменить направление бега ничем не заканчивались. Белке не хватало сил.

Девочка крепко зажмурилась. От грохочущего рева голова была готова разлететься на части. Покалывание в ладони стало сильнее, Белка почти не ощущала пальцев. Но в конце концов ей удалось настроиться на тоненький и слабый голосок. Испуганный молодой зверь; за эту нотку страха Белка и смогла зацепиться.

— Поворачивай, — зашептала она. — Сюда... Беги направо...

Зверь ее услышал. Белка уловила его замешательство и растерянность.

— Направо, — настойчиво повторила она. — Беги направо...

Тело пронзила резкая вспышка боли. словно кто-то раскроил ей грудь обсидиановым ножом и швырнул в рану раскаленные угли. Белка вскрикнула и выпустила фигурку Хранителя рода. Боль исчезла, но некоторое время Белка могла лишь жадно глотать воздух. Медведь обеспокоенно заворчал. Подойдя ближе, он поднялся, передними лапами опираясь о камень. С уголка пасти свисала длинная нить слюны.

— Все хорошо, — хрипло сказала Белка. — Я в порядке.

Вурл рывкнул — похоже, он ей не поверил. Девочка села на камень. Боль отступила, но после нее осталось странное ноющее чувство. Зверь, которого она приманивала... Он погиб? Белку передернуло. Боль, каменное острие, вонзающееся в грудь, — это же случилось на самом деле! Только не с ней, а с молодым бизоном. Белка же поймала его мысли и чувства. Она настроилась на испуганное животное, не подумав о причинах страха. А дело в охотниках, которые подобрались достаточно близко, чтобы бросить копьё...

Охотники! Значит, на равнине есть люди! Сердце учащенно забилось. Люди... Срок Большой Охоты еще не настал — она проходила осенью, когда бизоны и олени, нагуляв жир, откочевывали на юг. Но маленькие группы охотников отправлялись на равнины и летом. Может, это кто-то из рода Росомахи или же из рода Рыси? Кто-то, кого не унесли чудовищные птицы?

Белка всматривалась вперед, пока не заболели глаза. Но стада были слишком далеко. Разглядеть детали не получалось. Белка припомнила, что она знала об охоте на бизонов. Звери они большие и сильные, но и пугливые. Непросто подобраться к ним на расстояние броска копья. Для этого охотники сами притворялись бизонами и надевали звериные шкуры. Но как найти фальшивого зверя среди огромного стада зверей настоящих? Все равно что искать дерево в лесу.

Как Белка ни старалась, охотников она не увидела. Девочка провела ладонью по лицу, вытирая капельки пота со лба и над губой. Нужно подбираться ближе к стаду, если она хочет кого-нибудь найти.

Ветер донес грозный рев. Огромный мамонт-самец трубил, высоко подняв хобот. Солнце отсвечивало на длинных, причудливо закрученных бивнях. Вторя ему, заревел еще один мамонт — то ли поддерживая, то ли принимая вызов на поединок. Белка поежилась. Подобраться ближе к стаду... Сейчас начало лета и у мамонтов гон. Они нападают на всех — стоит им увидеть Вурла, и они набросятся на него. А совладать с яростью мамонта не по силам и самому большому медведю.

Белка начала спускаться с камня, помогая себе рукой. Она приготовилась прыгнуть вниз, как вдруг заметила нечто странное. Тоненькую полоску дыма... Белка прищурилась. Но едва она решила, что ей померещилось, как поняла, что это не так. Узенькая струйка дыма поднималась вертикально вверх, растворяясь в бледном небе.

Белка замерла. Охотники! Она не там искала. Зачем было всматривать их среди бизонов, если они держались с краю и в стороне от стада? Белка прыгнула; мох промялся под ногами. Вурл склонил голову набок.

— Пойдем, — сказала Белка. — Нам туда...

Она копьём указала направление. Медведь продолжал на нее смотреть, словно ждал объяснений.

— Там люди. Они нам помогут.

Белке так хотелось в это поверить, и она убедила себя, что именно так и будет. Быстрым шагом она направилась в сторону,

в которой заметила дым. Мокасины из рыбьей кожи легко ступали по мягкому мху. Следом ковылял Вурл, то и дело громко фырка. Это фыркание напомнило Белке старого Оолфа — знахарь так же бурчал, когда был чем-то недоволен.

Однако чем ближе Белка подбиралась, тем неуютнее себя чувствовала. С чего она взяла, что охотники из племени кайя? Но на равнинах жили и другие люди. Кочевники, странствующие вслед за стадами, — дикари и людоеды, вырезающие языки, чтобы украсть слова. А если это они развели костер? Пусть с ней медведь, но Белка понимала и то, что пять-шесть взрослых охотников смогут справиться со зверем.

Спрятаться же негде. Деревья на равнине встречались редко; самые высокие — не выше самой Белки и не толще пары пальцев. Чахлые сосенки с лохматой от лишайника корой — не чета густому лесу на берегах Аэйлы. Белка и Вурл были видны как на ладони.

Белка решила, что нет смысла пытаться подкрасться незаметно. Как только впереди мелькнул огонек, она расправила плечи и уверенно зашагала к костру.

Охотники расположились у каменного столба, похожего на торчащий из земли огромный темно-красный палец. Камень рассекла длинная изломанная трещина, в которой пустило корни маленькое деревце. Белка не могла не оценить выбор охотников — пусть забраться на каменный столб сложно, зато с его вершины отлично просматривалась вся равнина. И там не страшны хищники; ни волки, ни саблезубые кошки не смогут залезть следом.

Огонь горел под навесом из трех жердей, прикрытых звериными шкурами. Не самая хорошая защита от дождя и ветра, но на равнинах лучшего жилища не придумаешь. Легко ставить, легко разбирать, а при переходах можно использовать как носилки.

В стороне от костра лежала наполовину освежеванная бизонья туша. Белка заметила облезлого песца — прячась за кочками, зверек подбирался к чужой добыче, надеясь ухватить и свой кусок.

У костра на корточках сидели три человека — двое мужчин и женщина. Невысокие, с короткими черными волосами,

похожими на нелепые нашлепки на голове... У них были широкие и плоские лица с расплюснутыми носами — словно мамонт наступил; узкие темные глаза прятались за мясистыми валиками щек. Кочевники!

Белка сжала древко копья. За свою жизнь девочка наслушалась немало историй про кочевников и ничего хорошего от этой встречи не ждала. Но за спиной ухнул Вурл — видать, учуял запах еды.

Охотники запасали мясо. Женщина орудовала ножом — кривой костью, в которую были вставлены пластинки кремния. Умелыми движениями она отрезала от огромного шмата куски размером с ладонь, которые кидала мужчинам. Те нанизывали мясо на заостренные палки, после чего его коптили в дыму.

Охотники давно заметили Белку; девочка поняла это по взглядам, которые то один, то другой бросали в ее сторону. Но они не пытались напасть или сбежать — просто смотрели с легким любопытством. Даже медведь не сильно их удивил. Присмотревшись, Белка поняла, что людей четверо — на плече у женщины висела особая сумка из оленьей шкуры, в которой лежал младенец. Ребенок спал, присосавшись к отвислой груди.

Белка остановилась шагах в десяти от костра. Вурл, довольно ворча, двинулся к бизоньей туше.

— Подожди, — приказала Белка. Медведь остановился и обиженно покосился на девочку.

Белка повернулась к охотникам. Но так и не придумала, с чего начать разговор. Стояла, нерешительно покусывая губу. Не могла же она приветствовать их как кайя — они не дети Аэйлы... Один из кочевников что-то спросил, речь его походила на тьяканные лисицы.

— Я не знаю ваших слов, — сказала Белка.

Охотники переглянулись. Один из мужчин пальцами надавил себе на горло и откашлялся.

— Девочка... Рыбодка?

— Что?

Лицо охотника исказила гримаса, словно он съел горсть неспелой клюквы.

— Ты рыбоедка, да? — спросил он. — Охотник твой племя учил язык... Хороший охотник, добрый друг...

Белка нахмурилась.

— Рыбоедка? Я кайя. Да, мы едим рыбу.

Охотник заулыбался и что-то сказал на своем тьявкаушем языке. Ответила ему женщина — коротко и грубо, еще и сплюнула под ноги. Второй охотник схватился за костяной нож, но его соплеменник положил ему руку на плечо.

— Не враг, — сказал он. — Друг-рыбоед, спас от кошка зубнож...

Он стукнул себя по предплечью, на котором белел длинный шрам.

— Долго жить вместе, лечить рана, учить говорить как рыбоед.

Белка немного расслабилась и улыбнулась кочевникам.

— Это не враги, — сказала она медведю.

— Болки мы. — Охотник обвел рукой сородичей. — Болки не едят рыбу... Рыба нечистая. Мясо-бык?

Он указал на коптящееся над костром мясо. Женщина сказала что-то резкое, но охотник возмущенно ей ответил, тыча пальцем в шрам на руке. Их перепалка разбудила младенца. Белка подумала, что тот заорет, как вопили дети-кайя, когда им что-то было не по нраву. Однако ребенок лишь таращил глаза.

Победа в споре осталась за охотником. Женщина буркнула и отвернулась, охотник же заулыбался Белке.

— Есть с нами? Была хороший охота. Бык сам бежать к нам. Глупый — ничего не видеть. Много мяса.

Он глянул на медведя. Вурл стоял на месте, но то, как он глазел на бизонью тушу, говорило само за себя.

— Медведь... — сказал кочевник. — Твой муж?

Белка покачала головой.

— Друг. Он помогает мне.

Охотник что-то спросил у своих сородичей. Женщина не ответила, второй охотник затараторил, неистово жестикулируя. Первый охотник стукнул его по руке и указал на виднеющиеся в отдалении стада.

— Молодой, глупый, — сказал он. — Не знать — надо помогать. Делить еду.

Он поднялся на ноги и решительно зашагал к бизоньей туше. Взявшись за отрубленную ногу зверя, охотник отволол ее к Вурлу, ничуть не пугаясь огромного хищника.

— Хороший мясо, — сказал он, глядя медведю в глаза. — Лучший кусок.

Вурл опустил морду, обнюхал ногу бизона. А затем впился в нее зубами, раздирая на части. Охотник отскочил назад и засмеялся, хлопая себя по бедрам.

— А ты, девочка-рыбодка? Разделить нашу добычу?

Белка подошла к костру под мрачными взглядами женщины и второго охотника. Ребенок же наоборот — заулыбался и потянул к ней ручки. Женщина схватила его и крепко прижала к себе. Белка даже растерялась.

— Глупый женщина, — сказал охотник. Он снял с палки большой кусок подкопченного мяса и протянул Белке. — Есть, вкусный мяса...

Для пущей наглядности он погладил себя по животу. Женщина что-то сказала, но в ответ охотник рассмеялся.

— Она меня боится? — спросила Белка, принимая угощение.

Мясо обжигало пальцы. В животе заурчало; Белка впиалась в кусок зубами с той же яростью, что и Вурл.

— Глупый женщина, — сказал охотник. — Она говорит — рыбодки берут детей. У рыбы нет дух, у рыбодков нет дух. Они едят детей, чтобы дух забрать...

Белка искренне изумилась. Кайя едят детей? Чтобы украсть их дух? Кому подобная глупость могла прийти в голову?

— Кайя не едят людей...

— Я знает, — закивал охотник. — Целый зима жил с рыбодком, хороший охотник, добрый друг.

Он начал что-то объяснять женщине. Та ему возразила, но охотник замахал на нее руками. Женщина насупилась.

— Меня зовут Хоск, — сказал он, постучав себя по груди. — А твое имя, девочка-рыбодка?

Глядя на охотника, Белка проглотила кусок мяса и тихо проговорила:

— У меня нет имени.

Хоск отпрянул.

— Как нет имя?

— Я не прошла испытания, — объяснила Белка. — Я не получила свое имя.

Хоск обеспокоенно посмотрел на Белку, потом на женщину с ребенком — в поисках поддержки... Но та демонстративно отвернулась, баюкая младенца. Второй охотник тоже избегал на них смотреть, продолжая нанизывать мясо на палки. Вурл с громким чавканьем и хрустом грыз кость.

— Можешь звать меня Белкой, — поспешила сказать девочка. Она не стала уточнять, что детское прозвище уже потеряла.

— А где твой племя? — спросил Хоск. — Что ты делаешь здесь один, девочка-рыбодка? Вы живете у текущей воды.

Охотник указал в сторону Аэйлы.

— Жили, — сказала Белка. — Большие грохочущие птицы забрали кайя и унесли на запад.

— Большой птицы! — Хоск заговорил на своем языке. Второй охотник испуганно поднял глаза к небу. — Мы видели большой птицы, — сказал Хоск. — Они шуметь: трр-трр, очень громко. Вот столько дней назад.

Хоск растопырил пальцы и показал ладонь.

— Видели? Они и на вас напали?

Охотник замотал головой.

— Мы прятаться, и большие птицы нас не видеть. Страшно шуметь.

Хоск поежился. Белка кивнула — ее и саму пробирала дрожь всякий раз, когда она вспоминала грохот птиц.

— Они забрали всех рыбод?

— Да, — сказала Белка. — И сожгли селения. На берегах Аэйлы больше нет кайя.

Стоило это сказать, и Белку охватили тоска и усталость; на глаза навернулись слезы. Ну почему эти испытания выпали именно

ей? Почему предки не могли выбрать кого-нибудь другого? Она вовсе не сильная и не такая уж и смелая. У нее и имени-то нет! Белка всхлипнула, но заставила себя собраться. Она кайя, а кайя не плачут, даже когда их никто не видит.

— Куда они полетели?

Хоск указал направление.

— Ты идти за большими птицами?

— Я иду за своим родом.

Второй охотник неожиданно с криком бросился к бизоньей туше. Обнаглевший песец подобрался к бизону и тащил в сторону большой кусок мяса. Охотник попытался схватить песца за загривок, но тот извернулся и вцепился ему в запястье. Охотник вскрикнул и отшвырнул лисицу; поджав хвост, та отбежала на безопасное расстояние и принялась возмущенно твякать. Вторя ей, громко заговорил охотник. Он зажимал запястье рукой, но Белка заметила, как меж пальцев сочится кровь.

— Я помогу, — сказала девочка, вскакивая с места.

— Уметь лечить раны? — удивился Хоск.

Он что-то сказал охотнику и указал на шрам у себя на руке. Охотник смерил Белку взглядом. Девочка подошла к нему и взяла за руку. Пусть эти люди ее боялись, но они накормили ее и накормили медведя...

— Не бойся, — сказала она. — Это не больно.

Охотник дернул рукой, но Белка сильнее сжала его запястье. Рана была пустяковой, злые духи не успели в нее пробраться. Белка справилась с ней за считанные мгновения: невидимыми пальцами слепила края, и следов не осталось. Руки горели, кончики пальцев превратились в раскаленные угли. Этот жар не сравнить с ощущениями, которые она испытывала, когда касалась фигурки Хранителя рода. Та тоже обжигала, но не как огонь, а как очень холодная льдинка. Сейчас жар шел у нее изнутри, с фигуркой наоборот — он проникал в тело, добираясь до самого сердца.

Радостная и довольная собой, Белка открыла глаза, любуясь результатом — даже шрама не будет! И в этот момент девочка почувствовала на себе холодный взгляд.

Шагах в десяти кто-то стоял. Не человек, хотя очертаниями фигура и походила на человеческую. Высокий и худой, с длинными руками и печальным лицом. Рот приоткрыт, будто он хотел что-то сказать и не мог вымолвить ни звука. Он куда больше походил на тень, чем на живое существо. Тело было прозрачным и зыбким, как сгустившийся туман, — того и гляди, порыв ветра развеет его без следа.

Медведь прекратил есть и зарычал. Прозрачный человек тут же исчез.

Охотник дернулся, освобождая руку. Но вместо радости и благодарности Белка увидела в его глазах ужас. Охотник попятился, что-то выкрикивая на своем наречии. Даже Хоск теперь смотрел на нее со страхом.

— Что случилось? Вы тоже заметили...

— Девочка-рыбодка уходит, — сказал Хоск. — Ты колдун. Болки не любить колдун.

— Что? — Белка недоуменно моргнула.

— Уходить, — мрачно сказал Хоск. Женщина что-то добавила и указала рукой в сторону реки.

— Но... Я же вылечила его и...

Обида нахлынула волной. Она же хотела помочь! Она даже помогла, а за это ее гонят! Хоск поднял с земли узловатую палицу. Взмахнул оружием, но скорее испуганно, чем грозно.

— Уходить, девочка-рыбод. Ты принести беду.

— Вы видели? — спросила Белка. — Высокий прозрачный человек, там...

Она махнула рукой. Хоск и не взглянул в ту сторону.

— Злые духи идут за тобой, девочка-рыбодка, — сказал он. — Уходить.

Белка медленно кивнула. Не сказав больше ни слова, она подняла копье и быстрым шагом пошла прочь от охотников. Женщина что-то крикнула вслед.

Белка стиснула зубы. Кайя не плачут. Даже когда их никто не видит.

ГЛАВА 7

ВЕЧНАЯ ОХОТА

Солнце клонилось к закату, окрасив горизонт темно-алым. На равнины опустился туман; холодная дымка укутала устало бредущих животных, клубилась у них под ногами. С заходом солнца безумный бег прекратился. Звери небольшими группками устраивались на ночлег. Кто-то бродил по кругу, подъедая траву и мох под ногами, кто-то без сил ложился на землю. Вдалеке величественно прошествовало семейство мамонтов — огромная самка с обломанным бивнем, а за ней еще пятеро, — они не знали усталости.

Вместе с закатом появились тучи мошкары; ее звенящий гул порой заглушал рев Большого Стада. Белка хлопнула себя по щеке. Насекомые были мелкими и раздражающе кусачими. Дома Белка накопила бы толстых корневищ особого растения — смертельно ядовитых, но их млечный сок отгонял комаров и мошку лучше всякого дыма. Однако на равнинах ничего похожего ей не попалось. Оставалось терпеть. Хорошо Вурлу — у него жесткая шерсть и толстая шкура, и то медведь то и дело отмахивался тяжелой лапой. Белке же казалось, что скоро мошка сожрет ее заживо. Чтобы защититься от укусов, она вымазала лицо и руки грязью.

Они с медведем устроились в тени высокого валуна, неподалеку от бредущего стада. Белка нашла относительно сухое место — по крайней мере земля там не хлюпала под ногами. Хуже обстояло дело с костром; здесь не лес, и раздобыть дрова и растопку куда сложнее. Белка нарвала мха и сушила его под одеждой — на груди словно устроилась холодная склизкая жаба.

От сырости и холода девочку била мелкая дрожь. Но еще сильнее Белку мучил голод. Недоеденный кусок мяса остался у кочевников; когда она вспоминала о нем, он казался невероятно огромным и бесконечно вкусным. Ну почему она его не забрала? Гордая! Кочевники выбросят мясо только потому, что она к нему прикасалась.

А всему виной таинственный прозрачный человек. Белка не сомневалась — это тот самый бледный призрак, которого она заметила в священной пещере. Но она и не думала, что существо заберется так далеко. Хоск прав — она проклята, и злые духи идут за ней по пятам. И если бы не Вурл, они бы до нее уже добрались... Белка с благодарностью посмотрела на медведя. Хранитель рода держал слово и защищал даже тогда, когда она и не думала, что ей нужна защита.

Медведь беспокойно заворочался. Белка коснулась холодной фигурки и уловила мысли зверя. Вурл тоже мучился от голода. Он держал слово и защищал ее, но ведь и Белка дала обещание. Она обещала раздобыть еду... Значит, так и будет.

Девочка встала, выходя из тени камня. Рядом устроилась на ночлег группа бизонов. Зверей собралось около десятка. Большое Стадо состояло из множества семей: один или два самца, а с ними самки и детеныши. Вожак этой группы оказался огромным — даже встав на цыпочки, Белка не смогла бы дотронуться до макушки мохнатого горба. По спине бизона тянулась серебристая полоса; вожак был стар, но с годами не растерял силу. Мышцы перекачивались под тяжелой шкурой, темные рога зловеще поблескивали. Зверь стоял, опустив голову; борода касалась земли, из ноздрей клубами валил пар.

Под его надзором самки чувствовали себя спокойно. Большинство уже лежали, сбившись в кучу — взрослые звери по краю, детеныши в центре. Звери чуяли Вурла. То одна, то другая самка поворачивалась в их сторону и печально гудела. Но ни одна не попыталась найти другое место для ночлега — такова была вера в вожака. Несколько молодых животных бродили в стороне, пощипывая траву; слишком взрослые, чтобы быть с детенышами,

но еще слишком юные, чтобы обзавестись собственными семьями. Старый вожак терпел их исключительно из жалости.

Прежде чем приступить к охоте, нужно было подготовиться. Древком копыа Белка прочертила на мху темные полосы. Рисунок вышел не ахти — круг, овал да четыре палки вместо ног. Но Белка моргнула, и неумелое изображение обернулось бизоном. Девочка отступила и с размаху швырнула в рисунок копые. Оно вонзилось в мягкий мох и осталось торчать, слегка покачиваясь. Удачный бросок — Белка попала прямо в загривок бизона; значит, духи охоты ей благоволят и даруют хорошую добычу.

Осталось выманить одного из бизонов подальше от группы. Белка потянулась к фигурке Хранителя рода, но замерла, вспомнив, чем закончилась ее первая попытка приманить бизона. Она чуть не сошла с ума от чужой боли и испытать подобное еще раз совсем не хотела. Может, обойтись своими силами? Обойти зверей и загнать одно из молодых животных прямо на Вурла?

Медведь глянул на темнеющее небо и рявкнул. И, отвечая ему, раскатисто взревел вожак бизонов. Одним ревом дело не ограничилось — опустив голову, старый вожак устремился прямо на Вурла. Из-под копыт брызнули ошметки мха. Не пробежав и пяти шагов, бизон остановился и снова заревел. А затем с гордым видом вернулся к семейству.

Загнать одно из животных! Старый вожак затопчет ее насмерть, прежде чем она кого-нибудь испугнет. Все-таки придется обратиться за помощью к Хранителю рода. Белка достала фигурку.

Мысли Вурла она отсекала сразу же и попыталась настроиться на бизонов. Проще всего оказалось поймать мысли вожака группы. Они обрушились на нее так, что Белка пошатнулась. Сила и мощь, угрюмая решимость защищать свое семейство... Пытаться заставить вожака что-нибудь сделать — все равно что голыми руками из камня делать наконечник копыа. Сколько ни ломай ногти, ничего не получится. Да и не нужно рисковать: даже если получится увести вожака от стада, еще вопрос, справится ли с ним Вурл. Медведь и бизон стоили друг друга.

Бизон дернул головой, будто прогонял назойливое насекомое, и шумно выдохнул облако пара. На тяжелой морде поблескивали капельки росы. Нет уж — лучше приманить другого зверя.

Белка сосредоточилась на самках. Их мысли оказались куда сумбурнее и путаней. Суетливая возня детенышей под боком, запах молока и влажной шерсти... Белку захлестнула волна теплой нежности. Ей захотелось самой броситься к бизонам, забиться в общую кучу и прижаться лицом к теплому боку; просто знать, что рядом кто-то есть.

Белка отпрянула, косички хлестнули по щекам, и наваждение отступило. Но девочка поняла: она не сможет приманить ни одну из этих самок. На какое-то мгновение они стали ей так близки, что даже мысль об этом казалась ей дикой.

Оставались звери, бродившие в стороне от группы. Белка выбрала молодого самца — не самого крупного, но довольно упитанного. Тот отрешенно жевал пучок травы, изредка поглядывая на вожака, словно спрашивал у него разрешения.

— Иди сюда, — прошептала Белка. — Ко мне...

Одна из самок поднялась и шагнула к девочке. Остановилась, косясь на старого бизона. Вожак смерил ее взглядом, и самка улеглась обратно.

Фигурка впивалась в ладонь.

— Иди ко мне, — зашептала Белка, не сводя глаз с молодого самца.

И тот ее услышал. Покачивая тяжелой головой, он побрел к Белке. Девочка усмехнулась — теперь дело за Вурлом. Белка заметила, как напрягся хищник. Вурл поджал лапы и опустил морду; бока тяжело вздымались с каждым вдохом. Бизон — не косуля, ему одним ударом хребет не сломаешь... Когда бизон подойдет ближе, медведь рванется к нему и вцепится в загривок. Навалится, собьет быка с ног и будет рвать шею, чтобы добраться до артерии. Запах горячей крови... Белка почувствовала охотничий азарт. Очевидно, мысли Вурла пробрались к ней в голову.

— Ближе, — продолжала шептать она. — Еще...

Бизон послушно шел. Оставалось немного.

Она появилась внезапно. В небе сверкнула яркая вспышка, слышался оглушительный рев. Белка испуганно задрала голову, хотя уже узнала звук.

Птица! Чудовищная птица, одна из тех, что напали на селение кайя! Она летела со стороны реки, низко опустив тупую морду. На гладком брюхе мигал круглый красный глаз. Глаз? Это горит огонь... Тот самый огонь, которым птицы сожгли ее дом.

Белка закричала. Внутри все сжалось от страха. Белка много раз думала, что будет делать, когда встретит этих птиц. Она даже убедила себя, что не испугается; встанет против них с копьем и покажет, кто сильнее и отважней. Но когда увидела одну из них, девочка не смогла справиться с охватившим ее ужасом. Она вновь ощутила себя маленьким и слабым зверьком, способным лишь бежать и прятаться.

Белка бросилась на землю, моля духов о защите. Сквозь грохочущий гул до нее донесся рев бизонов, но Белке до них уже не было дела. Бежать и прятаться...

Птица пролетела прямо над головой. Жуткий гул стал нестерпимо громким и тут же начал стихать. Белка боялась пошевелиться, лежала, прикрыв голову руками, и вслушивалась в удары собственного сердца.

С каждым ударом оно стучало сильнее и сильнее. Белка почувствовала дрожь. Но не сразу сообразила, что дрожит сама земля. Подняв голову, Белка увидела бизона. Зверь несся прямо на нее — из ноздрей валил пар, глаза налились кровью... Бизон жалобно заблеял.

Девочка еле успела откатиться в сторону — за мгновение до того, как массивное копыто опустилось на то место, где была ее голова. Бизон пронесся так близко, что Белка могла до него дотронуться. Горячий ветер взъерошил волосы, в нос ударил резкий звериный запах.

Повезло... Еще немного, и грифам и прочим падальщикам было бы чем полакомиться. Но духи предков хранили ее. Белка приподнялась на руках.

И увидела, что на нее мчатся остальные звери во главе со старым вожаком.

Животные были напуганы до полусмерти. Плаксиво ревели телята, мычали самки, гудел старый вожак. Белка дернулась. Это же она посредством фигурки передала животным свой страх! Этого оказалось достаточно, чтобы бизоны бросились бежать. И не только они — ветер донес рев мамонта. Все Большое Стадо пришло в движение. Белка увидела, как заметались лошади; олени устремились к реке, а следом мчались овцебыки; огромный мамонт вломился в гущу оленьего стада, раскидывая всех, кто оказывался у него на пути. Паника распространялась, точно огонь по сухим веткам. Белка вскрикнула. Неужели все это из-за нее?

Бизоны приближались, еще немного, и ее затопчут. Белка бросилась к камню. Нужно забраться на гигантский валун — там бизонам до нее не добраться... Но на полдороге Белка резко остановилась.

Вурл! Медведю на камень не залезть, несмотря на длинные когти. Слишком большой и грузный, слишком неуклюжий... Медведь пятился, рыча и скаля клыки. Но в его рыке страха было куда больше, чем угрозы. Сейчас бизоны его не испугаются и не свернут. Медведь рывком поднялся на задние лапы и остался стоять, слегка покачиваясь. Он готовился защищать Белку, пусть и ценой собственной жизни.

— Беги! — крикнула она, держа фигурку. — Быстрее — за камень...

Медведь коротко рявкнул. Бизоны были совсем близко.

— Беги!!! Пожалуйста, прошу тебя...

Вурл неловко опустил на четыре лапы и поспешил к камню. Получилось! С противоположной стороны валуна он будет в безопасности. Если успеет добежать...

Белка сорвалась с места и поскользнулась на влажном мху. Девочка замахала руками, обернулась и увидела перед собой плоскую морду бизона.

Удар был тяжелый и мягкий. Боли она не почувствовала — просто вдруг поняла, что ноги уже не стоят на земле и она летит, кувыркаясь в воздухе. Время остановилось. Мимо скользили

смазанные коричневые и красные пятна. Это же бизоны? Послышался далекий крик — неужели это кричит она сама?

А потом мир вспыхнул белым пламенем и погрузился во тьму.

Костер сухо потрескивал. Языки пламени скакали по длинным веткам, поднимаясь вверх и угасая. Но пламя не грело, и от него не было дыма.

Белка лежала на холодном каменном полу и смотрела на огонь. Сколько времени — она не знала. Как не знала, где она находится и как сюда попала. Голова раскалывалась на части, словно по ней били тяжелым камнем.

Что случилось? Попытка вспомнить обернулась очередным приступом головной боли. В голове путались смутные образы — медведи, бизоны... Она умерла?

Нет! Она не прошла испытания и не обрела имени... Она не имеет права умирать!

Белка заставила себя подняться. Она была в пещере. Но сколько девочка ни вертела головой, входа она не увидела. Глухой каменный мешок, с десятков шагов в поперечнике. Воздух был абсолютно неподвижен.

Огонь вновь взметнулся; по стенам заплясали красные отблески. Белке показалось, что стены пещеры сжимаются и разжимаются вместе с пламенем костра. Но только показалось; присмотревшись, Белка увидела нечто совсем иное.

Желтый камень покрывали бесчисленные рисунки охрой. В основном — отпечатки ладоней, больших и совсем крошечных. Тысячи и тысячи рук касались этих стен. Но Белка заметила и другие рисунки. Изображения зверей и птиц, сцены охоты... Она присмотрелась внимательней. Вот мамонт трубит, задрав хобот, вот лошадь, нарисованная столь искусно, что можно разглядеть каждый волосок на жесткой гриве... Лошадь лениво жевала траву и вдруг подняла голову, оглядываясь.

Рисунки двигались! Белка увидела, как лошадь перебирает ногами, как она встряхивает гривой. За спиной зверя охотник метнул копье. Лошадь упала, перекувырнувшись через голову. Чуть

в стороне горбатый бизон бросался на окруживших его охотников. Большая Охота... И происходила она здесь, сейчас и всегда. Нет разницы между предметом и его изображением, но никогда еще Белка не видела этого столь явно.

Она протянула руку к рисунку мамонта. Белка была уверена, что дотронется до жесткой шерсти, однако почувствовала холод камня. На стене остался четкий отпечаток ладони.

— Явилась, глупая девчонка...

Скрипучий голос донесся с противоположной стороны костра. Оолф?! Мгновение назад в пещере никого не было...

Старый знахарь сидел на корточках и палкой ворошил горящие ветки. К потолку взметнулось облако ярких искр. Это был Оолф, без сомнений, — такой же высокий и костлявый, волосы торчат во все стороны... Значит, все-таки она умерла. Где еще она могла встретить старика, кроме как в землях предков? В стране вечного лета и вечной охоты. Белка снова оглядела стены пещеры. Вечная охота... Девочка представляла ее несколько иначе.

— Даже не думай, — сказал знахарь. — Умерла она! Рано тебе в земли предков, никто тебя не звал.

— Но... — Белка запнулась. — Ты же умер! Я сама... Я отправила твое тело по реке на запад. Мать-Аэйла приняла тебя.

— Ну, спасибо. Могла бы и не напоминать.

Знахарь почесал предплечье и потянулся. Хрустнули кости.

— Ну да, я умер, — согласился он. — И что — теперь я не должен за тобой присматривать? Ты уже натворила глупостей, того и гляди, натворишь больше.

— Но как? Разве можно вернуться из земли предков?

Оолф пожал плечами.

— Я не пробовал. Глупая маленькая Белка, ты сама сделала так, чтобы я остался с тобой. Ну, в какой-то мере...

— Сама? Но...

Девочка дотронулась до косички, в которую вплела прядь волос Оолфа. Она сделала это в память о старике, чтобы сохранить при себе его частичку. А удержала дух знахаря.

Оолф задумчиво изучал собственные пальцы.

— Однако, — сказал он. — Всю жизнь думал, что после смерти волосы и ногти продолжают расти. А гляди ж ты — не растут!

— Где мы? — спросила Белка.

Оолф пожал плечами.

— Где-то, — неопределенно сказал он. — Везде и нигде, место не имеет значения.

— Как я сюда попала? Здесь же нет входа.

Прямо над Белкой нарисованные охотники танцевали над телом убитого мамонта, благодаря предков за богатую добычу.

— Как попала? Как идиотка. Хватило же ума — броситься на рога бизона.

— Но я...

— Ты нашла Хранителя рода? — перебил ее Оолф.

— Да. Он... — Белка потянула за шнурок, на котором висела фигурка. Но ее там не оказалось. Неужели она умудрилась ее потерять?

— Здесь Хранителю рода делать нечего, — сказал знахарь. — И без него тесно. Не волнуйся — он с тобой, просто не здесь.

Оолф ткнул палкой в костер. Вновь взметнулись искры. Несколько попало Белке на руку, но она не почувствовала жара.

— Погляжу, ты почти научилась пользоваться предметом, — сказал Оолф, глядя в огонь.

— Что?

— Предметом, — повторил Оолф. — Фигуркой Медведя. Поняла, что он тебе дает?

— Он... Он помогает разговаривать с животными.

— Разговаривать! — Оолф фыркнул. — С его помощью ты можешь управлять животными. Не просить, а приказывать.

— Но...

— Ты должна быть сильной, маленькая Белка. С помощью этой фигурки я приводил стада на Большую Охоту, у нас всегда было много добычи. Я говорил стадам: идите, и они шли.

— Я пыталась!

— И что? Пока ты лишь испугнула парочку бизонов. Ты передала им свои чувства, но тут ума не требуется. Ты должна научиться

передавать им свои мысли. Животные должны слушать, что ты им говоришь, и делать это.

— Но Вурл, — возразила Белка. — Он же слушается меня...

— Слушается! — передразнил ее знахарь. — Попробуй приказать медведю встать на задние лапы и станцевать, посмотрим, как он тебя послушается.

Белка промолчала.

— Твоя сила здесь, — Оолф постучал себя пальцем по виску. — В голове. Так учись ею пользоваться.

Знахарь принялся ворошить костер.

— Тебе предстоит долгий и трудный путь, — сказал он. — Слишком много опасностей тебя ждет. Ты храбрая, но придется стать храбрее. Ты сильная, но нужно быть сильнее. И в этом я не могу тебе помочь... Я не могу дать тебе силу. Больше, чем у тебя есть, — не могу.

Пламя костра заметалось, словно от порыва ветра. Но воздух в пещере по-прежнему оставался неподвижным.

— И будь осторожна, маленькая Белка, — сказал Оолф. — Опасности ждут тебя впереди, и они идут за тобой по пятам.

— Опасности? — Белка вздрогнула.

— Кое-кто очень хочет заполучить предмет, который у тебя есть.

— Призрак! — воскликнула Белка. — Я видела — высокий прозрачный человек. Я заметила его в пещере, а потом он шел за мной до равнин.

— Призрак? — Старик дернул себя за бороду. — Нет, девочка моя, не призрак. Как и ты, он состоит из плоти и крови.

— Кто же это? Оборотень? — Белка осеклась.

Оолф пожал плечами.

— Может, и оборотень, но точно не человек. Такие, как он, всегда жили рядом с людьми. Тот, кто учил меня, рассказывал, что раньше на небе было две луны. Прозрачные люди жили в огромном селении с каменными шалашами. Много зла они совершили, и души их стали чернее сажи. Тогда собрали они свои злые души и отправили на небо, на вторую луну. Но та не выдержала груза,

упала на землю и разлетелась на тысячи кусочков. Так погибло каменное селение, а прозрачные люди разбрелись по земле. Они бродят и до сих пор, ищут осколки той самой луны. Всё надеются собрать их вместе и вернуть свои души... А твой предмет — один из этих осколков.

— Осколок луны? — удивилась Белка. — Разве он не воплощение Хранителя рода?

— Пфф... — Оолф шумно выдохнул в бороду. — Конечно, воплощение. С чего ты взяла, что одно не может быть еще и другим? Посмотри на костер... Видишь огонь — он и свет, и тепло, и дерево, которым был, и зола, которой станет.

Пламя скрыло старика. Охотники на стене снова преследовали мамонта, потрясая длинными копьями.

— Или взгляни на себя, — сказал Оолф. — Ты маленькая девочка без имени и рода. Но разве это все? Пойми — кто ты еще. Кто ты на самом деле.

Голос старика вдруг изменился. Стал сильнее и мягче, словно знахарь внезапно помолодел.

— Эй! Барышня? Вы живы или как? То есть, если вы живы, не могли бы вы успокоить своего медведя? А то у меня есть опасения, что он хочет меня сожрать...

— Что? — Белка уставилась на знахаря.

Старик широко улыбался. Неизвестно откуда у него в руке появилась деревянная планка. Подняв ее, Оолф плеснул в лицо Белке ледяной водой.

Белка зажмурилась и открыла глаза.

ГЛАВА 8

ГОВОРЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Медведь действовал Виму на нервы. Умнейшее животное, ага. Зверь оказался не умнее морской свинки, которую Вим в детстве держал в аквариуме. Та тоже не понимала даже простейших команд, лишь таращила глаза, да возмущенно пищала, требуя еду. Точно так же медведь смотрел на Вима — зверь определенно был голоден.

Он был огромным. Медведи, которых Вим видел в цирке, казались карликами по сравнению с этим зверем. Здесь же... Сила и мощь. Если б медведь поднялся на задние лапы, то высотой был бы не меньше трех метров. Когти как кинжалы; в оскаленной пасти поблескивали клыки длиной с палец; черная шерсть висела грубыми космами. Настоящее первобытное чудовище — такое откусит голову и не заметит. На его фоне девочка, которая лежала у лап зверя, казалась крошечной, как Дюймовочка.

— Ну хорошо, — сказал Вим. — Я даю тебе две банки тушенки и банку копченых сардин. Идет? Еще у меня есть консервированные ананасы, но ты, поди, не знаешь, что такое ананасы?

Вим задумался.

— Думаю, про тушенку ты тоже не слышал. Но она тебе понравится. Чес-слово!

Медведь рывкнул. Должно быть, его рык слышно на километры. По спине побежали мурашки.

— Да ладно тебе! Отличная сделка. У тушенки срок годности до две тысячи двенадцатого года. Получается, она не испортится еще... Очень долго. Твои потомки к тому времени уже вымрут.

Вим прикусил язык. Может, не стоило говорить медведю, что у его вида нет будущего? Еще обидится.

Медведь сверлил Вима блестящими черными глазками. Девчонка у его лап пошевелилась и тихо застонала. Лицо ее скривила гримаса боли, но глаза оставались закрытыми. Вим подался вперед; медведь зарычал — звук походил на рев мотоцикла без глушителя.

— Слушай, — сказал Вим, поднимая руки. — Я хочу ей помочь. Я не врач, но умею оказывать первую помощь. А ты пока перекусишь, а? Отличная тушенка — соглашайся.

Медведь опустил голову и толкнул девчонку носом. Бережно, словно собственного детеныша. Взгляды, которые он бросал в сторону Вима, были весьма красноречивы — мол, подойди ближе, и познакомишься с моими когтями. А подобного знакомства Вим хотел избежать.

Девчонку он нашел случайно.

Вим путешествовал по реке, сплавлялся на плоту вниз по течению. Конкретной цели у него пока не было. До этих мест он добрался недавно и еще не успел толком осмотреться. А как говорил Чеширский Кот, если все равно, куда хочешь попасть, то все равно, куда идти. Река же — проверенный и надежный проводник; рано или поздно она должна вывести к людям.

Плот он делал три дня. Получился совсем не шедевр кораблестроения, из неряшливо отесанных сосновых бревен, тяжелый и неуклюжий. Не «Арго», как ни крути. Но плот оказался крепким и отлично держался на воде. Вим закрепил руль, поставил на корме шалаш из лапника и оборудовал место для очага. От мысли установить мачту он благоразумно отказался; Вим умел управлять с парусом, но, чтобы его сделать, пришлось бы раскроить спальный мешок. Пойти на это Вим не мог.

Свой корабль он нарек «Приключение». За неимением шампанского Вим швырнул в плот котелком с водой, после чего оттолкнул плот от берега и доверился течению.

Сутки он просто плыл, отдыхая, играя себе на гармонике и перечитывая «Гекльберри Финна» — лучшую книгу для

путешествий по реке. Места были дикие, но на иное Вим и не рассчитывал. Хотя он забрался далеко в прошлое, мир вокруг вовсе не выглядел юным. Наоборот — от него веяло древностью, седой и могучей. Лес вплотную подступал к реке, и плот плыл по зеленому туннелю. Вим любовался гигантскими деревьями и огромными валунами, принесенными ледником. Один раз он заметил лося, вышедшего на берег. Зверь был под стать лесу — нескладный гигант с рогами под два метра и шкурой цвета сосновой коры. Заметив плот, лось трубно взревел, вспугнув семейство длинношеих уток. В ответ на приветствие Вим сыграл на губной гармошке куплет «Norwegian Wood», правда, лось не особо впечатлился.

Потом деревья стали редеть, и лес уступил место плоской равнине. Тут-то Вима и ждало первое серьезное препятствие. Через реку переправлялось огромное стадо бизонов и северных оленей, перегородив ее, подобно плотине. Столько животных сразу Вим не видел даже в фильмах про индейцев. Река бурлила, когда звери один за другим бросались в воду и плыли на противоположный берег. Попытаться сквозь них проплыть — безумие; оставалось только ждать.

Некоторое время Вим провел на берегу, наблюдая переправу. Зрелище, несомненно, завораживало — величием, размахом и первобытной яростью. Не говоря о том, что Вим впервые увидел живых мамонтов. Ради этого стоило сюда забраться. Заросшие грубой шерстью колоссы с длинными перекрученными бивнями — они оказались даже больше, чем Вим их представлял по иллюстрациям и фильмам. И уж куда больше любого слона. Угрюмые, словно погруженные в тяжелые и безрадостные думы, мамонты шли неторопливой рысью, презрительно поглядывая на несущихся сломя голову бизонов и оленей.

Но со временем все приедается; звери шли и шли, ревели, прыгали в реку, и в конце концов Виму это наскучило. Он отправился бродить по окрестностям, а в итоге наткнулся на девчонку и медведя.

Вим приметил гранитный валун, с которого можно было осмотреться. Но когда он к нему вышел, то первым делом увидел эту

парочку. Девочка-подросток лежала, поджав колени к груди; длинные и тонкие рыжие косички разметались, скрывая грязное лицо. Медведь сидел рядом, склонившись над телом.

Сперва Вим решил, что зверь убил девочку и собирается сожрать. Жестокое время — жестокие нравы. Однако медведь не думал приступать к трапезе. Да и следов нападения Вим не заметил — ни кровавых ран, ни оторванных конечностей. Девочка пошевелилась, и Вим облегченно выдохнул. Жива...

Медведь заворчал и подтолкнул тело лапой. Вим присвистнул. Подобной трогательной заботы он не ожидал. То, как медведь смотрел на девочку... Это не взгляд хищника, скорее, так собака глядит на хозяина.

С девочкой что-то случилось, это ясно. Возможно, ей требовалась медицинская помощь. Однако стоило шагнуть ближе, медведь зарычал, скаля клыки. Шерсть на загривке топорщилась. Вим поднял руки и отступил. Как бы преданно медведь ни глядел на девочку, он не милый домашний зверек. Связываться с ним себе дороже.

Битых полчаса Вим пытался договориться со зверем, но тот не желал его слушать. Решив, что одними разговорами он многого не добьется, Вим сходил к плоту и вернулся с несколькими банками консервов. Но и попытки подкупить медведя результата пока не принесли.

— Хорошо, — сказал Вим. — Я тебе дам немного на пробу, а ты уже сам решишь?

Медведь, разумеется, не ответил. Вим открыл консервную банку. Подцепив ножом кусок жирной тушенки, он бросил ее зверю.

— Бесплатная дегустация, только сегодня...

Тушенка упала на мох перед звериной мордой и развалилась на части. Выглядело не слишком аппетитно; оставалось надеяться — медведь не станет привередничать. Зверь обнюхал угощение, покосился на Вима и съел все в один присест.

— Ну как? — спросил Вим. — Еще?

Он снова зачерпнул тушенки из банки и бросил медведю. С новой порцией зверь разделался еще быстрее. Вим усмехнулся — рыбка клюнула. Давно подмечено, лучший способ подружиться

с собакой — дать ей кусок колбасы. Видимо, подобная методика применима и к медведям.

— Ну? Две банки чудеснейшей тушенки за возможность помочь девчонке? Ты в выигрыше, как ни крути. По рукам? В смысле, по лапам...

Вим выскреб из банки остатки и положил на мох. Добавил содержимое второй банки.

— Прошу! — Он приглашающе махнул рукой.

Медведь медлил несколько секунд, а затем подошел к угощению.

— Вот и отлично, — сказал Вим, боком приближаясь к девчонке. — А я пока ее осматриваю...

Медведь отвернулся. Похоже, он принял условия сделки.

На вид девчонке было около четырнадцати, а то и меньше. Тощая, грязная, в длинных спутанных волосах торчат какие-то кости и клыки... Серьезных ран Вим не заметил. Руки, ноги, голова — на месте. Вим тронул девочку за плечо.

— Эй...

С губ девчонки сорвался стон. Медведь тут же развернулся.

— Все хорошо! — поспешил сказать Вим, отстраняясь.

Он с тудом сдерживал дрожь в руках. Ввязался же на свою голову... Теперь вопрос, как эту голову сохранить. Медведь оторвет ее в два счета. Вим трижды проклял свое любопытство. С другой стороны, если он не поможет девчонке, то кто же? Случайностей не бывает.

Вим налил из фляжки немного воды в ладонь и плеснул девочке на лицо.

— Эй! Барышня? Вы живы или как? То есть, если вы живы, не могли бы вы успокоить своего медведя? А то у меня есть опасения, что он хочет меня сожрать...

Медведь разделался с тушенкой и теперь таращился на Вима, явно выбирая, с какого куска лучше начать. Из приоткрытой пасти капала слюна.

В тот же миг девчонка открыла глаза. Зрачки ее увеличились. По тому, как дернулись уголки губ, Вим понял: сейчас она завопит. Он торопливо зажал ей рот.

— Тише! — выдохнул Вим. — Ради бога, не нервнируйте его. Я хочу помочь...

Девчонка задержалась, к счастью слабо.

— Спокойно... Да тише ты! Я не собираюсь тебя обижать. Хватит! Я хочу помочь!

Вим постарался улыбнуться — во весь рот и как можно дружелюбнее. Это сработало — девочка перестала вырываться. Страх отступил, оборачиваясь удивлением. Вим подождал еще немного, давая ей время успокоиться, и убрал руку.

— *Аш куэро?* — спросила девчонка.

— Кенгуру, — ответил Вим. — В смысле «я не понимаю». Но дай минутку...

Существует известный предмет — «Попугай», он позволяет владельцу говорить на любом языке. Раньше Вим хотел заполучить этот артефакт — в путешествиях штука незаменимая. Но, странствуя по времени, на предметы нельзя полагаться. На них тоже действуют законы сохранения: в конкретный момент времени любой артефакт может существовать только в единственном экземпляре. И никогда нельзя предугадать, останется ли он у тебя или попросту исчезнет. Вим же предпочитал обходиться без костылей, которые можно подпилить.

Главное — понять: артефакты не волшебные палочки. Средство для достижения цели и не более. В их свойствах нет ничего сверхъестественного, они оперируют силами и законами, существующими в мире. Практически все, что дают артефакты, можно получить и без их помощи. Конечно, это требует несравнимо больших усилий, но тем не менее.

Взять, например, «Единорога», который позволял решать в уме сложнейшие математические задачи. Обычный человек не станет этим заниматься, он возьмет калькулятор. Но при должной тренировке возможно многое. Вим знал семилетнего мальчика, который перемножал в уме десятизначные числа. Да и Ферма доказал свою теорему безо всяких единорогов.

Телепортация «Змейки»? Индийские йоги легко справлялись с этой задачей — утром пили чай в Калькутте, а спустя пять

минут их видели в Дели. «Кот»? Сколько предсказателей будущего обходились без него? «Кролик»? Его не было ни у Клеопатры, ни у Елены Троянской. Даже такой невероятный предмет, как «Зеркало», позволявший разрушать горы и поворачивать реки вспять... А на другой чаше весов — теллурическое оружие, разработкой которого занимались тамплиеры.

То же и со способностями, которые давал «Попугай». Дар глоссолалии упоминался и в исторических документах, и в легендах. Никаких попугаев не хватит на всех, кто им обладал. У Вима с детства были неплохие способности к языкам — свободно говорил на четырех и знал еще пять. Но это не шло в сравнение с возможностью понимать *все* языки мира. А раз возможность была, упускать ее он не собирался. Вим отправился туда, откуда и пошли все языки. В Вавилон, в то время, когда там строили знаменитую Башню.

Там, в тесной комнатухе со стенами из красной глины, угрюмый жрец с курчавой бородой два месяца вбивал Виму в голову причудливую науку вавилонской глоссолалии. Знаниями Вим овладел быстро — может, в силу природных способностей, а может, из страха, что еще месяц на диете из воды и пресных лепешек он не протянет. Это потом он стал думать о времени обучения как о лучших двух месяцах своей жизни. И хмурого жреца, которого тогда хотелось убить, поминал исключительно добрым словом.

Как поминал и сейчас, глядя в глаза девочки из каменного века. Они были болотного цвета, один чуть темнее другого.

— Аш куэро? — повторила девчонка, но Вим уже понимал ее. — Кто ты?

Нужно только настроиться, уловить образ и суть языка. И принять их целиком и полностью. Как капля воды содержит в себе Океан, так и одно слово включает в себя весь язык. Конечно, он не выучил внезапно все слова и грамматические конструкции — такое невозможно. Вим их даже не слышал; если бы его попросили записать транскрипцию звуков нового языка, он бы не справился. То, что он слышал, звучало на его родном языке, на нем же он и отвечал. Перевод происходил бессознательно.

— Тише, — сказал Вим. — Без паники. Только не кричи — твой медведь и так на меня косо смотрит. Я тебя не обижу, я хочу помочь...

Девочка моргнула.

— Ты кайя? Ты говоришь на языке людей реки. Ты из рода Рыси, да?

— Ну, — смутился Вим. — На самом деле я не из рода Рыси...

— А из какого ты рода?

— Рода? — Вим задумался. — Тут запутано... Мать из карел, русская наполовину. Отец — немец, но, если копнуть, там и датчане, и поляки, и черт в ступе.

— Что? — Девчонка заморгала.

— Не бери в голову, — отмахнулся Вим. — Ты не ранена?

— Ранена? — На лбу девчонки появились складки.

— Ты лежала без сознания, — объяснил Вим. — То есть, если ты спала, прости, что разбудил... Но в твоём возрасте спать на сырой земле вредно.

Девчонка продолжала хмуриться.

— Оолф, — проговорила она. — Я была в пещере Вечной Охоты. Я... Меня сбил бизон! Он бежал прямо на меня и...

Она принялась себя ощупывать, а потом начала вытаскивать из-под одежды свалаявшиеся комья бледно-зеленого мха.

— Бизон, — повторила девчонка. — Я сушила мох для костра. Бизон ударил, но мох меня защитил.

Она попыталась подняться, но, застонав, упала на спину.

— Защитил, да не очень, — сказал Вим. — Не двигайся. Нужно тебя осмотреть.

Медведь устался прямо на Вима, но нападать пока не собирался.

— Ты знахарь? — спросила девчонка.

— Нет, конечно. Но кое-что смыслю. Так больно?

Он надавил девочке на бок. Она не вскрикнула, но Вим заметил, как увеличились ее зрачки.

— Боль острая или скорее тупая?

— Тупая...

— Отлично. А так?

Осмотр был более чем поверхностным. Но, похоже, девчонке крупно повезло. Ее сбил бизон, а у нее ни одного перелома — отделалась сильным ушибом. Родилась в рубашке, не иначе.

— Кстати, меня зовут Вим, — сказал он. — Кое-кто называет меня Снусмумрик, но боюсь, тебе это прозвище ничего не скажет.

— Вим?

— Ага. Полностью меня зовут Вильгельм. Дурацкое имя, знаю, отец придумал. В честь одного из братьев Гримм и Гауфа. Вим — так короче... А тебя как зовут?

— Меня? — Взгляд девочки стал отстраненным. — У меня нет имени. Можешь звать меня Белкой.

— Нет имени? — удивился Вим.

Под пристальным взглядом коричнево-зеленых глаз ему стало немного не по себе.

— Я не прошла испытания, — сказала девочка. — Я должна была стать взрослой и получить имя... Но прилетели грохочущие птицы, сожгли селение и унесли людей-кайя.

— Грохочущие птицы? — Вим нахмурился. — Что значит «грохочущие птицы унесли людей»?

— Они пришли с неба, — сказала Белка. — Большие, как мамонт. Крылья растут у них из головы, и машут они ими быстро-быстро. На этих птицах прилетели люди в черных шкурах — они забрали всех кайя.

— Погоди... — Вим вытащил из нагрудного кармана куртки блокнот и карандаш. — Крылья из головы?

— Они грохочут, — сказала Белка. — И хвосты, длинные и тонкие...

Вим неряшливо нарисовал небольшую картинку.

— Похоже? — спросил он, демонстрируя рисунок Белке.

Девчонка с ужасом уставилась на его художества.

— Рисую я не очень, — сказал Вим, оправдываясь. — Но в целом...

— Ай-я!

В руке у Белки неожиданно оказался нож — вытянутая острая каменная пластинка с обернутой мехом рукояткой. Резким движением девчонка выбила блокнот из рук Вима и тут же набросилась на рисунок, нанося удары ножом. Миг, и блокнот превратился в бумажные лохмотья.

— Эй!

Вим вскочил на ноги. Глаза девочки сверкали. На секунду Виму показалось, что она готова наброситься и на него. Сейчас в сравнении с Белкой даже медведь не казался страшным.

— Э... — Вим замялся. — Зачем ты убила мой блокнот?!

Проклятье... Теперь блокнот годился лишь на растопку. И где теперь искать другой? До того, как китайцы изобретут бумагу, ждать еще несколько тысяч лет. Придется делать заметки на полях книг, а этого Вим не любил.

Белка приподнялась.

— Я убила страшную птицу...

Вим щелкнул языком. Да уж... Убила птицу! Но в какой-то мере так и было — представления о единстве предмета и его изображения характерны не только для примитивных племен каменного века. Эта мысль не покидала человечество на протяжении всей истории. Жрец вуду, втыкающий иголки в куклу врага, или сопливая девчонка перед плакатом поп-звезды обращались к одной идее. А раз предмет и образ едины, то и манипуляции с образом должны относиться к предмету. Дориан Грей смог умереть, лишь убив свой портрет.

Вим поднял блокнот. Куда больше его смутил сам рисунок.

— Грохочущие птицы, значит... Боевой вертолет в каменном веке? Очень мило.

— Боевой кто?

— Как сказать... Вертолет — не живой. Он вроде лодки, которая летает. Ты знаешь, что такое лодка? Специальное бревно, которое выдалбливают, чтобы плавать по воде. Можно, конечно, бревно не выдалбливать — сделать каркас и обтянуть шкурами... В общем, его сделали люди.

Судя по взгляду, девчонка сильно сомневалась в его умственных способностях. Вим вздохнул — а как иначе объяснить?

— Я знаю, что такое лодка, — сказала Белка. — Кайя умеют делать каноэ из березовой коры.

— Вот видишь, — обрадовался Вим. — А вертолет — тоже каноэ, только летающее. Одного не могу понять: откуда он появился. Похоже, создатели Флинстоунов не слишком-то преувеличили.

— Они улетели туда, — девочка махнула рукой. — Предки сказали, чтобы я шла за ними следом и помогла Хранителю рода найти детей.

— Хм... — Вим покосился на медведя. — А это и есть Хранитель рода, я полагаю?

Словно отвечая на вопрос, зверь зарычал.

— Без обид, — поспешил сказать Вим. — Я просто спросил.

Белка снова попыталась встать, и ей опять не хватило сил. Девочка поморщилась.

— Я должна идти, — сказала она. — Должна найти...

Белка замолчала. Вим вздохнул. Мягкий мох, конечно, хорош, но бизон — это все-таки бизон. Пусть у девочки нет видимых повреждений, сильное сотрясение не исключено.

— Идти? Нет, барышня, тебе надо отлежаться. Пару дней — минимум.

— Нет, — ответила Белка. — Предки не любят ждать.

— Ох... Как ты собираешься идти, красавица? Ты же на ногах не стоишь.

— Я должна, — упрямо повторила Белка. — Хранитель рода должен найти своих детей. Вурл поможет...

— Вурл? А! Твой медведь... Милый зверь.

«Милый зверь» шагнул в их сторону. Вим нервно поправил ворот ветровки. Не то чтобы он не любил животных, но рядом с хищником чувствовал себя беспокойно. Вим сомневался, что медведь наелся тушенкой.

— Слушай, — сказал Вим. — Здесь недалеко у меня стоит плот. Хороший, сам делал. Места хватит и тебе и твоему приятелю. Тебе нужно вниз по течению? А мне по ходу с тобой по пути. Не нравятся мне эти вертолеты в каменном веке. С ними нужно разобратся. На плоту же путешествовать куда удобнее и быстрее.

Девчонка уставилась на Вима.

— По пути? Тебя послали предки, чтобы мне помочь?

— Предки? Не думаю... Скорее, наоборот. Но не бери в голову. Лучше держись за плечи, я отнесу тебя к реке.

— К реке...

Белка привстала. Что-то выпало из складок ее одежды на мох. Вим замер, а затем нагнулся и поднял серебристую фигурку, обвязанную кожаным шнурком. Артефакт... Фигурка крутилась то в одну, то в другую сторону. Медведь — предмет, позволяющий управлять животными, Профессор про него рассказывал. Теперь понятно, почему огромный хищник ходит за девчонкой, как собачонка.

Девчонка напряглась, длинные пальцы вцепились в рукоятку каменного ножа. Вим понял: еще чуть-чуть, и он рискует повторить судьбу блокнота.

— Держи, — сказал Вим, возвращая фигурку. — Кажется, это твое.

Белка выхватила предмет из рук. Вим дружелюбно улыбнулся.

— Я предпочитаю держаться от этих штук подальше, — сказал он. — Себе дороже. Да и толку мне от нее никакого — все равно я не смогу ей воспользоваться. Ну, давай, хватайся...

Он протянул ей руки.

ГЛАВА 9

ДУХИ ПРОШЛОГО

Девчонка оказалась совсем легкой. Вим без труда донес ее до реки, хотя и оборачивался через шаг. Медведь шел по пятам. Когда Вим делал плот, он не рассчитывал, что будет делить его с медведем. Но придется потесниться и молиться, чтобы «Приключение» не развалилось под весом огромного зверя.

Вим осторожно положил девчонку на землю. Сел рядом, переводя дыхание.

— Вот и дошли. Это мой плот, сам делал. Нравится?

Особых восторгов у девчонки плот не вызвал.

— Это твой дом? — спросила Белка. — Ты живешь на реке?

— Ну, если верить Гераклиту и считать время рекой, — сказал Вим. — Хочешь есть? По глазам вижу — хочешь. Будешь тушенку? Хотя чего я спрашиваю... Тебе надо поесть горячего. Сейчас что-нибудь придумаем. Все равно, пока эти коровы не переберутся через реку, отплыть мы не сможем.

Бизоны продолжали идти, но их стало заметно меньше. Однако Вим не рискнул бы плыть поперек стада.

Он принес с плота еду, маленький котелок и походную спиртовку. Зачерпнув воды из реки, Вим установил котелок и принялся копаться в карманах в поисках зажигалки. Белка смотрела на его приготовления и не понимала, что он вообще делает. Она смогла подняться и теперь сидела, обхватив колени руками.

— Скоро будет готово, — сказал Вим. — Не итальянский ресторан, но в своем роде тоже *pasta bolognese*... Ага.

Он вытащил зажигалку, чиркнул колесиком. Белка вскрикнула.

— Что? — Вим обернулся.

— Маленький костер... — прошептала Белка. — Огонь из пальца... Ты колдун!

— А! Ты про это... Никакой магии. Просто два маленьких камешка, которые выбивают искры, и горючий газ. Не веришь? Можешь сама попробовать.

Он протянул девчонке зажигалку. Белка попыталась отползти.

— Да не бойся. Она не кусается.

Разумеется, девчонка ему не поверила. Медведь же, чувствуя ее страх, зарычал. Вим поспешил убрать руку.

— Ладно, — сказал он. — В другой раз. Лучше займемся обедом.

Он нагнулся к спиртовке. Таблетка сухого горючего вспыхнула зеленоватым пламенем. Белка опять вскрикнула. Ох, намучается он с этой девчонкой... Для нее он, поди, в самом деле могущественный колдун, а то и хуже.

Один из неписаных законов Странников гласит: «Не выделяйся!» Будь тише воды, ниже травы — для твоей же собственной безопасности. Но следовать ему на практике невозможно. Как ни старайся, а все равно проколешься. Он сам прокололся в Элладе, заявившись туда в подпоясанной простыне. С каменным веком и того сложнее — как здесь можно не выделяться? Не разводите же, в самом деле, костер с помощью палочек? Как это делается, Вим знал только теоретически. Потому он придерживался другого правила, вычитанного в одной хорошей книге: «Не паникуй!» Остальное приложится.

— Ты, главное, не пугайся, — сказал Вим. — Сейчас я достану специальную палочку, подожгу ее и буду дышать дымом. Это не колдовство, я не демон, это самый обыкновенный дым...

— Собираешься курить? — спросила Белка.

Вим вздохнул. Что и требовалось доказать. Откуда девчонка из каменного века могла знать про курение? Белка сама ответила на вопрос:

— Оолф курил особые травы, когда говорил с духами. Ты будешь говорить с духами?

Тьфу на нее...

— Нет. Я просто собираюсь выкурить сигарету. Безо всяких духов.

Он закурил; сигарета весело мигнула огоньком. Девчонка напряглась.

— Духи всегда приходят на курительный дым...

Голос прозвучал настолько зловеще, что Вим поперхнулся. Белка тем временем продолжила:

— Они пробираются в тело и говорят в голове. Так рассказывал Оолф — духи говорят в голове и едят внутренности. Если в человеке сидит злой дух, его тошнит белыми червями.

Вим кое-как откашлялся.

— Что там курит твой Оолф?

— Он умер. Злой дух убил его.

— Да ну тебя. — Вим сломал сигарету в пальцах.

Вода в котелке закипела. Вим бросил туда лапшу, а спустя пару минут добавил тушенку. Жаль не нашлось томатной пасты... Вскоре блюдо было готово. Над котелком поднимался пар, от аппетитного запаха аж слюнки потекли. Девчонка принюхалась, морщась, как зверек, и удивленно посмотрела на котелок.

— Прошу к столу. — Вим снял котелок с огня и подошел к девчонке. — Как и обещал — *pasta bolognese*, походный вариант. Пища богов! Стоп... Не воспринимай буквально. На самом деле — обычная еда, но есть такая метафора...

Белка заглянула в котелок. Лицо ее перекосило от отвращения.

— Белые черви! Кайя не едят червей!

Вим мысленно сосчитал до десяти. Как объяснить, что такое лапша, человеку, который не слышал даже о пшенице? Тем не менее он попробовал. В конце его путаного, но вдохновенного монолога, взгляд Белки смягчился. Она решила рискнуть, хотя, возможно, не последнюю роль сыграл запах еды.

— А это ложка, — сказал Вим. — Она нужна для того, чтобы есть и не обжигать пальцы. Держат ее... В общем, держи, как получится.

Он вытер со лба пот. Тащить девчонку на себе было куда легче, чем объяснять ей, казалось бы, элементарные вещи. Белка вертела ложку в руке, не совсем понимая, зачем она нужна и с какого конца за нее браться. Поднесла к самому носу... И, взвизгнув, отшвырнула ложку, точно змею.

— Там сидит дух! — выкрикнула девчонка.

— Нет там никакого духа. Это твое собственное отражение, как в реке. Надеюсь, ты знаешь, что такое «отражение»?

Девочка продолжала испуганно глядеть на ложку.

— Конечно, знаю, — сказала она. — По-твоему я совсем маленькая?

— Вот видишь! — обрадовался Вим.

— Это водяные духи, у которых нет собственного облика, подражают тому, что видят.

Вим закатил глаза. У девчонки духи сидели под каждым кустом и прятались за каждым камнем. Шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на десяток-другой.

— Ну, хорошо, — устало сказал он. — Дух, который сидит в ложке, абсолютно безопасен. Его не надо бояться.

Решив, что личным примером он добьется больших результатов, Вим взял вторую ложку и зачерпнул из котелка. Белка смотрела, как он ест, — страх во взгляде смешивался с любопытством.

— А неплохо получилось, — прокомментировал Вим. — На мой вкус, маловато соли, но вполне сносно. Присоединяйся.

Он указал на валяющуюся ложку. Девчонка с опаской взяла страшный предмет. Вим ободряюще улыбнулся.

Белка рукой зачерпнула макароны и положила на ложку. Разумеется, все сразу же упало на землю. На лице у девчонки появилось обиженное выражение. Но в то же время в уголке рта возникла упрямая складка. Белка собрала макароны и снова положила на ложку. На этот раз у нее получилось донести до рта не меньше половины — приобщение к благам цивилизации шло семимильными шагами.

Медведь, привлеченный запахом еды, утробно заурчал. Вим замахал на него руками.

— Эй! Тебя я уже кормил. Хватит. Я понимаю: большой организм требует много еды, но имей же совесть!

Зверь глянул на Вима так, что тот почувствовал себя виноватым, точно отобрал конфету у ребенка.

— И не попрошайничай! Я не из «Гринпис» и не нанимался подкармливать вымирающие виды.

Лапша пришлась девчонке по вкусу. С содержимым котелка Белка справилась в два счета. Вим в жизни не видел, чтобы кто-нибудь ел так быстро.

— А теперь — отдыхай, — сказал Вим, забирая посуду. — Через несколько часов можем отправляться в путь, а пока есть время собраться с силами.

Он вернулся к плоту. Надо еще придумать, каким образом завести сюда зверя и чем его кормить в дороге. Припасов надолго не хватит. А путешествовать на одном плоту с голодным гигантским медведем — та еще перспектива.

Вим потрянул головой. Тут еще будет время подумать. Проблемы надо решать последовательно, по мере их поступления. Не паникуй — а остальное приложится.

Он вытащил из кармана губную гармонику.

— Ты любишь музыку?

— Музыку?

— Ага. У вас в каменном веке поют песни?

— Оолф пел, когда звал духов предков и когда призывал духов охоты...

— А просто так у вас никто не поет? Безо всяких духов?

Он поднес гармонику к губам и сыграл несколько тактов. Девчонка не испугалась — и то хорошо. Впрочем, наверняка у них в каменном веке есть музыкальные инструменты: всякие бубны, флейты из тростника и костей животных. Нужно сыграть что-нибудь попроще... Но не «Michelle». Когда в Элладке он исполнил эту песню перед компанией вакханок, психованные дамы едва не разорвали его на части. Вот «Girl» будет в самый раз.

Склонив голову, Белка слушала песню. Даже медведь успокоился. Дребезжащие звуки губной гармоники плыли над рекой,

и, вторя песне, вдалеке печально загудел мамонт. Что бы сказали Джон и Пол, если бы услышали свое творение в подобной аранжировке? Впрочем, Вим давно выяснил, что песни «Beatles» неподвластны времени. «Арго» добрался до Колхиды под хоровое исполнение «Yellow Submarine», с несколько исправленным текстом.

— Страшные птицы, которые забрали кайя, тоже пели песню, — сказала Белка, когда он закончил.

— Правда? И что же они пели? Напеть сможешь?

Белка поморщилась.

— Попробуй. Ну, ла-ла-ла?

Белка завывала волком. И так здесь поют? Исполнение девчонки больше напоминало горловое пение — хриплое и тягучее. Совсем не подходящее для маленькой хрупкой девочки, пусть и одетой в шкуры. Мелодию Вим узнал далеко не сразу.

— Стоп, — сказал он. — погоди... Они пели *такую* песню?

Вим заиграл мелодию и по выражению лица Белки понял, что не ошибся. Он постучал гармоникой по ладони.

— Забавно... Вагнер, значит, «Полет валькирий»? Интересные дела творятся в вашем каменном веке.

Вим повернулся к реке. Причаленный к берегу плот покачивался на слабых волнах. По воде с любопытством шныряли крупные водомерки. Бизоны и мамонты вдалеке... Прямо первобытная идиллия. Но за благовидной маской скрывались боевые вертолеты, под грохот Вагнера сжигающие селения. Словно под обложкой «Гекльберри Финна» пряталось «Сердце тьмы»: а вроде и там, и там путешествие по реке... Но истории как матрешки — никогда не знаешь, что найдешь внутри.

Вим в задумчивости заиграл «Yesterday», хорошая песня, чтобы собраться с мыслями. Медведь вдруг громко засопел. Шерсть на загривке встала дыбом, зверь оскалил клыки.

— Чего это он? — спросил Вим, косясь на медведя.

— Там кто-то есть. — Белка повернулась к груде валунов, лежащих на берегу реки.

Вим присмотрелся. Камни как камни... Может, медведь учуял животное? Водяную крысу или еще кого. Но Белка таращилась на камни так, словно там прятался саблезубый тигр. Подняв с земли крупную гальку, Вим бросил ее. Камень щелкнул о камень.

— Видишь, никого нет...

— Призрак, — сказала Белка. — Он идет за мной по пятам.

— Так-так, — сказал Вим, наклоняясь вперед. — С этого места поподробнее. Что еще за призрак?

— Прозрачный человек, — проговорила Белка. — Из священной пещеры. Он хочет забрать фигурку Хранителя рода и получить душу. Так сказал Оолф.

— Прозрачный? — переспросил Вим.

Он поднялся и шагнул в сторону валунов. За время своих путешествий Виму не доводилось сталкиваться с прозрачными, но слышал он о них многое. Истории рассказывали разные. Одни говорили, что прозрачные — представители древней высокоразвитой инопланетной цивилизации, с незапамятных времен наблюдающие за развитием человечества. Однако существовали версии, что на самом деле прозрачные — альтернативная ветвь эволюции самого человека со сверхъестественно развитыми паранормальными способностями. Упоминались они и в легендах: то как посланцы богов, а то и как демоны из преисподней.

Цели их тоже были туманны. Разброс был от создания на Земле царства гармонии, любви и всеобщего счастья до полного истребления человеческой расы. Впрочем, не всегда одно исключало другое.

Но в одной истории сходились. Каким-то образом прозрачные были связаны с предметами. Возможно, они их и создали и передали людям — отсюда и пошли истории о чудесных дарах и волшебных помощниках. Но они же и охотились за артефактами... Что там сказала девчонка? Хочет забрать фигурку и получить душу?

Вим крадучись стал подбираться к камням. Но когда до валунов оставалось не более пяти шагов, медведь за спиной взревел

в голос. От неожиданности Вим запнулся и замахал руками. Впереди на долю секунды мелькнул силуэт, похожий на густое облако табачного дыма. В другой раз Вим бы подумал, что ему показалось.

— Черт!

Вим метнулся к камням, но там уже никого не было.

— Проклятье. — Вим огляделся по сторонам. Не было даже следов. — Поздравляю, приятель! — сказал Вим, оборачиваясь к медведю. — Ты его испугнул.

Медведь продолжал грозно рычать.

— Успокой ты его, — сказал Вим Белке. — Сбежал твой призрак. Для потустороннего существа он оказался трусоват.

Белка погладила медведя по мохнатой лапе. Не сказать, чтобы тот успокоился, но рычание стало тише.

— М-да... — протянул Вим, глядя на реку. — Мало мне девчонки с пещерным медведем, так за ней еще таскается прозрачный. Вот его кормить я точно не собираюсь!

Через реку переправлялось стадо северных оленей. Звери плыли, высоко задрав большерогие головы, и блеяли жалобно и печально. Подхватив плоскую гальку, Вим пустил по воде «блинчик». Камешек заскакал по мелким волнам, допрыгав почти до середины реки.

— А это только начало, — проговорил Вим. — Медведи, вертолеты, прозрачные, Вагнер... Тихий и уютный каменный век. Конечно, а чего ты еще ждал, Вильгельм? Новой серии Флинстоунов да саблезубых уток?

Он пустил по воде новый «блинчик».

— Не бывает саблезубых уток, — сказала Белка спустя некоторое время. Она очень тщательно обдумала его слова. — Утка — это птица, а у птиц нет зубов. Если есть зубы, значит, это не птица.

— Потрясающая наблюдательность. Ну чего ты такая серьезная?! Саблезубые утки — это шутка. — Вим пальцами изобразил клыки и добавил с самым мрачным видом: — Кря-кря!

— Кря-кря?

— Вроде того.

Белка очень долго молчала. Губы вздрагивали. Но в конце концов девчонка не выдержала и расхохоталась — громко и звонко. Она принялась колотить себя по бедрам, хваталась за живот и чуть ли не каталась по земле.

Вим вздохнул.

— Поздравляю, Вильгельм, — только что ты изобрел дурацкие шутки. Человечество тебя не забудет.

Камешек запрыгал по волнам.

ГЛАВА 10

ЛЮДИ СКАЛ

Зевая во всю пасть, медведь поднялся на ноги. Плот заплясал на волнах, чудом не перевернулся. Пошатнувшись, медведь плюхнулся на задние лапы. Плот тут же зарылся носом в коричнево-рыжую воду.

— Проклятье! — Вим вцепился в рулевой шест. — Слушай, мохнатая морда! Сколько можно повторять? Лежи, где лежишь, и, ради бога, не шевелись!

Вурл отряхнулся. Во все стороны полетели мелкие брызги.

— Я не шучу, — сказал Вим. — Плевать я хотел, что тебе тут не нравится. Привыкай терпеть неудобства. Это для твоего же блага!

Он кое-как выровнял плот, хотя болтало будь здоров. Спокойная река, а качка как на море в шторм — того и гляди, все обернется морской болезнью. Если к тому времени медведь не отправит их купаться. Не было забот, так связался на свою голову.

— Пойми наконец, дурья башка, мы-то до берега доберемся, а вот тушенка плавать не умеет. Так и знай — перевернешь плот, останешься без ужина!

Медведь посмотрел на Вима с таким виноватым видом, что стало не по себе. Не стоило, наверное, говорить про ужин. Тем более, тушенки осталась одна банка.

— Вим! Вим! — Из шалаша выглянула Белка.

— Ну что еще?

— Саблезубая выдра, — сказала девчонка. — Смотри... Гирк! Гирк!

Приставив к губам пальцы, она принялась извиваться, изображая плывущую выдру.

— Ага, — вздохнул Вим. — Потрясающе. Очень похоже.

Он чуть помедлил.

— Барышня, а вы случаем не слышали про чувство меры? Шутка, повторенная дважды, уже не смешная. А за последние три дня я слышал ее раз пятьдесят. Саблезубые выдры, саблезубые кролики, саблезубые медведи — кто следующий?

Белка непонимающе заморгала. Уникальная девица: то ведет себя по-взрослому, а то ребенок ребенком. Но, в общем, понятное дело. Дитя природы, не испорченное цинизмом цивилизации. И смотрит на вещи просто и прямо.

Белка выбралась из шалаша. После встречи с бизоном она оправилась на удивление быстро. Теперь скакала по раскачивающемуся плоту как коза, оставалось позавидовать ее вестибулярному аппарату.

Встав на цыпочки, девчонка потянулась, разминая затекшие мышцы. Лицо ее припухло со сна, на щеке алел отпечаток еловой ветки. Вим предлагал ей взять спальный мешок, но Белка наотрез отказалась и спала на подстилке из лапника. Спального мешка девочка побаивалась — не понимала, что это за животное с ярко-зеленой шкурой.

— Выспалась?

Девчонка радостно заулыбалась.

— А когда мы будем есть?

Вим вздохнул.

— Интересно, ты вообще бываешь сытой? Есть мы будем потом. У нас мало провизии, так что ты поумерь свои аппетиты.

Лицо девчонки вытянулось, взгляд стал печальным, как у спаниеля. Точно так же минуту назад на Вима смотрел медведь.

— Ну, знаете! — возмутился Вим. — Вы со своим мохнатым приятелем и так слопали почти все запасы. Надо экономить. Ты бы лучше попробовала добыть еду. У меня есть снасти, может, поймаешь рыбу? Вы в каменном веке должны разбираться, как это делается.

— Какие еще снасти?

— Крючки, леска, блесна... Прости, захватить с собой спиннинг не догадался.

— Что?

— Не бери в голову. Как вы вообще ловите рыбу?

— Здесь плохо ловить рыбу, — сказала Белка. — Вода мутная, плохо видно. В мутной воде живут злые духи.

— Тебя послушать, где они только не живут, — вздохнул Вим.

— Но я поймаю рыбу, — сказала Белка. — Обещаю. Кайя — дети Белой реки, мы умеем ловить рыб.

Девчонка откинула косички с лица.

— Отлично, — обрадовался Вим. — Крючки-лески, что тебе нужно?

Не ответив, Белка подошла к краю плота. Встав на колени, она уставилась в темную воду. Губы шевелились, левую руку девчонка держала под одеждой. Похоже, Белка решила воспользоваться артефактом... В тот же момент на лице девочки появилось недоуменное выражение.

— Хранитель рода не видит рыб, — сказала она, поворачиваясь Виму. — Только водяную крысу у берега.

— Хочешь сказать, в реке нет рыбы? — расстроился Вим.

— Есть! Я заметила форель. Но Хранитель рода их не видит.

— Хм... — Вим потер подбородок. — Думаю, у твоего предмета ограничение на уровень активности мозга...

— Что?

— Рыбы — тупые. Потому управлять ими нельзя.

Белка задумалась.

— Кайя говорят, у рыбы нет тени. Потому дух Хранителя их не видит?

— Можно сказать и так, — согласился Вим. — Выходит, уши нам сегодня не видать...

— Я поймаю рыбу, — сказала Белка. — Я кайя. И я дала слово.

Из кармашка на бедре девчонка вытащила длинный и зазубренный костяной наконечник.

— У тебя есть палка? — спросила она. — И ремешки из шкур?

— У меня есть бечевка, — сказал Вим. — А палку можно взять из шалаша.

Белка поморщилась.

— Легкая...

Выбрав наиболее подходящую жердь, Белка расщепила один конец каменным ножом и вставила туда зазубренный наконечник. Вим передал ей моток капроновой бечевки. Белка обмотала наконечник, безо всяких узлов закрепив его намертво; еще один, длинный, кусок бечевки Белка привязала к противоположному концу жерди. Вим даже залюбовался, глядя на ее умелые движения — мастерство, о котором он мог только мечтать. Считанные минуты, и в руках у девчонки оказалась длинная острога.

Белка встала на одно колено на краю плота и, протянув ладонь, коснулась воды.

— Мать-Аэйла, — зашептала она. — Пошли мне хороший улов. Пусть рыба, которую ты приведешь, будет большой и жирной...

Девчонка подняла острогу высоко над головой, держа ее тремя пальцами. Вгляделась в реку, а затем с силой метнула оружие. Острога вошла в воду без единого всплеска; Белка тут же принялась сматывать бечевку. Вим подумал, что сейчас увидит рыбину, бьющуюся на острие гарпуна, но бросок оказался неудачным.

— Может, попробуем снасти? Закинем блесну и какую-нибудь щуку да вытащим?

Острога снова ушла в воду и опять безрезультатно. Девчонка поджала губы, лицо ее стало сосредоточенным и строгим. Бросок...

— Ай-я!

Древко остроги задержалось в воде. Белка вытащила гарпун — на острие трепыхалась крупная форель с радужно-розовым брюхом. Девчонка бросила ее на бревна плота; рыба запрыгала, держаась всем телом. Белка схватила ее за хвост и резким движением сломала хребет.

— Это хорошая рыба.

Лицо девчонки светилось от гордости.

— Ага, — с восхищением сказал Вим.

Сам бы он так не смог. Самая большая рыба, которую он поймал, была меньше ладони. А эта форель длиной почти с руку. Удивительно, как девчонка, на вид совсем не сильная, смогла вытащить ее из воды.

Медведь, учуяв рыбину, подался вперед. Черные глазки заблестели от предвкушения. Плот резко накренился.

— Проклятье... — Вим чудом не свалился за борт. — Я же тебе говорил — сиди спокойно! До чего тупое животное...

Медведь возмущенно рявкнул.

— Тише, Вурл, — ласково сказала Белка. — Ты получишь свою долю.

Она повернулась к реке.

— Спасибо, Мать-Аэйла! — Девчонка коснулась воды кончиками пальцев.

Каменным ножом Белка разрезала рыбу напополам. Половину бросила медведю — Вим и глазом не успел моргнуть, а тот ее уже проглотил.

Белка отрезала тонкую полоску темно-розового мяса и отправила в рот.

— Хорошая рыба, — сказала она, облизываясь.

— *Ты ешь ее сырой?!*

— Конечно. Рыбу можно есть без огня...

— Про паразитов, полагаю, ты не слышала?

— Про кого?

Вим задумался.

— Такие маленькие существа, их даже глазом не увидеть. Они прячутся в сырой рыбе и, если ее съесть, — пробираются в тело. Всякие там черви и прочая гадость. Но огонь их убивает.

— Духи? — уточнила Белка. — В твоем племени верят, что в рыбе прячутся злые духи, которые изгоняются огнем?

— Если тебе так понятнее...

Белка рассмеялась.

— Эту рыбу послала Аэйла. Зачем ей обижать своих детей и насылать злых духов?

— Потрясающая аргументация. Не то чтобы я не доверял твоей Аэйле... Но предпочел бы не рисковать. И у меня нет соевого соуса, а какие суши без соуса?

— Что?

— Я говорю, лучше я ее приготовлю. Сделаю отличную уху — пальчики оближешь.

Белка озадаченно оглядела свои пальцы, вымазанные рыбьей кровью.

Ближе к вечеру течение в реке усилилось. Берега незаметно стали круче, и зажатая между ними река побежала быстрее. То и дело вода вспенивалась белыми барашками и кружилась в маленьких водоворотах. Вим старался вести плот ближе к середине реки. Не хватало еще напориться на камни... Он всерьез подумывал пристать к берегу. Лучше пройти вперед пешком и все проверить. Но, как назло, удобного места не попадалось. Береговая полоска слишком узкая, а следом за ней начинался высокий и практически отвесный обрыв.

Сидя перед шалашом, Белка ложкой выскребала из котелка остатки риса. От громкого металлического скрипа вздрагивал даже медведь. С этой девчонкой посуду можно и не мыть. Вим не сомневался: если бы Белка могла засунуть в котелок голову, она бы вылизала его дочиста, как кошка.

— Не нравится мне все это...

Белка подняла голову. Косички упали на лицо, скрыв глаза. Тыльной стороной ладони девчонка вытерла губы.

— Что не нравится?

— Видишь? — Вим указал на темную полосу у горизонта. — По ходу дела, там каньон или ущелье...

— Это плохо?

— Через пороги на плоту не сплавиться — он не выдержит.

Вим задумался. Может, волоком по берегу? Запрячь медведя — пусть отрабатывает еду. Конечно, Вурл не походил на существо, которое легко заставить таскать бревна, но с помощью артефакта

Белки можно попробовать... Только сперва нужно причалить, а это пока невозможно.

Темная полоска приближалась. Вим не ошибся; это действительно оказалась высокая скальная стена — отвесная, словно обрезанная ножом. Слишком крутая, чтобы через нее перебираться без снаряжения, а о том, чтобы перетащить плот, можно и не мечтать. Цветом камень напоминал ржавчину.

Река вела в узкий каньон. Сейчас последний шанс пристать к берегу — в ущелье возможности уже не будет.

— Что это?! — Голос Белки дрогнул.

Вим опустил взгляд.

— Что... Черт!

На берегу лежал темно-желтый череп мамонта с торчащими бивнями. Но вовсе не это заставило Вима вцепиться в рулевой шест.

На каждом бивне гроздьями висели человеческие черепа. Они раскачивались на ветру — даже сквозь шум реки Вим услышал сухой перестук, от которого по спине пробежали мурашки.

— Смотри! — Белка указала на противоположный берег.

Вим увидел еще один череп мамонта, украшенный отрубленными головами. На острие бивня устроился крупный ворон. Птица что-то методично клевала. Вим проглотил вставший поперек горла комок. Одна из голов в связке... Ее отделили от тела не более пары дней назад! Над темно-красной глазницей кружил рой мух.

— А еще там! — раздался голос девчонки.

Напротив третьего черепа оказался четвертый. А спустя десяток шагов — еще два, друг напротив друга, точно столбы ворот. Это и были ворота.

— Очень мило, — протянул Вим.

Пристать к берегу? Глупее мысли не придумаешь. Кто бы ни установил эти черепа, он наверняка поблизости. А от людей с подобными представлениями об искусстве стоит держаться подальше. Вим сомневался, что его голова будет хорошо смотреться на мамонтовом бивне.

Ворон сорвался с насеста и, каркая, полетел над рекой, задевая крыльями воду.

Чем ближе плот подплывал к каньону, тем крупнее становились черепа мамонтов и все больше «украшений» висело на каждом. Вим глянул на Белку — девчонка стиснула нож, прижав его к груди, бледная, как привидение. Медведь заворчал, в рыке слышалась угроза.

— Не знаешь, чьих рук дело? — Вим кивком указал на черепа.

Девчонка оскалилась, как хищный зверек, учуявший добычу.

— Там, — Белка махнула рукой. — Красный человек. Он смотрел на нас.

— Где? — Вим никого не заметил. — Тебе не показалось?

— Нет. Он прятался, но я увидела. Сначала за тем камнем, потом перебежал туда и...

— И что?

— Исчез. Провалился сквозь землю.

— Красный человек? У него красная кожа или...

— У него красные волосы. Много, как у мамонта.

— Одежда из шкур?

— У него не было одежды, — сказала Белка.

— Хм... — Вим снова огляделся. В каком смысле — «провалился сквозь землю»?

Спросить он не успел. Плот сильно потрянуло: смотря по сторонам, Вим забыл следить за рекой, и они угодили в водоворот. Чертыхаясь, Вим навалился на рулевой шест, но смог выровнять «Приключение», лишь когда плот нырнул в ущелье.

Там оказалось довольно темно. Каньон был высоким и узким, солнцу сюда просто не забраться. Задрав голову, Вим увидел бесконечно далекую синюю полосу неба.

У берегов река бурлила, бросалась на камни и оседала хлопьями пены. Плот несло быстро, и стоило немалых усилий удержаться на середине реки. В воздухе повисла легкая водяная пыль — считанные минуты, и Вим словно побывал под холодным душем. Может, и бодрит, но ощущения неприятные.

Вим всматривался вперед, но не видел просвета. Интересно, как долго будет тянуться ущелье? Хорошо, если пару-тройку

километров, а если несколько сотен? Так долго он у руля не простоят... Довериться же течению нельзя — стоит отпустить шест, и плот тут же разобьет о скалы.

Стены каньона были изрыты многочисленными пещерами. Они походили на норы ласточек-береговушек, если, конечно, бывают ласточки размером с лошадь. И не поймешь, почему скалы до сих пор не обрушились. Вим заметил и кое-что похуже — груды белых костей на камнях у берега. После черепов у входа в каньон подобные картины совсем не внушали оптимизма. Мало ему было Симплигад...

— Красные люди! — громким шепотом сказала Белка.

Существа выглядели из одной из пещер метрах в семи над водой. Пятеро... Ростом с пятилетнего ребенка, коренастые и с невероятно длинными руками. Тела их покрывала густая темно-рыжая шерсть, слипшаяся от воды. Лица же смахивали на звериные морды: скошенные лбы, тяжелые надбровные дуги, плоские носы и выдающаяся вперед челюсть. Неандертальцы? Они ведь тоже не отличались особым ростом... Но Вим видел реконструкции неандертальцев в книгах и в музее — ничего похожего. Скорее, эти существа напоминали обезьян-бабуинов. Какие-то троглодиты-бандерлоги, не иначе.

Существа угрюмо смотрели на плот. Так же гиена смотрит на антилопу. Вим лишь порадовался тому, что бандерлоги далеко и до плота им не добраться.

— Видела таких раньше?

— Нет, — замотала головой Белка. — Только слышала о них... Они едят людей.

— Почему-то я так и подумал, — сказал Вим.

Из соседней пещеры показалось еще трое бандерлогов. Один из них быстро полез вверх, цепляясь за неприметные выступы в камне. Он походил на огромного паука, распластавшегося на стене. Вим и опомниться не успел, как бандерлог скрылся в другой пещере. Тут же из ближайших нор повылазило с дюжину бандерлогов; хотя существа не носили одежды, на голове у одного красовался лошадиный череп.

В руке у другого бандерлога оказался бубен, обтянутый желтой кожей. Карлик сильно ударил по нему колотушкой из берцовой кости. По ущелью пронесся протяжный и низкий гул. Звук заметался в каменных стенах. В ответ где-то впереди слышался еще один удар бубна. Вим обернулся в ту сторону и замер.

С обеих сторон стены каньона кишели бандерлогами. Их было много, как муравьев в муравейнике. Существа выглядели из каждой пещеры, норы и трещины в камне — скалились, махали длинными руками. Они резво перебирались из одной пещеры в другую — из-за этих скалолазов казалось, что стены каньона движутся. Бандерлоги с обезьяньей ловкостью перепрыгивали с камня на камень, повисали то на одной руке, то вниз головой. И всех их интересовал исключительно плот.

— Вот, дрянь...

Послышался пронзительный свист, и каньон взорвался криками, визгом, грохотом бубнов и улюлюканьем. От чудовищной какофонии вмиг заложило уши. Звук нарастал, многократно усиленный эхом. Один из бандерлогов взмахнул рукой, и что-то упало в реку, метрах в десяти от плота. Камень! Вим выругался. Второй камень упал еще дальше, но Вим прекрасно понимал: это только начало.

Взревев, медведь вскочил на ноги. Плот замотало, словно они угодили в водоворот. Сильный толчок выбил рулевой шест у Вима из рук, и он упал на колени, уворачиваясь от заметавшейся тяжелой жерди. Нос плота стал поворачивать к берегу.

Медведь стоял, широко расставив лапы, и ревел. Спина дугой, клыки блестят, уши прижаты к голове — в другой раз Вим бы испугался. Но сейчас зверь был меньшей из проблем.

— Успокой его! — крикнул Вим, силясь переорать бандерлогов. — Или мы перевернемся!

Что будет потом, можно не уточнять. Если они окажутся в воде, разумнее всего будет побыстрее утонуть. Белка и сама это поняла. Она крикнула, Вим заметил, что девчонка сжимает в кулаке серебристую фигурку.

Вурл опустил голову; Белка дотронулась до морды. Ее глаза почти светились — один ярко-голубой, другой пронзительно зеленый. Медведь присел на задние лапы.

— Тише, тише...

Рядом с плотом упал большой камень, окатив Белку брызгами. Девчонка дернулась, и медведь снова вскочил.

— Успокойся! — крикнула Белка. Голос дрожал. — Замри и не двигайся!

Она ударила медведя ладонью по носу. Вурл тут же замолчал и сел с ошарашенным видом. Округлые уши вздрагивали, но это было единственное движение, которое он себе позволял.

Вим наконец поймал рулевой шест. И вовремя — их уже сносило к берегу. Вокруг градом сыпались камни, голова гудела от пронзительных криков. Вим вслушивался в эти звуки, пытаясь уловить хотя бы зачатки речи. Но разобрать отдельные слова за общим гвалтом не получалось.

— Вперед! — крикнула Белка, подняв руку.

Высоко над рекой раскачивался подвесной мост. Древняя полуразвалившаяся конструкция, крепившаяся на провисших стальных тросах. Практически все ступени либо были сломаны, либо отсутствовали. Но это не мешало бандерлогам — они облепили мост как мухи. Свисали с него гроздьями, цепляясь за тросы и друг дружку. Мост мотало, как огромные качели, повисшие над бездной.

Вим вздрогнул. Стальные тросы? В каменном веке?!

— Они будут прыгать, — выкрикнула Белка. — С этой штуки на плот.

— Вижу... — процедил Вим.

Если бандерлоги окажутся на плоту — песенка спета. У него даже настоящего оружия нет: нож да походный топор. Да и смысл в оружии, когда столько врагов? Тут и пулемета будет мало.

— Быстрее, — крикнул Вим. — Мой рюкзак!

— Что?

— Сумку с вещами! Она в шалаше.

Вим потянул рулевой шест. Ему удалось вывести плот к середине реки, но толку от этого было немного. Мост приближался. Слишком быстро.

Белка приволокла рюкзак.

— Хватайся за руль, — сказал Вим.

Подняв рюкзак, он вывалил содержимое на палубу. Тряпки, бинокль, консервы, пара книг. Должно же быть хоть что-то нужное! Пальцы сомкнулись на гильзе сигнального фальшфейера.

Вим выпрямился, сжимая в руке длинную картонную шашку. Конечно, никакого не оружие, но попытаться стоило. Плот неумолимо несло к мосту, оставались считанные метры.

— Держи руль! — крикнул Вим. — Не отпускай, что бы ни случилось!

Белка нервно кивнула. Легко сказать — «держи руль». Девчонка на нем практически висела. Если плот хорошенько тряхнет, ее вышвырнет за борт, как из катапульты.

Вим дернул шнурок запального устройства. Раздался хлопок, и из шашки брызнула струя красного пламени, на мгновение ослепив. Вим высоко поднял фальшфейер и замахал; повалили клубы густого ярко-оранжевого дыма.

Бандерлоги заверещали. От их визга кровь стыла в жилах. Сквозь дым Вим увидел, как заметались существа на мосту и на стенах ущелья. Они разбегались точно тараканы от света. Ползли друг по дружке, спеша спрятаться в пещерах и норах; кто-то сорвался и упал в реку. Вим сильнее замахал фальшфейером.

— Ага! Струсили!

Он глянул на Белку. Глаза у девчонки были на пол-лица. Но она продолжала крепко держать рулевой шест. Следом за плотом по воде стелился яркий дымный шлейф.

Мост скрипел, раскачиваемый разбегающимися бандерлогами. Ну же! Вим сжался. Еще немного... Древние опоры не выдержали. Один из тросов лопнул со звонким гулом; с громкими воплями бандерлоги посыпались в реку. Но плот успел проскочить. Вим победно закричал, размахивая факелом.

Справа послышался плеск. Один из бандерлогов упал рядом — в два гребка он оказался у плота и вцепился в бревно. На морде существа застыло испуганно-изумленное выражение. Белка взвизгнула и пихнула его ногой. Бандерлог тут же вцепился в нее длинными кривыми пальцами.

Белка задержалась. Существо было хоть и маленьким, но очень сильным — девочка никак не могла его сбросить. Бандерлог повернулся к Виму и, тараща глаза, спросил:

— Мясо?

— Пошел прочь! — Вим ткнул в морду существа фальшфейером.

Бандерлог завизжал и отпустил ногу девочки. Он забарахтался, а спустя секунду его голова скрылась под водой. Больше никто забраться на плот не пытался. Остальные бандерлоги спешили укрыться в пещерах.

Лицо Белки блестело от воды, руки дрожали. Но она изо всех сил сжимала рулевой шест. Молодец девочка! Хоть и перепугалась до полусмерти, а не отступила!

— Прорвались! — радостно сказал Вим. — Мы сделали это!

Он далеко отшвырнул догорающую шашку. Крики бандерлогов стихли, остался только мерный рокот воды.

— Можешь отпустить шест, — сказал Вим. — Передохни...

Присев на корточки, он принялся складывать вещи обратно в рюкзак. Его и самого трясло, но он старался не показывать вида. Вим улыбнулся Белке — нервно и немного фальшиво. Девочка продолжала стоять, вцепившись в руль. Намокшие косички прилипли к щекам.

— Все в порядке, — сказал Вим. — Мы проскочили. Теперь бояться нечего.

— Шум! — крикнула Белка. — Река!

— Что?

— Река кончилась!

Вим успел лишь вскочить на ноги. А мгновение спустя плот нырнул в белое облако водяной пыли на краю водопада.

ГЛАВА 11

В ТРОСТНИКЕ

Каное скользило вдоль берега, с шорохом раздвигая стебли тростника. Лодка — узкая и длинная — была выдолблена из белого ствола ясеня и украшена резной фигурой в виде головы лебедя на длинной изогнутой шее. Фигура была вырезана столь искусно, что казалось — сквозь тростник, в самом деле, плывет огромная белая птица.

На корме лодки устроился высокий светловолосый парень. Изредка он делал один-два сильных гребка коротким веслом, направляя каное в нужную сторону, но в основном сидел неподвижно, насупившись, как филин. На широком добродушном лице застыло недовольное выражение, словно парня кто-то обидел. Его звали Кирк, он был сыном Одноглазого Кеттила, вождя племени навси — людей Большого Озера.

Солнце только показалось из-за горизонта. Было холодно. Утренний туман повис над озером, будто толстое покрывало из гусяного пуха. Высокие стебли тростника блестели от капелек росы; когда лодка проплывала мимо, они осыпались с неслышным звоном. Кирк ежился. Он терпеть не мог холода, а сейчас продрог до костей, несмотря на теплую накидку из бобрового меха. Потому и злился — в первую очередь на свою сестру Аску, по чьей прихоти в столь ранний час он оказался вдали от дома и теплого очага.

Сама Аска сидела на носу лодки, обхватив руками острые плечи. Высокая и светловолосая, как брат, с красивым тонким лицом и огромными синими глазами. Девушка тоже мерзла, на щеках алел румянец; но всеми силами она делала вид, что это не так,

и широко улыбалась, оглядываясь по сторонам. На коленях у нее лежал серп, сделанный из оленьего рога и кремневых пластин. Изредка девушка протягивала руку и дотрагивалась до стеблей тростника, но всякий раз отрицательно качала головой. В ответ Кирк возмущенно фыркал. Досталась же сестра-привереда! Для него весь тростник выглядел одинаково.

Хрипло гогоча, из зарослей поднялась стая краснощеких казак. Задрав голову, Кирк проводил птиц взглядом. Эх, ему бы сейчас дротик... Он взмахнул рукой, словно метнул оружие. Каноэ сильно закачалось.

— Эй! — воскликнула Аска, хватаясь за борта лодки. — Держи ровнее! Я не собираюсь купаться.

Кирк посмотрел на сестру.

— Мы еще долго будем плавать? Я есть хочу.

— Ты всегда хочешь есть, — беззлобно ответила Аска. — А плавать будем, пока не найдем нужный тростник.

— Значит, до вечера? — буркнул Кирк. — Этот тебе чем не угодил?

Он ударил веслом по стеблям справа. В лицо брызнули мелкие и колючие капли.

— Слишком жесткий, — сказала Аска. — Плести из него — только пальцы резать. А спать на такой циновке никто не будет.

— Всем годится, а ей нет! — проворчал Кирк, рукавом вытирая лицо. — Нечего мне сказки рассказывать, не маленький. Это из-за Паучихи. Она тебе что-то наплела, вот ты и шаришься по тростнику который день.

Аска обиженно поджала губы.

— Я ж тебя насквозь вижу, — сказал Кирк. — Ходишь по дому, будто и нет тебя там, что спросишь — не слышишь. А чуть что — сразу в лодку. Ну, что она тебе нашептала?

Аска не ответила. Перегнувшись через борт, она схватилась за высокие светло-зеленые стебли.

— Вот эти будут в самый раз.

Девушка взмахнула серпом и швырнула пучок тростника на дно каноэ. Кирк расхохотался.

— Ну-ну, — сказал он. — Они ж такие же, как эти и эти...

Он ударил по тростнику справа и слева от лодки, окатив себя и сестру дождем из капелек росы. Аска возмущенно повернулась. Лицо ее пылало.

— Знаю я, о чем девицы спрашивают Паучиху, — сказал Кирк тоном знатока. — Когда замуж пойти да за кого. У вас одно на уме.

Девушка взглянула на брата так, будто собралась устроить ему хорошую взбучку. Но, к счастью, они уже вышли из того возраста, когда все вопросы можно решить в потасовке. Чем Кирк беззастенчиво пользовался — раньше он бы трижды подумал, прежде чем задирать сестру. Ударить ее он не мог, даже когда они были маленькими, и из детских драк она всегда выходила победительницей. Потому и выросла самоуверенной и гордой.

— Значит, замуж собралась? — продолжал ухмыляться Кирк. — И за кого? Небось за Лорхи? Видел я, как он на тебя смотрит.

— Лорхи — болван, — огрызнулась Аска. — И глаз у него косой, а лицо как у водяной крысы.

— Ну, косой глаз — это не беда, — сказал Кирк. — А вот охотник он плохой. На охоте последним стоит и все спрятаться норовит. Иди лучше за Туа — вот охотник храбрый и сильный. Крепкие дети будут.

— Еще чего! — возмутилась Аска. — Туа старый, и зубы у него — гнилые пеньки.

Кирк усмехнулся — выдумала причину! Поди пойми, что нужно этим женщинам.

— И кто же тогда? Паки? Минк? Что сказала Паучиха?

Не ответив, Аска срезала еще один пучок тростника и бросила в лодку.

— А! — протянул Кирк. — Дай-ка угадаю. Она сказала: собери тростник и сплети мягкую циновку. Постели ее в особом месте — кто первым ступит, тот и станет твоим мужем?

Аска с силой взмахнула серпом.

— Она сказала — ищи в тростнике.

Девушка опустила взгляд. Но тут же вскинула голову; глаза ее сверкали.

— Только попробуй рассказать Лорхи или Туа. Руками вырву твой болтливый язык и тебе же и скормлю.

Кирк отпрянул. Он слишком хорошо знал сестру — не язык, но волосы повывергивает. Связываться — себе дороже.

— В тростнике! Совсем из ума выжила Паучиха. Кого найдешь в тростнике этом...

— Хозяйка Пауков — мудрая женщина, — сказала Аска. — Один ее глаз видит, что было, другой — что будет. Раз она сказала искать в тростнике, значит, так и надо.

Кирк вгляделся в воду. Неожиданно он резко опустил руку, подняв тучу брызг; Аска едва не свалилась за борт. Она развернулась, собираясь высказать, что думает о брате. Кирк широко ухмылялся; в кулаке он держал толстую коричневую лягушку.

— Держи, — сказал он, протягивая добычу сестре. — Он будет тебе хорошим мужем.

Лягушка вяло дергала длинными лапами. Аска аж задохнулась от возмущения.

— Ты...

— А что? — сказал Кирк. — Мы нашли его в тростнике? Все как сказала Паучиха... Возьмешь его в дом, будешь заботиться о нем, кормить из своей миски, и будет он спать в твоей постели... У вас будут хорошие дети — блестящие черные головастики.

Лягушка хрипло квакнула. Кирк расхохотался. Аска сидела красная, как спелые ягоды брусники. Кирк бросил лягушку обратно в воду.

— Ты, наверное, не поняла Паучиху, — сказал он, вытирая слезы. — Может, она говорила о человеке в накидке из тростника? Или дождись конца лета. Когда гуси летят на юг, они останавливаются на озере. Все охотники будут ждать их в тростнике — выбирай любого.

— Хозяйка Пауков сказала, что я найду его до новой луны, — сказала Аска.

— Это же завтра!

— Я знаю, — сказала Аска. — Плыви туда...

Девушка указала рукой направление. Проклиная Паучиху, Кирк взмахнул веслом. И что теперь? До ночи плавать по тростнику

в поисках незнамо чего? И за что ему досталась сестра — упрямая идиотка? Аска смотрела вперед и к брату даже не поворачивалась. Обиделась... Теперь еще дня три будет дуться.

— Да не злись ты, — дружелюбно сказал Кирк. — Лучше поплыли домой. Перекусим и вернемся — на сытый живот искать мужей куда веселее.

Аска подняла руку.

— Там что-то есть.

Девушка привстала, держась за фигуру на носу лодки. Кирк вытянул шею, но так и не понял, что же заметила сестра.

— Тебе показалось, — сказал Кирк. — Духи озера сыграли с тобой шутку.

— Плыви туда, — сказала Аска тоном, не терпящим возражений.

— А не боишься? — спросил Кирк. — Говорят, в тростнике живет чудовище. Оно разрывает людей на части — на маленькие-маленькие кусочки...

Аска смерила его взглядом.

— Сказки это, нет там чудовища. Или ты сам испугался?

Девушка прищурилась.

— Еще чего, — буркнул Кирк, опуская весло в воду.

Лодка скользнула в сторону густых зарослей. Тростник зашумел, что-то нашептывая. В истории о чудовище Кирк, конечно, не верил. Аска права — это сказки, детишек пугать. Но, слушая сухой шепот, тихий плеск воды о борта каноэ, парень чувствовал себя неуютно.

Аска продолжала стоять, обнимая лебединую шею. Неожиданно девушка привстала на цыпочки.

— Это он... — прошептала она.

— Где? — Кирк отложил весло и прошел вперед, держась за борта.

Он уставился на колышущиеся заросли и наконец разглядел темное влажное бревно, запутавшееся среди длинных стеблей.

— И это твой будущий муж? — Кирк хихикнул. — Это бревно? Лучше бы ты взяла в мужья лягушку...

— Дальше, на берегу, — сказала Аска.

Она схватилась за пучок тростника и подтянула лодку вперед. Каноэ зарылось носом в мягкий ил. Можно было подплыть ближе, но Аска не стала дожидаться и прыгнула за борт. Загребая воду, она пошла к берегу.

Мысленно проклиная сестру, Кирк выбрался из лодки. Ничего, он еще поквитается с ней и за мокрые ноги, и за это утро... Подкрадется сзади и выльет на нее целый бурдюк воды. И с Паучихой тоже поквитается. Как именно, Кирк еще не решил — по правде говоря, старуху он побаивался и давно не появлялся на ее острове.

Кирк посмотрел на сестру. Аска стояла на берегу, а у ее ног... Кирк аж присвистнул. Девушке не померещилось, и ее не морочили духи озера. Там и в самом деле лежал человек. Тело укрыли тростником и мхом, потому Кирк его не заметил. И как Аска смогла его углядеть?

— Это еще кто? — Кирк подошел ближе.

— Не знаю...

Человек не шевелился. Аска коснулась его плеча.

Верещающий визг резанул по ушам. Что-то темное выскочило из зарослей тростника и ударило Аску в спину, оттолкнув от тела. Девушка не удержалась на ногах и покатила по земле, а кто-то навалился на нее сверху.

От неожиданности Кирк отступил на шаг и сел прямо в воду. В голове сверкнула молния. Чудовище из тростника! Это никакие не сказки! Оно существует, и оно напало на его сестру! *На его сестру!* Если с Аской что-нибудь случится, отец с него шкуру сдерет... Кирк вскочил и, шлепая по воде, бросился на выручку.

Аска с криком молотила руками, пытаясь сбросить напавшее на нее существо. И ей удалось; девушка торопливо отползла в сторону. Чудовище перекувырнулось назад и замерло между Аской и лежащим телом. Кирк наконец смог его разглядеть.

Чудовище? Это оказалась всего лишь девочка-подросток, худая и жилистая; спутанные рыжие косички падали на острое лицо. Она сидела на корточках, одной рукой опираясь о землю. В другой руке поблескивал каменный нож; девчонка держала его

острием вниз. Кирк заметил, как дрожит от напряжения жилка у нее на шее.

— Не подходи, — прошипела девчонка. — Я знаю, как убивать оборотней.

Она взмахнула ножом, с острия сорвалась темная капля.

Аска поднялась на ноги, бледная, как зимняя луна. Она протянула ладонь — из длинного пореза текла кровь, тонкими дорожками струясь между пальцами.

Кирк выбрался на берег, на ходу доставая нож. Эта дрянь чуть не зарезала его сестру! Девчонка перекувырнулась через плечо и угрожающе взмахнула оружием.

— Кирк, стой!

Аска стояла, зажав рану рукой, и внимательно смотрела на девочку. Та ответила злым взглядом.

— Опusti нож, — сказала Аска. — Она не враг. Она только защищалась.

— Что? — изумился Кирк. — Да она чуть тебя не убила! Она...

— Убери нож!

Кирк опустил руку. Но мышцы оставались напряженными — он был готов прыгнуть наперерез девчонке.

— Не бойся, — сказала Аска девочке. — Мы... Мы не желаем тебе зла.

— Ты не оборотень, — сказала девчонка. — У оборотней нет крови.

Она провела пальцем вдоль лезвия ножа, на руке остались красные пятна.

— Не оборотень, — подтвердила Аска. — Я человек, меня зовут Аска.

Она коснулась груди.

— А это Кирк, мой брат. Он тоже человек.

— Ты кайя? — спросила девчонка. — Ты говоришь на языке людей-кайя. Из какого ты рода?

Аска немного растерялась.

— Кайя? Это твое племя? Я не кайя... Мы навси, мы живем на озере. А как тебя зовут, девочка-кайя?

Девчонка откинула косички с лица.

— Можешь звать меня — Белка.

— А его? — Аска, указала на тело за спиной девочки. — Какое его имя? Он тоже из твоего племени?

Кирк не сдержался и прыснул. Аска наградила его взглядом, от которого человек менее привычный мог бы и сгореть на месте.

— Нет, — сказала Белка. — Он из множества племен, и у него много имен. Обычно он называет себя Вим.

По лицу Аски тенью скользнуло замешательство. Но она не сдавалась.

— А он... Он жив?

Девчонка склонила голову.

— Жив. Он спит... Сейчас ему надо спать. Он заглянул в мир мертвых, но я вывела его оттуда.

— В мир мертвых! — Аска прикрыла рот тыльной стороной ладони.

— Откуда вы пришли? — напомнил о себе Кирк. — И где ваше племя?

Плечи Белки опустились.

— Мы плыли по реке, — проговорила она тихо. — А потом река кончилась... Вода ревела и падала с неба.

Брат с сестрой переглянулись.

— Она говорит про водопад! Но он же на другой стороне озера!

Кирк всмотрелся в серую дымку у горизонта. Отсюда водопада не разглядеть, но Кирк все равно поежился, представив стену воды, низвергающуюся среди многочисленных радуг. Девчонка говорит, они плыли по реке... Но там же ничего нет! Там край мира, где небо упирается в землю.

— Мы приплыли сюда, — сказала Белка, взглянув на Кирка из-под длинной челки. — Плот развалился, но я схватилась за бревно и держалась.

— А он? — подала голос Аска.

— Я держала и его. Духи воды сломали ему руку и забрались в живот. Я много дней сражалась с ними...

Она уставилась под ноги и тихо добавила:

— А Вурл ушел. Мать-Аэйла забрала его к себе.

Аска шагнула к девочке.

— Много дней, — прошептала она. — Ты лечила его много дней. Ты умеешь лечить раны, как Паучиха?

— Дай руку. — Белка криво улыбнулась. — Если не боишься.

Аска решительно протянула девочке ладонь. Белка вытерла рот и взяла девушку за пальцы, прикрыв глаза. Некоторое время ничего не происходило, а затем... У Кирка упала челюсть. Он слышал про такое, но самому видеть не доводилось. Когда к Паучихе приносили больных или раненых, их просто оставляли под деревом; никому не позволялось смотреть, что она делает. А сейчас... Порез на руке Аски затягивался на глазах. Несколько ударов сердца, и раны словно и не было. Белка отвернулась и сплюнула на землю несколько черных камешков.

— Духи ножа, — сказала Белка, отпуская руку Аски. — Они пробрались в рану, но я их выгнала.

Аска завороченно кивнула, рассматривая свою ладонь. От пореза не осталось даже шрама. Кирк тряхнул головой. Духи ножа? Ему показалось, что Белка сама положила в рот эти камешки. Но, так или иначе, она исцелила его сестру...

Человек за спиной Белки застонал. Аска тут же шагнула к нему. Он слегка приподнялся и уставился на девушку мутным взором.

— Я умер? — проговорил он. — И за мной явилась валькирия?.. Однако я представлял их с более пышными формами... Ну да ладно, такая больше в моем вкусе...

— О чем он говорит? — Аска удивленно посмотрела на Белку.

Девчонка пожала плечами.

— Не знаю. Он все время что-то говорит, но я не понимаю и половины.

Глаза Вима вновь закрылись. Дыхание стало прерывистым.

— Кирк, — сказала Аска. — Отнеси его в лодку.

— Я?

— А кто еще? — сердито ответила сестра.

Кирк не ответил и лишь громко засопел.

— В лодку? — спросила Белка. — Зачем?

— Мы отвезем вас в Длинный Дом навси, — сказала Аска. — Там есть огонь, и там вас накормят.

Присев на корточки перед Вимом, она коснулась ладонью его лба. И тут же одернула руку, точно обожглась.

— До новой луны, — проговорила она.

Кирк покачал головой. Вот уж не думал... Обычно в предсказаниях Паучихи голову ломаешь, пока поймешь, о чем она говорила на самом деле.

Он подошел к Виму и легко поднял на руки. Вот чем сестру не устраивал Туа? Высокий, сильный охотник, а здесь... Даже Лорхи и тот выглядел крепче этого парня. Кое-кто в Длинном Доме совсем не обрадуется этим гостям.

— Длинный дом? — спросила Белка. — А что такое «длинный дом»?

ГЛАВА 12

ДЛИННЫЙ ДОМ

— Это — Длинный Дом, — сказала Аска, поднимая руку. — Здесь и живут навси.

Белка приподнялась, цепляясь за борта каноэ. Лодка скользила быстро и плавно, острый нос резал темную воду. Белка почти не ощущала движения. Вот плот Вима качало будь здоров... Вспомнив причину той качки, девочка прикусила губу.

Вурл, большой и сильный друг, ее защитник, — что с ним случилось? Когда Белка вынырнула, она сразу увидела Вима. Но медведь исчез, и Белка не знала, утонул ли он, разбился о камни, или же ему удалось спастись. Позже, когда Белка выбралась на берег, она искала медведя с помощью фигурки Хранителя рода, но ничего не получилось. Видимо, Мать-Аэйла в самом деле забрала его к себе.

Солнце и ветер окончательно развеяли утренний туман. Поверхность озера сверкала ярко-желтыми бликами. Оно было огромным; Белка видела один берег, но как ни старалась, так и не смогла разглядеть противоположный. Горизонт таял в сизой дымке.

Длинный Дом стоял на толстых сваях шагах в двадцати от берега. Он совсем не походил на маленькие полукруглые хижины-шалаша кайя. Длинной не менее пятидесяти шагов; настолько высокий, что человек мог бы стоять там в полный рост и не дотянулся бы до потолка. Дом был построен из тяжелых бревен, крышу устилали сырые пучки тростника. Снаружи на стенах висели

многочисленные черепа оленей — Длинный Дом ошетинился острыми ветвистыми рогами. Правда, грозный вид портили развешенные повсюду связки сушеной рыбы.

Перед домом покачивались на волнах с десятков каноэ-лебедей. По широкому помосту расхаживали люди. Несколько женщин, сидя на корточках, что-то плели из тростника. Крепкий рыжебородый мужчина обтесывал наконечник для копья; он то и дело поднимал руку, любуясь своей работой на солнце.

Из дыр в крыше поднимались тонкие струйки серого дыма. Белка почувствовала его запах и напряглась. Ноздри затрепетали. Дым... Теплый, уютный запах человеческого жилища. Как давно она его не слышала! Запах нес обещание отдыха и крепкого сна, тепла и сытной еды; надежду на то, что худшее уже позади... Дым походного костра пахнет совсем иначе.

Кто-то заметил их лодку и замахал руками. Кирк махнул в ответ. Каноэ качнулось, будто лебедь раскланивался перед Длинным Домом.

— Надеюсь, еда у них готова, — пробурчал Кирк, берясь за весло. — Уже живот сводит.

— Только о животе и думаешь, — фыркнула Аска.

— Не только. — Кирк потряхнул головой. — Еще я думаю о том, что скажет отец, когда ты покажешь ему своего... Хм, ну этого.

Он кивком указал на Вима. Аска не ответила, но во взгляде промелькнуло беспокойство. Вим спал, Аска держала его голову на коленях.

Странная она какая-то, эта девушка-навси. На вид — всего на несколько лет старше Белки и немногим выше. У нее были красивые волосы: прямые, длиной до пояса и цветом как самые яркие блики на воде. И глаза — небесно-синего цвета. Белке она нравилась. Но то, как она смотрела на Вима... Белку это злило, хотя она не понимала почему.

— Эй! — послышался окрик со стороны Длинного Дома. — Где вы были? И кого еще с собой привезли?

Кричал рыжебородый мужчина, делавший наконечник копья. Каноэ подплыло достаточно близко, и Белка смогла разглядеть

его лицо. Один глаз у рыжебородого был выпученным, словно в глазницу пытались вставить яйцо, но не довели работу до конца; другой, наоборот, оказался маленьким, будто мужчина не мог раскрыть веко. Все это придавало лицу выражение злое, как у огрызающейся водяной крысы.

— Не поверишь, Лорхи, — крикнул Кирк и добавил гораздо тише: — И не обрадуешься...

Легким гребком он направил каноэ к сваям. Там их уже ждали — на деревянном помосте стояло с десятков мужчин и женщин. На лебединую шею набросили длинную петлю и крепко привязали лодку. Двое мужчин помогли Кирку вытащить Вима из каноэ. Его осторожно положили на бревна помоста. Аска быстро вылезла из лодки и встала рядом. Остальные навси отступили, озадаченно смотря на Вима и выбравшуюся следом Белку.

— Кто это? — спросила какая-то женщина.

— Ну... — начал Кирк, но Аска его перебила:

— Мы встретили их в тростнике. Их необходимо накормить и дать отдохнуть. Они проделали большой путь.

— Но кто это? — повторил вопрос рыжебородый Лорхи, пальцем проверяя, насколько острым получился наконечник копья.

Аска смерила его взглядом.

— Они из другого племени. И они наши гости.

— Минк, — деловито сказал Кирк. — Помоги-ка мне. Отнесем парня в дом... Освободите место у очага. Где Туа?

— Они с Паки с утра ушли на охоту, — ответили ему.

Кирк взял Вима под руки, другой парень — за ноги. Сопровождаемые остальными мужчинами, они направились к входу в дом, о чем-то переговариваясь. Аска смотрела им вслед.

Белка стояла на краю помоста, не решаясь подойти ближе. Под любопытными взглядами женщин-навси она чувствовала себя неловко. В поисках поддержки она дотронулась до фигурки Хранителя рода. Где-то в отдалении услышала голоса животных или птиц — она не поняла, кого именно. Образы сливались друг с другом, и настроиться на них не получалось. Белка разжала пальцы.

— Пойдем, — сказала Аска, беря Белку за локоть. — Я покажу тебе дом. Там женская половина...

Не успела Белка опомниться, как уже сидела перед круглым очагом, сложенным из плоских камней. Худая старуха с красным лицом кормила огонь сухими ветками. Белка подняла руки, и жар домашнего очага защищал кожу. Девочка потянулась, наслаждаясь волнами тепла. Старуха улыбнулась беззубым ртом.

В Длинном Доме царил полумрак. Солнечный свет пробирался в щели между бревнами; в широких желтых полосах кружились крошечные пылинки. Женщины расхаживали среди них, то исчезая в тени, то вновь появляясь, точно деловитые домашние привидения. В углу играли дети, круглолицая девушка баюкала младенца.

Над очагом на треноге висел кожаный мешок, в котором варилось мясо. Старуха то и дело толкала его палкой, и он начинал вращаться, источая жирные запахи еды. У Белки уже текли слюнки, в животе покалывало.

Наконец старуха сняла мешок с огня. Вылив парящую воду под ноги, старуха развязала шнурок и вывалила огромные куски дымящегося мяса. Белка наклонилась вперед, вдыхая тягучий аромат.

— Спасибо, матушка Ши, — сказала Аска.

Она положила в деревянную плошку пару особо жирных кусков. Белка с благодарностью приняла угощение. Вдохнула сытный запах мяса, а затем повернулась к девушке.

— У вас есть... ложка?

— А что это? — удивилась Аска.

— Особая палка для еды. Чтобы не обжигать пальцы.

— В твоём племени едят палками?!

— Нет. — Белка вздрогнула. — Но у меня больше нет племени.

Она взяла большой кусок мяса и тут же положила обратно; подула на пальцы.

— Нет племени? — растерялась Аска.

Старуха придвинулась ближе.

— Ты ведь кайя? — спросила она, подслеповато щурясь.

Белка кивнула. Старуха заулыбалась и затрясла головой — еще немного, и отвалится челюсть.

— Моя бабка была кайя, — сказала она. — Она рассказывала: раньше навси были кайя... Очень давно они пришли на Большое Озеро и стали здесь жить.

Протянув руку, она дотронулась до щеки Белки холодными и сухими пальцами.

— Такая юная... И одна... Куда ты идешь, девочка-кайя?

— Я иду за своим родом, — проговорила Белка.

Старуха словно все поняла и убрала руку.

— Ешь, — сказала она, ткнув в плоску узловатым пальцем. — Тебе нужны силы. Много сил.

Белка впилась в мясо зубами, по подбородку потек жирный сок. В два счета разделалась с первым куском и взяла следующий.

— Как это нет племени? — снова спросила Аска. — Тебя изгнали?

Белка резко выпрямилась.

— Нет! Люди на летающих лодках пришли в селение, забрали всех и сожгли дома.

— На летающих лодках?!

— Они похожи на птиц, — сказала Белка. — Их крылья растут из головы, они грохочут и ревут громче, чем стадо бизонов.

— Громовые птицы! — Одна из женщин прикрыла рот рукой.

— Вы их видели? Куда они улетели?

— Нет, мы не видели. — Аска показала на старуху. — Матушка Ши рассказывала.

Та поскребла подбородок.

— Давно, когда не было Длинного Дома и навси жили на берегу, громовые птицы прилетали в селение. Они сожгли дома и унесли людей. Остались лишь те, кого духи спрятали в тростнике. А потом пришел Одноглазый Кеттил и построил Длинный Дом. Так навси стали жить на воде.

— А птицы больше не возвращались?

Старуха покачала головой.

— Где же их искать? — Белка оглядела женщин. Никто ей не ответил.

Девочка уставилась в миску. Теперь, когда река кончилась, Белка не знала, куда ей идти. И как она теперь найдет свое племя?

— Хозяйка Пауков знает, — сказала матушка Ши, разглядывая собственные руки.

— Кто знает? — переспросила Белка.

— Хозяйка Пауков, — сказала Аска шепотом. — Она знает и прошлое, и будущее. Она тебе поможет.

— И где искать эту... *Хозяйку Пауков*?

Пауков... Белка могла расцарапать лицо любому, кто назовет ее трусихой, но при мысли о пауках ее спина и руки покрывались мурашками. Маленькие, мохнатые, многоногие существа — что в них страшного? Но Белка предпочла бы выйти с ножом против саблезубой кошки, чем дотронуться до паука.

— На Паучьем Дереве, — сказала Аска. — Надо плыть на каноэ. Я отвезу тебя — потом, когда ты отдохнешь.

Снаружи послышался свист. Аска вышла из дома, но вскоре вернулась.

— Пойдем, — сказала она, беря Белку за руку. — Отец хочет тебя видеть.

— Отец?

— Одноглазый Кеттил, — сказала Аска. — Он вождь навси.

— А где Вим? — спросила Белка, шагая следом за Аской.

— В мужской части Дома, — сказала девушка. — Не волнуйся, о нем позаботятся. Он еще спит. А когда проснется — его накормят...

Аска прикусила губу, а затем добавила:

— Пусть попробуют сделать что-то не так.

Навстречу вышел рыжебородый Лорхи. Остановился, перегородив дорогу.

— Это и есть девчонка, исцеляющая раны? — спросил он, наклоняясь к Белке.

Смотреть на него было тяжело. Выпученный глаз постоянно двигался, второго — не видать. Лорхи глядел куда угодно, только не на собеседника.

— Моему брату надо научиться держать язык за зубами, — мрачно сказала Аска.

— Постой, — сказал Лорхи, поднимая руку. — Я порезал палец, может, она его вылечит? Ой, как больно!

— Отойди, — нахмурилась Аска. — Твой палец сам заживет. А мы идем к отцу. Он хочет ее видеть, и ждать он не любит.

Лорхи криво усмехнулся и отошел на полшага. Но стоило Аске подойти ближе, он схватил ее за руку.

— погоди, — сказал он. — У меня есть для тебя подарок.

Он вытащил небольшой продолговатый предмет. Блестящие наклейки сверкнули на солнце.

— Смотри, какая красивая вещь! А еще смотри, как она умеет...

Он поднес предмет к губам и дунул. Послышался дребезжащий звук. Это оказалась музыкальная коробочка, на которой Вим играл свои странные песни.

— Нравится?

Аска изумленно уставилась на музыкальную коробочку. Лорхи снова подул в нее, лицо аж покраснелось от усердия. Противный звук совсем не походил на песни Вима — должно быть, коробочка была заколдована и подчинялась лишь одному владельцу. Аска протянула руку, но Лорхи убрал коробочку за спину.

— Я тебе ее подарю, — сказал он. — Но взамен...

— Это вещь Вима, — сказала Белка.

— Что? — сказал Лорхи, поворачиваясь.

Их глаза встретились. Белка уже сталкивалась с подобными взглядами — злыми, жестокими и жадными. Точно так же смотрел на нее Тойк, когда хотел отнять у нее рыбу.

— Это вещь Вима, — повторила Белка. Рука потянулась к ножу.

Аска выхватила музыкальную коробочку и отскочила назад. Лорхи уставился на свою руку, перевел взгляд на девушку...

— Ах ты, дрянь! — зашипела Аска. — Уйди сейчас же, или...

Щеки девушки пылали, она сжала кулаки. Лорхи попятился. Кадык на тонкой шее ходил ходуном.

— Ты еще... — не договорив, он улизнул в дом.

— Дрянь, — процедила Аска, словно сплюнула слово под ноги.

Из двери выглянул Кирк.

— Аска, отец ждет. А он...

Девушка схватила его за одежду и дернула. Кирк даже не сопротивлялся и лишь изумленно таращился на сестру.

— Что ты разболтал?

— Я?! Я ничего...

— Беги к Виму, — проговорила Аска. — И сиди рядом. Ни на шаг, понял?

— Да ты чего? — Кирк отступил, поправляя одежду.

— Если с ним что-нибудь случится, — продолжила Аска, — я с тебя заживо сдеру кожу... Я вырежу твой болтливый язык и...

Девушка шумно выдохнула.

— Да успокойся, — сказал Кирк. — Ничего с твоим будущим мужем не случится.

— Ты еще здесь?

Кирк хотел что-то сказать, но махнул рукой и ушел, бормоча про «сестру-идиотку».

— С будущим мужем? — переспросила Белка. — Но...

— Пойдем, — сказала Аска, смотря в спину брату. — Отец ждет. Нельзя заставлять его ждать.

Они вошли в длинный и просторный зал. На стенах, как и снаружи, висели олени череп. Множество черепов... Белка посмотрела на пустые глазницы, и ей стало не по себе. Пол устлали мягкие шкуры, и шагов было не слышно. Но Белка все равно ступала как можно осторожнее. Тишина казалась живой и плотной. Даже звуки снаружи не осмеливались сюда проникать. Огонь в большом очаге еле теплился; красные угли то вспыхивали, то снова гасли.

— Это главный зал, — сказала Аска. — Здесь собираются все навси. Тут мы пируем после удачной охоты...

Девушка говорила негромко, но в тишине зала голос прозвучал подобно удару грома. Собираются все навси? Кроме них в зале никого не было. Хотя... Белка прищурилась.

В тени у дальней стены стоял помост, укрытый мохнатыми черными шкурами. Медвежьими... Белка поежилась: кайя

не убивали медведей, а уж сдирать с них шкуры и нести в жилище было и вовсе невыносимо. Следуя за Аской, Белка подошла ближе.

На помосте сидел старик. Седой как лунь и такой худой, что лицо походило на череп, обтянутый блестящей желтой кожей. Длинная борода свисала ниже пояса, морщинистые руки покрывали старческие пятна. Глаза старика были прикрыты, словно он спал, хотя губы его двигались. Он что-то шептал, но Белка не слышала ни звука.

Старик кутался в тяжелую медвежью шкуру, на голове красовалась коническая шапка, украшенная рогами тура. Одной ногой он опирался на череп неизвестного Белке животного. Не меньше черепа мамонта и с огромными острыми зубами хищника.

Аска подтолкнула ее в спину.

— Не бойся, — прошептала она. — Он тебя не обидит. Это Кеттил, мой отец.

— Аска, — услышался голос, похожий на скрип старого дерева. — Ты привела чужую девочку?

— Да, отец...

Кеттил поднял голову.

— Подойди ближе, дитя, — проскрипел он. — Я хочу на тебя взглянуть.

Собравшись с силами, Белка шагнула к старику. Один глаз Кеттила сиял пронзительно-зеленым цветом. Второй, пустой и бледно-серый, затаила мутная пелена, точно сгустившийся туман.

— Не бойся, дитя. Я тебя не трону.

— Я не боюсь. — Белка выпрямилась. — И я не дитя.

— А кто ты? — Голос звучал тихо, будто шорох осенней листвы.

— Я кайя из рода Медведя. — Белка вскинула голову.

— Хорошо... — проговорил Кеттил. — И как же тебя зовут, кайя из рода Медведя?

Белка прикусила губу. Она стояла в паре шагов от старика. Ноздри щекотал приторный, сладковатый запах.

— Ее зовут... — начала Аска, но Кеттил поднял руку, и девушка замолчала.

— У меня нет имени, — сказала Белка, опустив взгляд. — Я не прошла испытания.

Старик медленно кивнул.

— Тебя изгнали из твоего племени?

— Нет! — Голос ее дрогнул. — Громовые птицы сожгли селение кайя и забрали людей. Я шла за ними следом...

— И пришла сюда? Тяжелый путь для маленькой девочки.

Белка промолчала.

— Хорошо, — наконец проговорил Кеттил. — Ты можешь остаться с навси. Мы дадим тебе имя.

— Остаться?!

— Ты сильная девочка, раз смогла дойти сюда. У тебя будут сильные дети. А навси нужна свежая кровь.

Белка напряглась. Остаться здесь, с этими людьми? И обрести имя? И новый дом, где есть теплый огонь и еда... Она потянула себя за косичку с волосами Оолфа.

— Нет, — сказала она. — Я кайя, а не навси. Я должна найти свой род.

Кеттил уставился на нее ярко-зеленым глазом.

— Ты могла бы стать навси. Не боишься пожалеть о своем выборе?

— Нет.

— Ты сказала, — вздохнул Кеттил. — Я мог бы тебя удержать, но ты выбрала трудный путь, девочка без имени, я не хочу мешать. Можешь оставаться сколько тебе нужно, но помни — с каждым днем уйти будет все сложнее.

— Спасибо. — Белка склонила голову.

Старик вяло махнул рукой и закрыл глаза. Аска потянула Белку за рукав.

— Пойдем, — прошептала она. — Ему нужно отдохнуть.

Белка отошла от помоста. Кеттил не шелохнулся, отблески пламени дрожали на острых рогах его шапки.

— А где второй? — неожиданно спросил старик. — Кирк говорил, вы нашли двоих.

— Он еще не пришел в себя, — сказала Аска. — Как только...

— Хорошо, — сказал старик. — Он из твоего племени, девочка без имени?

Белка покачала головой.

— Нет. Я встретила его в пути. Он из разных племен.

— Из разных племен?

— Я о таких не слышала. — Белка припомнила, что же говорил Вим. — Карела, руски, дат-ча...

— *Великий Один!* Как его зовут?!

— Он называет себя Вим... Но это кратко, а целиком длиннее.

— Вим? *Вильгельм?* — Кеттил попытался подняться. Но сил не хватило, и он опустился обратно на шкуры. Плечи его тряслись. Аска бросилась к отцу, однако Кеттил взмахом остановил девушку. — Пятьдесят зим, — прошептал он. — Пятьдесят долгих зим, я ждал, когда кто-нибудь...

— Чего ты ждал, отец?

— Оставьте меня, — сказал Кеттил. — Когда *Вим* проснется, сразу приведите его ко мне. Даже посреди ночи... Я буду ждать. *Пятьдесят зим...*

По его щекам струились блестящие дорожки слез. Аска попятилась к выходу, таща за собой Белку.

— Конечно, отец, сразу, как только проснется...

Они вышли из зала.

— Никогда не видела его таким, — озадаченно сказала Аска. — Надо сказать Кирку...

Она шагнула в сторону мужской половины дома, но в этот момент раздался крик:

— Лодка!

Вдалеке Белка разглядела еще одно белое каноэ, украшенное лебединой головой. Оно неспешно приближалось, покачиваясь на волнах.

— А кто ей управляет? — спросила Белка. — Я не вижу людей.

— Что? — Аска ладонью прикрыла глаза от солнца. — Там же никого нет... Они что, упустили лодку?

Это заметили и другие. Двое мужчин-навси уже забрались в каноэ и погребли в сторону приближающейся лодки. Аска покачала головой.

— Кирк! — позвала девушка. Ее брат словно появился из воздуха.

— Ну что еще? Я слежу, как ты и сказала, глаз не спускаю.

— Отец сказал, когда Вим проснется, даже ночью...

Ее перебил дикий вопль. Один из мужчин в каноэ размахивал руками, подавая какие-то знаки.

— Что-то случилось, — проговорил Кирк. Лицо его мигом стало серьезным.

Мужчины зацепили пустое каноэ и быстро плыли обратно. Белка увидела испуганные, пепельно-серые лица.

— Что там у вас? — крикнул Кирк, но ему не ответили.

К тому времени, как каноэ добрались, на причале собрались, наверное, все навси, которые были в Длинном Доме. Вышла даже матушка Ши, едва передвигая ноги. Все молчали.

Белка оказалась в первом ряду и потому сразу увидела, что же лежало в каноэ. Девочку чуть не вывернуло наизнанку. Ноги подкосились. Так не бывает...

На дне лодки в глубокой темной луже плавали кровавые ошметки, в которых с трудом угадывалось человеческое тело.

— Это Туа... — прошептал за спиной Кирк. — Его одежда...

Белка сглотнула.

— А где его голова?

Никто не ответил.

ГЛАВА 13

ХОЗЯЙКА ПАУКОВ

Багряные языки пламени плясали, отражаясь в темной воде. Объятое огнем каноэ покачивалось посреди озера. Над водой стелился черный дым; из густых клубов то и дело появлялась голова лебедя — резная фигура раскланивалась на прощание. Белое дерево почернело, но в деревянных глазницах горели яростные огни.

— Духи огня, воды и ветра! — завывала матушка Ши. — Примите тело храброго и сильного охотника. Возьмите его дух за руки и отведите в земли предков. Пусть путь его будет легким, пусть чудовища бегут, завидев его, пусть злые тени не собьют его с дороги...

Старуха заколотила по бубну. Обнаженная по пояс, с телом, покрытым черной сажей и красной охрой, матушка Ши стояла на краю пристани. За ее спиной собрались остальные навси, не спуская глаз с горящей лодки. Женщины тихо скулили и подвывали погребальной песне. Мужчины стояли молча. Но и в их глазах Белка заметила растерянность и страх. Кирк сжимал кулаки, рядом переступал с ноги на ногу Лорхи, то и дело оглядываясь. Словно боялся, что убийца Туа мог объявиться здесь и сейчас.

— Туа, храбрый охотник, — продолжала петь старуха. — Мы даем тебе надежную лодку, даем острый нож и крепкое копье. Прими наши дары...

Каноэ завалилось набок. Лебединая шея переломилась и с плеском упала в воду — вместе с дымом взметнулось облако пара.

Матушка Ши заголосила еще громче; ее вой и глухие, неритмичные удары бубна напомнили Белке о криках пещерных людей в ущелье. Девочка обхватила руками плечи. Если б не Вим,

сейчас бы она и сама превратилась в кусок окровавленного мяса. А может, не осталось бы и этого — лишь горстка обглоданных костей на камнях, да отрубленная голова, раскачивающаяся на бивне мамонта.

Белка вспомнила чудовищные ворота из мертвых голов. Пустые глазницы, ворон и перестук черепов. Мертвый охотник-навси тоже был без головы... Неужели за его смертью стоят мохнатые карлики из ущелья? Белка наивно полагала, что пещерные люди остались позади, за границей водопада. Но ущелье не так уж далеко от озера... Карлики могли наведываться в эти земли. Или, что хуже, могли прийти сюда следом за Белкой и Вимом. Настоящий охотник никогда не упускает добычу. Волки способны по несколько дней преследовать стадо оленей.

Нос каноэ погрузился в воду. Лодка тонула медленно; над водой поднимался дым, сквозь который пробивались языки пламени.

— Прощай, Туа, — пела матушка Ши. — До встречи в землях предков. Пусть твоя охота будет удачной, и ты убьешь еще много оленей.

Старуха последний раз ударила в бубен и без сил упала на бревенчатый настил. Двое мужчин подхватили ее под руки. Голова матушки Ши безвольно моталась.

— Принесите ей воды и мяса, — приказала Аска.

Несколько женщин поспешили в дом. Охотники бережно перенесли матушку Ши и посадили у стены. Навси молчали, дожидаясь пока старуха заговорит.

— Трудно ему будет, — голос матушки Ши дрогнул. — Он потерял голову, как же он найдет дорогу в земли предков?

Невысокая русая девушка громко вскрикнула.

— Если Туа заблудится, — хрипло проговорила старуха, — он вернется. Его дух не успокоится и будет ходить рядом, пока не найдет свою голову...

Старуха оглядела соплеменников.

— Или другую чью-нибудь еще. Может, твою?

Она указала корявым пальцем на Лорхи. Тот схватил себя за шею — он не на шутку испугался.

— Или твою? — Матушка Ши посмотрела на Кирка. — Или ее? Старуха повернулась к Аске. Девушка опустила взгляд.

— Нет, — резко сказал Кирк. — Этого не будет. Мы найдем его голову и погребем ее как положено.

К матушке Ши подошли две девушки; одна несла бурдюк с водой, другая — куски вареного мяса. Двое охотников поддерживали старуху, пока девушка ее поила. Матушка Ши пила жадными глотками. Тем временем вторая девушка откусила от мяса большой кусок, тщательно пережевала и выплюнула в ладонь серую кашицу, которую дали старухе. Старуха проглотила угощение. Тело ее в руках охотников обмякло. Откинувшись назад, матушка Ши всхрипнула.

— Отнесите ее в дом, — сказала Аска. — Положите у огня и укройте шкурами. Пусть кто-нибудь сидит рядом, пока она не проснется.

— Нет! — Матушка Ши неожиданно подняла голову. — Разведите огонь в большом зале. Я буду плакать о Туа.

Навси стали расходиться. Только Кирк стоял и смотрел на дгорающий погребальный челн. На скулах проступили желваки.

— Он был хорошим охотником, сильным и ловким, — сказал он. — Когда я был мальчишкой, Туа спас меня — вытащил из-под копыт раненого лося.

— В землях предков его ждет хорошая охота, — проговорила Аска.

— В землях предков? Ты слышала, что сказала старуха? Как он найдет дорогу в земли предков без головы?

Девушка растерянно пожала плечами.

— Я должен найти его голову. — Кирк ударил кулаком по ладони. — Отец стар... Он уже не может защитить навси от чудовищ. Пришел мой черед.

— Чудовищ?! — Аска отпрянула.

— Ты видела, что случилось с Туа. Разве такое под силу человеку? Или зверю?

Девушка замотала головой.

— Чудовища пришли на земли навси. — Кирк уставился под ноги. — Наступают дурные времена.

Он глянул на Белку, тихо стоявшую у стены. Та встретила его взгляд — тяжелый и мрачный. Привычным движением откинула косички... Кирк отвернулся.

— Дурные времена... — повторил он. Что-то промелькнуло в выражении его лица. Злая тень, которая совсем не сочеталась с его неизменно добродушной улыбкой.

— И где ты будешь искать его голову?

— Паучиха знает, — уверенно сказал Кирк. — Надо идти к ней... Она скажет, где искать. Я верну голову Туа, даже если для этого мне придется умереть.

— Не смей так говорить! — зло сказала его сестра. — Ты лучший охотник среди навси...

— Лучший? — Кирк усмехнулся. — Теперь да, теперь лучший...

Он прошелся по настилу и снова взглянул на Белку.

— Ты ведь собиралась навестить Паучиху, девочка из племени кайя? Я плыву прямо сейчас, готова плыть со мной?

Белка кивнула. Кирк принялся отвязывать одну из лодок. На лице застыло выражение мрачной решимости.

— Прямо сейчас? — изумилась Аска. — Ты собрался к Хозяйке Пауков на ночь глядя?

— Туа вернулся один, — сказал Кирк, не поднимая головы. — А уходили они вдвоем с Паки. Где Паки? Что с ним случилось? У меня нет времени ждать.

— Но... — Девушка попятилась. — Когда вы доберетесь, уже будет ночь!

— Думаешь, пауки плохо видят в темноте?

Кирк хохотнул — коротко и зло.

— Боюсь, в темноте они видят слишком хорошо.

Белка сжала кулаки — ногти больно впились в ладони. Пауки, ночью в непроглядной тьме... Неслышный шорох мохнатых лапок и липкие нити паутины... Шея покрылась испариной. Белка тряхнула головой, прогоняя наваждение. Предки не посылают испытаний, которые не под силу человеку.

Из дома донесся изумленный возглас, а следом за ним — пронзительный свист. Кирк усмехнулся.

— Как вовремя! Твой будущий муж проснулся.

— Что? — Аска выпрямилась. — Пойдем, его нужно отвести к отцу, он сказал...

— Нет. С этим ты справишься и без меня.

Кирк устроился на корме лодки. Белка стояла на краю пристани, оглядываясь в сторону мужской половины Длинного Дома. Послышался голос Вима, но слов было не разобрать.

— Так ты плывешь? — Кирк поднял весло.

Белка спрыгнула, и лебединая лодка закачалась. Кирк оттолкнулся от деревянной опоры, и каноэ заскользило прочь от Длинного Дома.

Невысокие волны бились о каменные берега маленького острова, куполом торчащего над водой. Заходящее солнце очертило его края багряным. На гладких темных камнях пестрели желтые и рыжие пятна лишайника. Другой растительности на острове не было.

Если не считать огромного дерева, раскинувшегося на вершине.

Белка заметила его издали — расщепленный молнией массивный ясень. Небесный огонь убил дерево: Белка не увидела ни единого листочка. Сухие корявые ветви походили на длинные пальцы, цепляющиеся за небо. Паутина свисала с них лохмотьями. Много паутины — ясень был оплетен ею до макушки. Легкий ветер колыхал рваные лоскуты, отчего казалось, что дерево перебирает ветвями-пальцами, само и плетет тонкие сети.

Когда они подплыли ближе, Белка увидела вырубленные в камне высокие ступени.

— Здесь?

За время плавания это были первые прозвучавшие слова. Кирк дернулся, словно не ожидал, что девочка умеет разговаривать. Держась за изогнутую лебединую шею, Белка рассматривала остров.

— Да. Здесь живет Хозяйка Пауков.

Кирк направил лодку к каменным ступеням.

— Так тихо, — сказала Белка.

Сверху, щелкая, скатился маленький камешек и упал в воду. Белка огляделась, но никого не заметила. На острове не было даже птиц — вездесущих чаек, во множестве паривших над озером. От камня тянуло холодом, хотя вечером он, наоборот, должен отдавать тепло.

— Тихо, — согласился Кирк. — А кому шуметь?

Он говорил хриплым полупшепотом. Белка пожала плечами.

— Хозяйке Пауков?

— О! Уж ей-то шуметь нет надобности.

— Она живет одна? — Белка не увидела ни хижины, ни даже простенького шалаша. Может, на другой стороне валуна?

— Почему одна? — усмехнулся Кирк. — С пауками. Ей всегда есть с кем поболтать.

Он бодрился, но по голосу было слышно, что охотник напуган. Лодка скользнула в тень острова; легким гребком Кирк направил ее к каменным ступеням. Здесь из воды торчала длинная жердь — Кирк набросил на нее причальный ремень и подтянул каноэ вплотную к берегу.

— Приплыли. Можешь вылезать. Но осторожнее — здесь глубоко.

— А какая она? — спросила Белка, продолжая сидеть в лодке.

Кирк задумался.

— Старая, — сказал он в конце концов. — Очень старая...

Он выбрался из лодки и остановился на нижней ступени каменной лестницы. Посмотрел вверх.

— Ты идешь?

Белка проследила за его взглядом. Лоскутья паутины взметнулись на ветру. А где паутина, там и пауки... Много пауков. Они плетут сети и ждут... Горло пересохло; во рту держался неприятный привкус желчи. Держась за черную жердь, Белка выбралась на берег.

Ступени оказались слишком крутыми и высокими, похоже, делали их не люди и не для людей. Белка поскальзывалась на гладких камнях, приходилось помогать себе руками. На

предпоследней ступени Белка увидела мертвую стрекозу длиной с ладонь. Сухое тельце трепыхалось на ветру, будто насекомое пыталось взлететь.

Вблизи ясеня оказался еще больше. Его макушка вонзалась прямо в небо, новорожденный месяц запутался среди ветвей и паутины. Корни же, толстые и бугристые, наверняка уходили к самому сердцу земли. В раскroившую дерево трещину могли забраться несколько человек. В разломе сгустились черные тени, будто именно отсюда ночь расползалась по миру.

Пауков Белка заметила не сразу, но, увидев, не смогла сдерживать дрожь. Маленькие, с ноготь мизинца, и такие бледные, что казались прозрачными. Но их было много — дерево кишело ими, как кишит червями кусок гнилого мяса. Они сновали по стволу и ветвям, сустились в лоскутьях паутины, нескончаемым потоком выползали из трещины. Некоторые парили в воздухе, повиснув на тонких и длинных нитях.

Паутина всколыхнулась, как от могучего вдоха. Порыв ветра подхватил нескольких пауков и швырнул навстречу гостям. Один из них приземлился Белке на ладонь. Крошечный, она его даже не почувствовала. Зато увидела. Перебирая лапками, паучок побежал от запястья к локтю. Белка вскрикнула и замахала рукой, пытаясь сбросить мерзкую тварь. Кирк схватил ее за плечо.

— Не надо, — зашептал он. — Так она на тебя смотрит...

По его волосам бегали два паучка. Белка боялась подумать, что творится у нее на голове.

— Смотрит? — Белку передернуло.

— Она — Хозяйка Пауков, — ответил Кирк. — Они — ее глаза.

Послышался шелестящий голос:

— Подойди ближе...

Белка не двинулась с места. Голос раздался из трещины в дереве, но Белка не разглядела, что скрывается в густой черноте. Но образ, который вставал перед глазами, не внушал уверенности. Паучиха... Белка представила паука, огромного, как бизон или даже мамонт; на толстых мохнатых лапах блестят кривые когти, с клыков капает черный яд... Кирк подтолкнул ее в спину.

— Ближе... — вновь зашелестел голос. — Не вижу...

Белка сделала еще шаг. Невидимый паучок пробежал по щеке. Белка чуть не прихлопнула его ладонью, но Кирк удержал руку девочки.

— Приветствуем тебя, Хозяйка, — голос охотника прозвучал хрипло.

Из трещины появилась тонкая белая рука... Обычная человеческая рука, а не мохнатая паучья лапа, которую ожидала увидеть Белка.

— А! Это ты, Рататоск, — проговорила Хозяйка Пауков. — Долго ты добиралась.

Она выбралась наружу. Хватаясь за выступы коры, ловко проползла вверх по стволу и устроилась на толстой ветке. Белка установилась на нее во все глаза.

Очень старая? Белка решила, что перед ней ребенок. Маленькая девочка с длинными светлыми кудряшками, не старше пяти зим от роду. Если не считать прилипшей к телу паутины, одежды на ней не было. Хрупкое тельце, руки-ноги — как тоненькие веточки, на боках выпирают ребра... И только потом Белка поняла, что ошиблась.

У девочки оказалось лицо древней старухи, грубое, сухое и морщинистое. На крючковатом носу красовалась большая бородавка. Глаза глубоко ввалились и были пустыми и белыми, как свежесвыпавший снег. От того, как древнее лицо смотрелось на юном теле, мороз пробирал по коже. По телу бегали пауки, но девочка-старуха не обращала на них внимания. Пустой взгляд устремлен далеко, поверх голов Белки и Кирка.

— Прости, что нарушили твоё уединение, — начал Кирк.

Хозяйка Пауков рассмеялась.

— Давненько я тебя не видела, Кирк, сын Кеттила. С тех пор, как бежал отсюда, обмочив штаны. А тогда светило солнце... Что вынудило тебя прийти сюда ночью?

— Смерть... Чудовища пришли на земли навси. Туа, лучший охотник, погиб, и кто-то забрал его голову. А Паки пропал...

Хозяйка Пауков вдруг вскочила и повисла на верхней ветке.

— Ты сам все сказал. — Она принялась раскачиваться на руках. Пауки градом посыпались на землю.

— Я должен их найти. — Кирк поднял взгляд. — Без головы дух Туа не найдет дороги в земли предков.

Девочка-старуха подтянулась и уселась на ветку.

— Да ладно, — сказала она. — Туа, что есть голова, что нет — он ей не пользовался.

Хозяйка Пауков визгливо расхохоталась; сорвав с ветки лоскут паутины, она скомкала его и швырнула в Кирка. Комок не пролетел и пары шагов. Старуха принялась подскакивать на месте, рискуя свалиться с дерева. И так же неожиданно она замерла, словно окаменела.

— Он близко, он здесь. — Голос ее изменился, стал глуше и глубже. — Я вижу, как он идет по берегу, ломая тростник... Кровь течет по его рукам, кровь капает с его клыков... Он близко, он скоро...

Хозяйка Пауков подняла руки и свалилась с ветки. Но на землю не упала — в полете ухватилась за другую ветку и легко заскочила вверх.

— Паки-Паки-Паки, — запричитала она. — Ты лежишь на берегу, кровь течет из ран, и тело твое остывает. Он смотрит на тебя...

— Кто? — Кирк шагнул вперед. Старуха подняла руку, широко расставив пальцы.

— Зверь, — сказала она. — Он не помнит, кто он, он забыл... Рататоск его знает.

Старуха указала пальцем на Белку.

— Я? Но я не Ра... Я не Рататоск!

Хозяйка Пауков мерзко захихикала. Двумя руками она потянула себя за уголки рта, изображая улыбку.

— Рата-рата-рататоск! — передразнила она. — Скачет белка по деревьям. Прыг-скок! Белка-белка-белка! Ра-та-тоск!

Она снова не удержалась и упала; и опять успела схватиться за ветку.

— Долго тебе еще скакать, Рататоск. По равнинам Мидгарда и пещерам цвергов, по лесам и городам — смерть шагает по пятам.

Долго, долго скакать, прежде чем ты придешь туда, куда должна. Не теряй времени, Рататоск...

— Куда должна?

Вместо ответа Хозяйка Пауков принялась плевать, кидать в них комьями паутины. Белка отвела взгляд... и закричала от ужаса.

Из трещины в дереве ползли пауки — нескончаемым бурлящим потоком. И совсем уже не крошечные полупрозрачные существа. Пауки размером с фалангу пальца, на длинных и тонких ногах; толстые пауки с блестящими красными брюшками; черные гиганты величиной с кулак; розовые пауки длиной с ладонь со святающимися крестами на спине. Пауки, которых Белка не могла представить даже в самых страшных кошмарах. В трещине ворочался кто-то огромный — мелькнула мохнатая лапа толщиной с человеческую ногу.

Белка дернулась. Ужас выгнал из головы прочие мысли. Но Кирк крепко держал ее, хотя у самого лицо было пепельно-серым и блестело от пота.

— Стой, — прошипел он. — Мы ничего не узнали... Пока она не захочет, они нас не тронут.

Хозяйка Пауков зашлась булькающим смехом.

— Гляжу, ты поумнел, Кирк, сын Кеттила. Набрался храбрости... Так чего ты еще хочешь узнать?

— Где искать Паки, — выдохнул Кирк. — И голову Туа.

Старуха подцепила пальцем длинную серебристую нить. На ее конце висел небольшой паучок, похожий на блестящую черную каплю.

— Плыви вдоль берега, и найдешь, — сказала она, разглядывая, как покачивается паучок. — Но что тебе мертвецы? Зачем искать мертвых, если он ищет живых? Жди, и он сам придет к тебе...

— Да кто он такой?! — Голос Кирка сорвался.

— Рататоск его знает, — повторила Хозяйка Пауков. — Она его ищет... Кровожадный, ликом темный, он бросает злые взоры... Я вижу скал угрюмые уступы и, трофеем его победы, полусъеденные трупы.

Кирк так сильно сжал плечо Белки, что девочка вскрикнула от боли.

— Неправда! — воскликнула Белка. — Я ищу другое!

Старуха крутанулась на ветке и повисла вниз головой, зацепившись ногами.

— Откуда ты знаешь, что ты ищешь, Рататоск, если ты это не нашла?

Она схватила большого паука и отправила в рот. Громко зачавкала, сплевывая длинные ноги.

— Я ищу свое племя, — сказала Белка. — Хранитель рода должен найти своих детей.

— Хранитель рода! — писклявым голосом передразнила ее Хозяйка Пауков. — Ты про дурацкую игрушку у тебя на шее? Я видела сотни таких Хранителей и увижу еще сотни, когда твои кости обратятся в прах. Думаешь, *она* ведет тебя? Думаешь, *она* дает тебе силы?

Старуха раскачивалась, опустив руки.

— Ты знаешь, кто забрал людей-кайя? — тихо проговорила Белка. — Куда улетели громовые птицы?

— Ах, вы не видели кайя? — Хозяйка Пауков прижала руки к груди и заговорила на разные голоса: — Мы видели Кая! Он сидел в санях Снежной Королевы, и они летели над лесом! Куда же она полетела? Наверное, в Лапландию — там ведь вечный снег и лед... Ну, туда тебе и дорога.

— Куда? — Белка вытаращила глаза. — В Лап...

Старуха прыгнула на ствол дерева и обхватила его руками.

— Скачи, скачи, Рататоск! К северу, через северо-запад! Под землей и по небу. В ледяные чертоги Похьелы, в холодные земли Хельхейма, к замку Снежной Королевы...

Понять, о чем говорит Хозяйка Пауков, оказалось сложнее, чем понять Вима. Там Белка хотя бы улавливала общий смысл, а здесь... Нужно идти на север?

— Снежная кто? — спросила девочка. — Владычица Льда? Но... Зачем ей кайя?

— О! Она играет в игру, — захихикала старуха. — Какая это смешная игра! Она складывает буквы, хочет написать слово

«вечность»... Смешные буквы: аденин и тимин, цитозин... Дура, дура, дура! Она не понимает, что такое вечность... Она не знает, что ты идешь. Но скоро, скоро, скоро...

Перебирая руками, старуха переползла на другую сторону дерева. На ясене уже не осталось ни одной ветви, не облепленной пауками; того и гляди, дерево рухнет под их тяжестью. Белка облизала пересохшие губы. Из сказанного старухой она поняла одно — кайя забрала Владычица Льда и унесла на север. А значит, и ей туда дорога.

— Все только начинается, Рататоск, — сказала Хозяйка Пауков, устремив пустой взгляд к небу. — Я вижу: кипит котел, рождая чудовищ. Лед и пламя сошлись в великой битве. Инеистые великаны попирают землю — кто встанет у них на пути, Рататоск? Луна упала; ах, небесный волк... Славный боевой крейсер «Фафнир», ты вздумал проглотить солнце?

Раскинув руки, Хозяйка Пауков затянула песню без слов... Ту самую, которую пели громовые птицы. Огромный, с голову ребенка, паук заполз ей на плечо и грозно поднял передние лапы. Схватив его, старуха швырнула мерзкую тварь прямо в Белку.

Паук больно ударил в грудь и упал к ногам. Белка заверещала в голос, отскакивая назад. Хозяйка Пауков зашлась истеричным хохотом.

— Чего ты боишься, Рататоск? Это просто маленький паучок... Иди, иди к мамочке...

Паук побежал обратно к дереву.

— Тебя ждут вещи куда страшнее, — сказала старуха, опустив голову. — Но, если ты пройдешь путь до конца, ты найдешь то, что ищешь.

— Свой род? — тихо сказала Белка.

— Славный, славный род... Род поэтов и ученых, род героев. Что они будут помнить о тебе? Ничего... Но зажги огонь, который будет гореть веками. И потом один из них скажет: ничего нет трудного для воли и мучительного для души. Будь достойна стать его праматерью.

— Праматерью? — растерялась Белка.

— Все имеет начало, — усмехнулась старуха. — И твой род тоже. А сейчас — беги!

— Что?

Кирк с силой потянул ее за собой.

— *БЕГИ!!!*

Хозяйка Пауков поползла вверх по ясеню. Из трещины послышался громкий скрип, что-то невероятно огромное рванулось наружу. Белка успела заметить блестящий черный глаз и огромную, точно ствол дерева, мохнатую лапу. Белка побежала по каменной лестнице, даже не думая о том, что каждый шаг может обернуться сломанной шеей.

Впереди бежал Кирк, а сзади... Белка слышала мерный шорох и хруст, приближающийся с каждым шагом. Откуда-то издалека доносился визг Хозяйки Пауков — похожий на смех и на крики боли. Краем глаза Белка увидела длинный коготь, вонзившийся в скалу — легко, словно камень был плотью. Что-то клацнуло в ладони от затылка. До лодки оставалось несколько шагов... Кирк уже резал веревку.

Собрав силы, Белка рванулась вперед. Поскользнулась и покатила по каменному склону. И с головой погрузилась в холодную, черную воду озера.

Извиваясь как выдра, Белка поплыла вперед. Прочь, как можно дальше от жуткого острова... Легкие разрывались, но Белка продолжала плыть под водой. Гребок, еще один...

Горло пылало. Не в силах больше терпеть, Белка вынырнула. И тут же кто-то схватил ее за ворот и потащил вверх. Девочка заколотила по воде ногами. Только не...

— Это же я! — Голос Кирка пробился сквозь звон в ушах.

Подхватив за пояс, Кирк втащил девчонку в лодку. Она осталась лежать на днище, глотая воздух, как рыба. Кирк принялся грести изо всех сил — каноэ едва не взлетело над волнами. Вдоль бортов вспенились белые волны.

Кирк обернулся. Остров Хозяйки Пауков был тих, никаких чудовищ на берегу... Слово то, что он видел и слышал, ему почудилось.

Белка закашлялась.

— Она сказала, ты его знаешь, — сказал Кирк.

— Что?

— Ты знаешь чудовище, которое убило Туа... И Паки.

— Я не знаю, — ответила Белка, не поднимая головы.

Кирк промолчал. Он направил лодку к берегу. Паучиха сказала искать там.

Они плыли в полной тишине, каждый думал о своем. Неожиданно Кирк наклонился вперед, вглядываясь в густеющие сумерки.

— Медведь! — зашептал он. — Там, на берегу... Какой огромный!

— Где?! — Белка повернулась и громко выкрикнула: — Вурл!

Она вскочила, хватаясь за лебединую шею. Глаза засияли от радости.

— Плыви к нему!

Кирк посмотрел на девочку, перевел взгляд на медведя...

— Она сказала — ты знаешь... — Голос его дрогнул.

Приподнявшись, Вурл зарычал. Мохнатая влажная шкура поблескивала. У лап медведя темной грудой лежало обезглавленное человеческое тело.

ГЛАВА 14

ПУТЬ ВИКИНГА

Сон оборвался внезапно.

Мгновение назад Вим плыл в искрящейся голубой воде. Он был рыбой — проворной и быстрой форелью. Вода обволакивала гибкое тело, сжимала его в тисках. Холодная как лед — Вим это знал, но не чувствовал. Он не чувствовал ничего, кроме движения; скорости, от которой захватывало дух. Вперед, вперед, быстрее... Вдалеке вспыхнул огонек. Белая точка росла — вот она стала размером с монету, затем с апельсин... Белый свет бил по глазам, Вим рванулся ему навстречу. Нельзя останавливаться, быстрее, еще быстрее... Где-то на краю сознания мелькнула мысль: это же блесна! Но свет уже заполнил собой весь мир.

Вим открыл глаза. Судорожно вдохнул — воздух чуть не разорвал легкие. Тело болело, будто он и в самом деле куда-то плыл, напрягая последние силы. Каждая мышца горела изнутри; он был мокрым от пота. Морщась от боли, Вим приподнялся на локтях.

Он лежал на невысоком ложе, укрытый тяжелыми звериными шкурами, в огромной комнате с бревенчатыми стенами. Окон здесь не было, единственную дверь — у дальней стены — закрывала тростниковая циновка. Над сложенным из камней очагом змеилась струйка дыма, но огонь погас — лишь изредка вспыхивали красным остывающие угли. Снаружи доносились голоса, Вим едва различал их; однако внутри помещения не было ни души.

Ну и где он? И как сюда попал? Вопросы без ответа... Вим упал обратно на шкуры. Сверху на него уставился пустыми глазницами олений череп.

Вим лежал, разглядывая тяжелые ветвистые рога. Голоса за стеной сливались в монотонный гул — точно гудение комара над ухом. Хотелось крикнуть, чтобы все заткнулось, но Вим сомневался, хватит ли ему сил. Горло пересохло; в голове клубился туман. Словно кто-то, пока он спал, вытащил мозг и положил взамен ком липкой сахарной ваты. Розовой. Любые мысли вязли в ней, как в болоте.

Череп скалился в большезубой ухмылке.

— Смеешься? — проговорил Вим. — И что смешного?

Он прикрыл глаза, но продолжал видеть эту мертвую улыбку. Мертвую? Черт! Он же умер... Вим точно помнил. Был сильный удар, боль, пронзившая тело, резкая, как вспышка магния. А потом...

Потом была теплая и мягкая тьма. Она укутала его и сжимала сильнее и сильнее, пока он не превратился в микроскопическую точку. Крошечный уголек, затухающий среди вечного мрака. И тогда появились руки. Тонкие, светящиеся золотистым светом... Они возникли из ниоткуда. Осторожно, лоскут за лоскутом, руки принялись раздвигать окружавшую огонек тьму.

Тьма сопротивлялась — сильная, упрямая, она не собиралась упускать свою добычу. Каждое движение тянулось бесконечно долго. Тьма сгустилась вокруг золотистого света, сдавила его со всех сторон. Руки стали совсем прозрачными, того и гляди, исчезнут... Тьма торжествовала; Вим чувствовал ее звериную жадность. Мое! Не отдам! Ни-ко-му!

Золотистый свет вспыхнул так ярко, что тьма отпрянула. Руки подняли затухающий уголек, крошечный в огромных ладонях. Кто-то большой склонился над ним и тихонько подул.

Огонек вспыхнул ярче, разгораясь. Кто-то подул сильнее. Маленькая точка начала быстро расти. Больше и больше... Еще чуть-чуть, и она заполнит весь мир. Еще немного и...

Свет погас. Вим стоял один посреди окружившей его темноты, в которой не было ни времени, ни пространства. Один в пустоте. Он осмотрелся, зная, что ничего не увидит. Но увидел.

Рядом сидела маленькая девочка, обхватив колени руками и спрятав голову. Длинные распущенные волосы скрывали лицо.

— Белка? — тихо позвал Вим.

Она подняла голову. На тонком лице застыло виноватое выражение. Девочка была такой потерянной и беззащитной... А рядом клубилась тьма — она отступила, но не ушла. Она просто собиралась с силами. Белка устало улыбнулась.

Проклятье... Опять уснул? Вим не мог с уверенностью сказать, происходило ли то, что он видел, на самом деле или ему только пригрезилось.

Сверху продолжал скалиться олений череп. Опираясь на руку, Вим перевернулся набок, лишь бы не видеть его улыбки. На руку? Вим нахмурился. Последние воспоминания походили на набор бессвязных образов, но кое-что Вим запомнил хорошо. Например, резкую боль и руку, повисшую плетью. Вим несколько раз сжал кулак.

Значит, все-таки умер. Умер и попал на тот свет, где раны чудесным образом исцелились. Большая их часть... Конечно, все болело, но кто сказал, что посмертное исцеление должно проходить легко?

Он задумался. Умер... А ведь за ним приходила валькирия — не огромная девица в блестящем нагруднике, но тоже блондинка. Очевидно, в небесных чертогах решили, что с Вимом справится и такая. Правда, на Вальхаллу это место походило мало. Ни тебе длинных столов, ломящихся от еды, ни бородачей в рогатых шлемах, распевающих пьяные песни... Стоило подумать о пирах, и живот предательски заурчал. От куска жареного мяса Вим бы сейчас не отказался.

— Эй! — позвал он. — Есть здесь кто-нибудь?

Никто не ответил. Хороши же порядки в царстве мертвых — никакого уважения к павшим...

— Эй!!!

Циновка, заменявшая дверь, приподнялась, и в комнату заглянул человек. Высокий, светловолосый и бородатый — все как полагается.

— Привет...

Помогая себе руками, Вим сел на ложе. Комната тут же закружилась по часовой стрелке. Вим спешно схватился за голову, хотя помогло мало. К горлу подступила тошнота. Вот стоило умирать?

Человек замер на пороге. Вим вяло ему помахал.

— Я говорю — привет! Добрый день, в смысле.

В ответ бородач вскрикнул. А затем сунул два пальца в рот и пронзительно засвистел.

— Пожалуйста... Не надо так громко, — скривился Вим.

Послышался топот, и в комнату вбежали еще двое бородачей. Тоже остановились, глядя на Вима как на сказочное чудовище.

— И вам — здравствуйте, — сказал Вим. — Я вроде пришел в себя. И готов приступить к обязанностям павшего. Где тут у вас пируют? Бесконечный вепрь и все такое?

Бородачи переглянулись.

— О чем он говорит? — спросил один из них, косоглазый и рыжебородый.

— Не понимаю, — отозвался другой.

— Может, он сумасшедший? — сказал косоглазый. — Лопочет незнамо чего.

— Кажется, он просит есть...

Если эти бородачи — эйнхерии, сообразительностью они не отличались. За дверью послышался женский голос. Вот и валькирия пожаловала... Может, хоть она окажется понятливее?

Один из бородачей выглянул наружу и что-то спросил. Женщина строго ответила, и бородач вернулся в комнату.

— Аска говорит, парня нужно отвести к Старику, — сказал он косоглазому.

— Сейчас? — переспросил тот. — Да он же на ногах не стоит и бредит!

— Неправда, — возмутился Вим. — Стою я на ногах. Кажется.

Он приподнялся и тут же сел обратно на шкуры. Проклятая слабость... И как же он будет сражаться в положенных ежевечерних битвах?

— Кеттил ждет, — склонил голову мужчина. — А он не любит ждать.

— Старик, поди, боится опоздать. — Косоглазый хохотнул, но шутка не имела успеха.

Двое бородачей с опаской подошли к Виму. Поддерживая под руки, они помогли ему подняться.

— Спасибо. Дальше я сам...

Вим шагнул к двери. Ноги были как из ваты — Вим не столько шел, сколько волочил их. Чуть не упал, запнувшись о камни очага. Нет уж, стоит завязывать со смертями. Одного раза более чем достаточно.

Кое-как Вим смог самостоятельно добраться до двери. Откинул циновку... По глазам словно полоснули опасной бритвой. Прикрыв лицо ладонью, Вим отступил к стене. Подул ветерок, пахнувший водой, мокрым деревом, гнилой травой и дымом.

Потребовалось время, чтобы глаза привыкли. Когда же Вим убрал руки, оказалось, что свет не такой уж и яркий. День клонился к вечеру; солнце плыло над лиловой полоской горизонта. На темнеющем небе бледным росчерком виднелся месяц.

Вим стоял на широком бревенчатом помосте перед длинным домом на сваях. Впереди раскинулось огромное озеро — почти море. По невысоким волнам плясали золотистые блики.

На Вальхаллу, как Вим ее представлял, место походило мало. Дом, конечно, большой, но на всех павших воинов места не хватит. Да и где, спрашивается, сверкающие щиты на крыше? Вместо них желтели вязанки тростника. Зато чего имелось с избытком, так это оленьих черепов на стенах и связок сушеной рыбы.

Вим перевел взгляд и увидел лебедя, огромного, как птица Рух. Птица печально качала головой — Вим не сразу сообразил, что это всего лишь деревянная фигура на носу длинной лодки.

— Ты проснулся, — послышался голос.

Девушка стояла у стены, перебирая прядь длинных светлых волос. Вим узнал ее сразу — это была его валькирия.

Симпатичная... Тонкое строгое лицо, синие глаза и задумчивая полуулыбка. Ему повезло. С такой барышней иметь дело куда приятнее, чем с суровой дамой с формами гиппопотама и в сверкающих доспехах.

— Привет. — Вим улыбнулся. — И как зовут тебя, красавица?

Девушка отвела взгляд.

— Аска, — сказала она. — Пойдем. Тебя ждут.

— Ждут? — удивился Вим. — Кто же меня ждет?

— Пойдем, — повторила Аска.

— Погоди. Дай немного передохнуть. Как-никак я умер, а это несколько отнимает силы... Да и куда теперь спешить?

— Умер? — изумилась валькирия. — Но ты же ходишь, и разговариваешь, и...

Девушка запнулась. Вим нахмурился.

— А разве это не Вальхалла?

— Что?

— Ну, Вальхалла... Место, куда попадают павшие... хм... воины?

— Это Длинный Дом, — сказала Аска. — Здесь живут навси — люди озера.

— А! — Вим снова огляделся. — Длинный Дом...

По крайней мере отпадал ряд вопросов. Но взамен появлялись новые. Что еще за Длинный Дом? Кто эта девушка, если не валькирия? А главное — куда подевались Белка и ее медведь?

Голова оказалась не готова к такому испытанию. Вим поморщился от боли; Аска тут же взяла его под руку. На лице девушки отразилось неподдельное беспокойство.

— Тебе нехорошо?

Вим выдохнул.

— В любом случае — лучше, чем я думал.

Аска продолжала держать его за руку, сжав локоть сильными пальцами.

— Скажи, красавица, — Вим выпрямился, — со мной была девочка... Худющая такая, рыжая и лохматая, голова в косичках...

— Белка? — Девушка прикусила губу. — Девочка-кайя, потерявшая племя?

— Она самая, — кивнул Вим. — Она здесь?

Аска покачала головой.

— Нет. Белка уплыла.

— Уплыла?! Куда?

— На остров Хозяйки Пауков. — Аска повернулась к озеру. — Не волнуйся. С ней мой брат, он сильный охотник и сможет ее защитить.

— Надеюсь, — сказал Вим, проследив за взглядом девушки.

Хозяйка Пауков? Хотелось думать, что с девчонкой в самом деле все в порядке. Почему-то Вим чувствовал себя в ответе за нее. Может, виной тому обстоятельства их встречи или опасное путешествие по реке и ущелью бандерлогов. Не последнюю роль сыграл и диковинный сон. Но в одном Вим не сомневался: если с Белкой что-нибудь случится — он себе этого не простит.

Аска неожиданно отступила, отпустив его руку.

— А это твое?

Девушка вытащила губную гармонику. Солнце золотом вспыхнуло на блестящих накладках.

— О! — Вим взял инструмент. — Надо же, уцелела.

Он поднес гармошку к губам и сыграл вступление к «Come together». Вроде инструмент в порядке...

— Она поет! — всплеснула руками Аска.

— Ага, — Вим подмигнул девушке. Щеки Аски вспыхнули.

Из дома выглянул косоглазый охотник, морщась так, словно он объелся лимонами.

— Чего тебе, Лорхи? — нахмурилась Аска.

Косоглазый почесал бороду, цокнул языком и сказал:

— Что это за звуки такие? Лягушку раздавили?

— Лягушку? — процедила Аска. Косоглазый тип тут же скрылся в доме.

— Наверное, ему нравится Пресли, — миролюбиво сказал Вим, убирая гармонику. — Итак, барышня, пожалуй, можно идти...

Он шагнул от стены. Вселенная опасно закачалась, однако устояла на месте. Туман в голове постепенно рассеивался. Уже неплохо...

Следуя за Аской, Вим прошел в просторный зал. Огонь в очаге полыхал вовсю. Рыжие отблески на стенах сражались с длинными изломанными тенями. Битва разыгралась нешуточная на диковинном поле среди черепов, пустых глазниц и ветвистых оленьих рогов. Из-за игры теней и света казалось, что рога шевелятся, будто длинные и гибкие пальцы. Жуткое зрелище.

Перед очагом на коленях сидела старуха с лицом, сморщенным, как чернослив, и обрамленным жиденькими волосами. Кожа ее блестела, капли пота на лбу были размером с горошину. Напевая

монотонную песню, старуха раскачивалась, с головой ныряя в огонь. То и дело она бросала в очаг какой-то порошок, и к потолку поднималось облако густого дыма. Вим поперхнулся и громко закашлялся.

— Это она меня ждет? — проговорил он, когда прочистил горло. Старуха даже не взглянула в его сторону.

— Нет. Это матушка Ши... Она оплакивает Туа.

По лицу девушки скользнула тень. Вим решил, что невежливо спрашивать, кто такой Туа и что с ним случилось. Ясно, что ничего хорошего, раз приходится его оплакивать. Матушка Ши снова бросила щепотку порошка в огонь, поднявшийся дым пах полынью.

Вим и Аска прошли к дальнему концу зала.

— Отец! — позвала девушка. — Он проснулся. Я привела его...

Отец? Сперва Вим разглядел помост, укрытый тяжелыми шкурами. Но вот они зашевелились... Из горы черного меха поднялась рука, обтянутая блестящей желтой кожей. Вим увидел узловатые артритные пальцы с потрескавшимися ногтями.

— Подойди ближе, — слышался скрипучий голос. — Это ты назвал себя *Вильгельм*?

Вим шагнул вперед. В дыму, сквозь наворачивающиеся слезы, все казалось зыбким и нереальным, как под водой. Человек на помосте потянулся, сбрасывая шкуры и меха, так река сбрасывает лед по весне.

Это оказался высокий старик с длинной облезлой бородой. Щеки его ввалились, на дряблой коже темнели пятна. Но, несмотря на приметы старости, еще чувствовалась сила, которая когда-то была в этом теле. Широкие плечи, крепкая кость... Одной работы времени недостаточно, чтобы так выжать человека. Нужно что-то посильнее... Рак? Глаза старика были закрыты, веки — как мягкая папиросная бумага.

— На самом деле, — сказал Вим, — *Вильгельмом* меня называл отец.

Он нахмурился. Что-то в облике старика никак не сочеталось со шкурами, каменными топорами и оленьими черепами. Вим не сразу догадался, в чем, собственно, дело. А когда понял — беззвучно выругался.

Шлем! Конический шлем викинга с ржавыми металлическими накладками и отполированными рогами — вещь уместная в каменном веке как паровоз или калькулятор.

Вим прижал руку ко лбу. Вроде жара нет, хотя в дыму и духоте не поймешь...

— Вильгельм, — протянул старик, смакуя каждую букву имени. — Я ждал пятьдесят лет... Пятьдесят лет среди скерлингов. И вот, когда мои дни подходят к концу, ты пришел...

Он выпрямился и расправил плечи.

У ног старика лежал огромный череп, с длинными, как карандаши, зубами. Подобные штуки Вим видел только в музее естественной истории: это был череп тираннозавра или другого хищного ящера. Но здесь была не окаменелость, а самая настоящая кость.

Как любой путешественник по времени, Вим терпимо относился ко всякого рода анахронизмам. В первую очередь потому, что анахронизмом являлся он сам. Но есть же предел! Боевые вертолеты в каменном веке — это полбеда, но тут еще и викинги с динозаврами... Подобное не может быть случайностью. Такие вещи всегда связаны между собой, как нити в паутине. Осталось только найти ту паутинку, за которую нужно потянуть, чтобы все встало на свои места.

— Простите, если вопрос покажется вам невежливым, — начал Вим, — но как вы сюда попали? Через линзу? Такое светящееся окно в воздухе...

— Окно в воздухе? — удивился старик. — А ты откуда...

Он глубоко вдохнул.

— Нас было тридцать... Тридцать воинов, которые отправились из Гренландии на юг, вслед за Счастливым Лейфом, в земли Винланда. Но боги были против нашего похода. Мы попали в шторм. Пять дней и еще пять море носило наш корабль, пока не выбросило на тот проклятый остров.

— Остров? — Вим нахмурился.

Из Гренландии в Винланд, иначе говоря — в Северную Америку... А ведь там в самом деле есть остров, который с полным правом можно назвать проклятым. Пресловутый остров Оук.

— Там стояла башня, — продолжил старик. — Огромная башня из черного камня, не иначе как сами ворота Нильфхейма. Я говорил своим товарищам, чтобы они не ходили туда, но... Я был самым младшим на корабле, не станет воин слушать желторотого мальчишку. И они ушли, один за другим, в черную пасть той проклятой башни...

— А вы остались?

— Меня оставили! Мне наказали стеречь корабль — но от кого его охранять, если на том острове не было людей? Они просто не захотели брать с собой труса! Они ушли, со смехом и шутками, один за другим...

Старик опустил голову. Вим покосился на Аску. На лице у девушки было написано изумление — похоже, она слышала эту историю впервые. Вот такие семейные тайны...

— Ушли все, — продолжил старик. — Вышел же один... Снорри Йохансон, до самой смерти я буду помнить его имя. Он был весь в крови, грудь разодрана, но он держал свой меч. Держал!

Старик всхлипнул. Аска бросилась к нему, но отец остановил девушку.

— Так он умер, — сказал он. — У моих ног с мечом в руках. И теперь он пирует в чертогах Вальхаллы вместе с моими товарищами. А я остался. Один... Я струсил, и за это боги проклинали меня.

Он надолго замолчал. Вим прикусил щеку. Вот оно, значит, как... Бедняги-викинги наткнулись на Черную Башню и погибли в схватке со Стражем. Смерть не столько героическая, сколько нелепая. Двадцать девять сильных, подготовленных воинов, но против Хихикающего Демона шансов у них не больше, чем у стайки крыс против бультерьера. Удивительно, что хоть кто-то смог выбраться. Зато понятно, каким образом старик оказался в каменном веке. Башня на острове Оук является одной из узловых точек в Круге Времени, и вокруг нее образуются нестабильные линзы, способные переносить даже так далеко в прошлое.

— Снорри рассказал, что было в той башне. Огромный тролль... И он смеялся, когда убивал моих друзей, от его смеха кровь стыла в жилах. Но они сражались и умерли как настоящие воины. А я нет... А потом я услышал смех тролля, он шел за мной. И я бежал,

бежал, пока не увидел, то самое окно в воздухе. Не знаю, кто из богов направил меня, но я прыгнул в окно, и все исчезло...

Старик сжал виски ладонями.

— Все пропало: и Башня, и наш корабль, и тело Снорри. Я оказался на незнакомом берегу. Там я сделал плот и доверился волнам и ветру. Много дней меня носило море, но даже такая смерть оказалась мне не по чести. Море выплюнуло меня, как дохлую рыбу. Так я попал на земли скерлингов и стал одним из них. Я стал навси... Теперь я умираю от старости. Мои волосы выпадают, руки уже не держат меч, ногти облезли, и их не возьмут даже на Нагльфар... Скажи мне, Вильгельм, как я войду в чертоги Одина?

Вим промолчал. Старик смотрел на него, не моргая. Один глаз у него был зеленым, другой оказался мутным и пустым — старик страдал от катаракты.

Так-так... Вим присмотрелся к здоровому глазу. А знакомый цвет... Если бы второй глаз старика не был слепым, Вим бы поставил на то, что он окажется ярко-голубым. Теперь понятно, почему старик выглядит таким изможденным. Дело в артефакте — вот что высосало его силы и довело до подобного состояния.

Вим поджал губы. А он недооценил викингов. Мало того что один из них ушел от Стража живым, так, похоже, и из Черной Башни тот вышел не с пустыми руками. Интересно, а какой это артефакт? Старик, заметив его взгляд, криво усмехнулся.

— Ты не похож на воина, Вильгельм. Ты слышал мою историю, я же хочу услышать твою. Кто ты? Что привело тебя в эти земли?

— А я и не воин. — Вим развел руками. — Скажем так: я скальд, кажется, это так у вас называлось.

— Скальд? — Старик вздрогнул. — Тот, кто идет за героем и слагает о нем песни?

— Хм... Можно сказать и так. Правда, с пением у меня не очень...

Старик моргнул и вдруг разразился, сухим каркающим смехом. Тело его сложилось пополам, плечи тряслись, руки дрожали. Он едва не свалился со своего укрытого шкурами ложа.

— Скальд? — проговорил он сквозь приступы нервного хохота. — Скальд, который не умеет петь?

— Ну... — Вим смутился. — Зато я умею играть на губной гармошке.

— Скальд?! — прохрипел старик. Он обратил к Виму лицо. Веки старика дергались. — Пятьдесят лет я молил богов, чтобы они привели ко мне воина. Крепкого и сильного, сразиться с которым будет честью для меня, а вместо этого... Ты хотя бы умеешь держать меч, скальд?

— Приходилось, — признался Вим. — Но я предпочитаю ненасилиственные методы.

— Скальд! — Старик его не услышал. — Видимо большего я не заслужил. Значит, будет так...

— Что будет? Вы хотите, чтобы я сложил песню о ваших подвигах? Но...

— Я хочу предложить тебе сделку, скальд. Честную сделку. Я отдам тебе самое дорогое, что есть у меня, — мою дочь...

Аска ойкнула и прикрыла рот ладонью. Старик даже не повернулся.

— Взамен я прошу одного. Сразись со мной в честном бою. До смерти.

— Что?!

— Не бойся, скальд, — усмехнулся старик. — Я стар, и в моих руках нет былой силы. Не знаю, смогу ли я дважды поднять копье... Ты легко победишь меня.

— Погодите! — Вим поднял руки. — Мне вот эта сделка не кажется честной. Ваша дочь, конечно, красавица, но...

— Испугался, скальд? Струсил?

— Да почему «испугался»?! Так нельзя делать!

— Нельзя?! Я должен умереть в бою, с оружием в руках. Иначе, как я попаду в Вальхаллу?

Вим выругался. Довоображался: валькирии, эйнхерии, вечные битвы... А в итоге кто бы мог подумать, что именно так все и будет? Порой желания имеют мерзкое свойство сбываться.

— Ну нет, — замотал головой Вим. — Я на такое пойти не могу. Я не сторонник эвтаназии, даже подобными методами. Просите кого-нибудь из своих скерлингов...

Старик поморщился.

— Никто из навси не может этого сделать. Они — мое племя, и нет чести в битве с сородичем. Пожалуйста, скальд, прошу тебя... Неужто моя дочь не стоит того, чтобы за нее сразиться?

— Стоит, — сказал Вим. — Но не с ее же отцом!

— Я дам тебе свой меч, — сказал старик. — Он старый, но крепкий. Я убил им дракона.

— Причем здесь дракон?! Поймите, то, что вы предлагаете...

— Я прошу о честной смерти, достойной воина!

Старик без сил откинулся на шкуры. Вим прикусил губу — ну как ему еще объяснить?

Неожиданно матушка Ши взвыла. Вим вздрогнул, он успел подзабыть о ее существовании. Старуха пыталась встать — приподнималась и снова падала... Лицо ее перекосила жуткая гримаса.

— Матушка Ши!

Старуха схватила себя за волосы, глаза ее закатились — видны были только белки. По подбородку текла слюна, того и гляди, изо рта пойдет пена. Будто старуха отравилась ядовитыми грибами.

— Он идет! Я слышу его шаги... Он идет через тростник. Он близко!

Она затряслась, как в сильнейшем приступе лихорадки. В кулаке остался клочок волос, вырванных с корнем. Старуха снова попыталась встать и свалилась в костер. Резко пахло паленой шерстью.

Аска бросилась к матушке Ши и за ноги вытащила ее из огня. Заколотила ладонями по одежде, сбивая угли. На руке старухи алел большой ожог, но та его не замечала. Она глядела на старого викинга.

— Собирай людей, Кеттил, собирай всех своих людей! Ждите! И молитесь предков, чтобы они нас защитили.

Матушка Ши упала на пол и забилась в припадке.

ГЛАВА 15

НА БЕРЕГУ

— Он его не убивал!

Белка сжалась. Кирк молча смотрел на медведя, склонившегося над мертвым телом. Шерсть на морде зверя влажно блестела, и Кирк знал почему. Кровь... Вся морда медведя была в крови!

Какой же он огромный... Такому зверю ничего не стоит оторвать голову взрослому охотнику. Один удар чудовищной лапы — и все кончено. Да у него когти длиной с ладонь! Если не он, кто еще мог убить Туа? И Паки — ведь это его тело лежит перед медведем... Кирк до боли стиснул кулаки. Все вышло, как сказала Паучиха: он нашел Паки на берегу, а девчонка знала, кто его убил. Белка же говорила, что она из рода Медведя. И она обрадовалась, увидев зверя, — Кирк видел по глазам.

— Вурл его не убивал, — повторила Белка.

Кирк усмехнулся. Значит, не убивал? Но все же как на ладони: и медведь, и кровь на морде, и мертвый Паки. И дурак поймет, что произошло, а Кирк дураком не был.

— Он нашел его недавно, — продолжила Белка. — Он... Он даже не ел мяса. Он просто его нашел.

— Откуда ты знаешь? — Кирк повернулся к девчонке.

Это еще что такое? Глаза Белки изменили цвет. Кирк не заметил, когда это случилось. Но он помнил, что раньше они были зеленовато-болотного цвета. А сейчас один глаз голубой, второй — ярко-зеленый, как весенняя листва. Рот девчонки был приоткрыт, дышала она мелко и часто, захлебываясь воздухом.

Кирк насторожился. Но не испугался — он уже сталкивался с подобным. Так же менял цвет здоровый глаз его отца; обычно

светло-серый, иногда он вдруг вспыхивал глубокой зеленью. В такие моменты на лице старого Кеттила появлялось потерянное выражение, будто мыслями он переносился куда-то далеко от тела.

Похожее выражение промелькнуло и на лице Белки. Опустив взгляд, Кирк увидел, что девчонка что-то сжимает в кулаке. Виднелся лишь кожаный шнурок, обмотанный вокруг пальцев.

— Не ел мяса? — Лицо охотника перекосило.

— Да. Тело пахнет кровью, запах привел сюда Вурла. Но еще оно пахнет дымом, а он... Он не стал бы нападать на того, кто пахнет дымом.

— Дымом? — Кирк принялся. Разумеется, никакого запаха он не услышал.

— Я тоже его не чую, — сказала Белка. — Но для Вурла он такой же сильный, как если б здесь горело множество костров.

Белка прикусила губу. Запах дыма... Она не стала говорить, что именно он и привел сюда медведя. Вурл, верный друг, искал ее все эти дни, но Белка была слишком далеко и его не слышала. Сжимая фигурку Хранителя рода, она ясно видела образы, проносящиеся в голове медведя.

...Детеныш, которого нужно защищать, пропал... Куда он мог подеваться? Ему может угрожать опасность! Нужно искать запах дыма... Но когда запах дыма появился, вместе с ним пришел и запах крови... Бег и треск ломающихся веток...

Белка мысленно погладила медведя по морде. Дотронулась до влажного шершавого носа, провела пальцами по жесткой шерсти на лобастой голове.

— Все хорошо, я здесь, и я жива...

Вурл тряхнул головой, словно отгоняя мошкар. Глубокий рык прокатился над водой... Нет, медведь в самом деле никого не убивал. В его памяти не было ничего о схватке с охотниками.

Лодка покачивалась на волнах шагах в десяти от берега. Белка схватилась за борт каноэ, собираясь прыгнуть в воду — больше ждать она не могла.

— Стой! — Кирк схватил ее за руку. — Этот медведь... Кто кроме него мог это сделать?

Белка дернула рукой, но Кирк держал крепко.

— А он бы смог? — выдохнула она. — Убить охотника, оторвать голову, а тело положить в лодку? Он... Он же просто медведь!

— Этот зверь — чудовище!

Кирк оттолкнул девочку, и она упала. Каноэ закачалось, грозя перевернуться.

— Как ты не видишь! — крикнула Белка. — Он...

Кирк схватил длинное копье, лежавшее на днище. Широкий наконечник был чернее ночи. Охотник прищурился, примериваясь для броска. Далеко, но...

Белка, извернувшись, пнула его под колено. Морщась от боли, Кирк устоял на девочку.

— Ты... — зашипел охотник. — Это ты привела его сюда!

Белка попыталась отползти. Наконечник копья целился ей прямо в грудь. Один удар, от которого не увернуться... Кирк медлил.

— Вурл не чудовище. — Белка была готова расплакаться. — Он никого не убивал...

Кирк только сильнее вцепился в древко копья.

— Он же друг...

Белка резко наклонилась вправо и всем весом навалилась на левый борт лодки. Каноэ накренилось — Кирк не успел даже вскрикнуть и, размахивая руками, полетел в воду. Белку окатило холодными брызгами. На миг голова охотника скрылась под водой, но он тут же вынырнул, изумленно тараща глаза. Выроненное копье ушло на дно.

— Он друг, слышишь? — крикнула Белка.

Кирк сильно молотил руками по воде и вряд ли ее услышал. Белка подняла весло и в два гребка добралась до берега. Острый нос лодки зарылся в мягкую глину. Выпрыгнув из каноэ, Белка подбежала к медведю.

— Вурл!

Медведь ткнулся мордой в плечо девочки, Белка едва устояла на ногах. Она обняла Вурла за короткую толстую шею. Прижалась, зарывшись лицом в густой мех. Рядом с огромным хищником девочка выглядела совсем маленькой. Медведю достаточно

взмахнуть когтистой лапой, и от нее не осталось бы и мокрого места. Но вместо этого зверь снова толкнул ее носом. Послышалось довольное ворчание.

Кирк продолжал барахтаться в воде, не решаясь приблизиться к берегу. Хотя он чуть не убил ее, Белка не держала на охотника зла. Он просто напуган и не понимает...

— Он не убивал твоих сородичей! — крикнула девочка.

Она взяла фигурку Хранителя рода и, точно рыба, заскользила сквозь образы в голове медведя. Сквозь звуки и запахи, такие плотные, что можно потрогать их руками. Должно же быть что-то, что убедит охотника... Вурл заворочался.

— Здесь был кто-то еще, — сказала Белка. — До прихода медведя. Он его не видел, но запах остался... Он тоже пах дымом и кровью.

Белка подошла к телу мертвого охотника. Присела на корточки, коснувшись ладонью земли. Под пальцами оказалось липко — мягкий мох почернел, напившись крови. В горле запершило, но Белка сдержала тошноту.

Тело охотника кто-то смял, как ком глины: ребра были вдавлены, конечности вывернуты и переломаны, одна рука от локтя держалась только на лоскуте кожи... Голову просто вырвали; из черной шеи торчал бледно-розовый обломок позвоночника. Какой же силой нужно обладать, чтобы сотворить такое? Но охотника убил не медведь: на теле не было следов когтей и клыков.

Белка отодвинулась дальше, осматривая землю рядом с мертвым охотником. Медведь здорово здесь потоптался, но в конце концов она нашла что искала — глубокий отпечаток, на влажном мху.

След был четким, как на свежавыпавшем снегу, — отпечаток человеческой ступни, за тем исключением, что он был раза в четыре больше, чем полагалось. Тот, кто его оставил, быть может, был даже больше Вурла, поднявшегося на задние лапы...

Она дотронулась до примятого мха. Хозяйка Пауков говорила, что Белка знает убийцу? Старуха выжила из ума! О великанах

Белка знала только из историй о давних временах, которые любил рассказывать Оолф. Только старый знахарь ошибался, когда говорил, что все гиганты ушли в земли предков. Белка сжала рукоятку ножа.

— Я нашла! — крикнула она. — След чудовища.

Кирк промолчал. Он подплыл ближе к берегу и теперь стоял по шею в воде. Губы у парня были совсем черными. Однако вылезать из воды он не спешил.

Белка перескочила вперед, осматривая мох в поисках других следов. От тела охотника тянулась тонкая дорожка из капель крови. Найти второй отпечаток не составило труда, несмотря на сумрак. А где второй, там и третий.

— Он ушел в лес. — Белка ножом указала направление. — Давно, но следы еще видно.

— Что? — отозвался Кирк. Он ее не слушал; все его мысли были заняты медведем. Вурл зевнул, показав клыки.

— Чудовище, которое убило твоего сородича, — сказала Белка. — Оно ушло в лес и унесло его голову.

Белка покосилась на тело. А зачем великан забрал голову? В этом не было смысла... Если убийца — людоед, почему он бросил тело? Одной головой сыт не будешь.

Вдалеке протяжно закричал козодой. Белка выпрямилась. Лес стоял черной стеной, темнота клубилась меж мшистых стволов. Идти туда сейчас — глупо; в темноте следов не разглядишь.

— Вылезай, — крикнула она Кирку, — пока водные духи не утащили тебя на дно озера.

— Вылезать? — Охотник рассмеялся. — Твой медведь проголодался?

Белка устало опустила руки. Она подошла к краю воды и села на большой камень, еще хранивший солнечное тепло. Сняв мокасины, Белка вывернула их, не спеша вытряхивая траву. Все равно та размокла и больше походила на бизонью жвачку, от такой набивки один только вред. Нож Белка отложила в сторону, чтобы Кирк видел — она не собирается хвататься за оружие.

— Он тебя не тронет, — сказала она, не поднимая головы.

— И почему я должен тебе верить? — язвительно поинтересовался Кирк.

Белка пожала плечами.

— Можешь не верить. Можешь стоять в воде хоть до рассвета. Но так ты никогда не узнаешь, кто на самом деле убил твоих сородичей, и не вернешь их головы...

— Ха!

Губы у Кирка дрожали, Белка слышала, как стучат его зубы.

— Я даю слово кайя — Вурл не станет на тебя нападать. И я обещаю, что помогу тебе вернуть головы твоих друзей.

— Не станет нападать? И как ты его остановишь?

— Просто попрошу. — Белка повернулась к медведю.

Вурл с любопытством глянул на девочку. Нос, похожий на большую кожаную нашлепку, влажно поблескивал в сумерках. Вокруг морды дрожало облачко пара.

— Встань! — Белка держала фигурку Хранителя рода.

Медведь поднялся.

— А теперь — сядь, — приказала Белка.

Ей не нужно было говорить этого вслух, Вурл и так бы ее услышал. Она говорила исключительно для Кирка.

Медведь сел, косясь на девчонку.

— Прости, — сказала Белка. — Я просто хотела показать этому болвану, что ты хороший и послушный... Подними лапы.

Медведь недовольно заворчал, но выполнил приказ. Белка вдруг поняла, что скажи она сейчас Вурлу встать на задние лапы и станцевать — как говорил Оолф, — и медведь это сделает. Но поняла она и то, что никогда не сможет отдать зверю такой приказ. Вурл ведь друг...

— Видишь, — сказала Белка. — Он делает то, о чем я его прошу.

— Болвану?

Спотыкаясь, Кирк побрел к берегу. Вскоре он стоял рядом с Белкой, дрожа от холода. Вода текла с него потоком.

— Надо развести костер, — сказала Белка. Кирк отмахнулся.

— Говоришь, ты нашла следы?

Белка кивнула.

— Да. Пойдем...

Она спрыгнула с камня. Кирк последовал за ней, держась, впрочем, на расстоянии и с опаской косясь на медведя. Однако стоило охотнику увидеть след великана, лицо его переменялось.

— Духи огня и воды! Это же Чудовище из Тростника!

— Кто? — удивилась Белка.

Кирк провел рукой по дорожке из спекшейся крови.

— Я думал, это сказки, — проговорил он. — Пугать детишек, чтобы они не уходили далеко от дома... Мол, на берегах озера живет чудовищный великан, который разрывает людей на маленькие-маленькие кусочки... Но ведь его никто не видел! На самом деле...

Он покосился на тело Паки.

— На мелкие кусочки...

Лес зашумел под порывом ветра. Невидимая волна всколыхнула темноту между деревьями.

— Я пойду за ним, — тихо сказал Кирк. — А ты бери лодку и возвращайся в Длинный Дом. Отвези тело Паки... И расскажи навси, куда я ушел.

— Я дала слово, что помогу тебе.

— Ты слишком маленькая, а это слишком опасно. Возвращайся, девочка-кайя. И Туа, и Паки не из твоего племени, ты не обязана мне помогать.

— Я не маленькая, — огрызнулась Белка. — Ты не справишься в одиночку, будь ты хоть самым сильным охотником. Посмотри, что он сделал с твоим сородичем!

— А чем ты сможешь мне помочь, девочка-кайя? — В голосе Кирка прозвучали печальные нотки. — Пойдем вместе — чудовище получит не одну голову, а две.

— Нас трое, — сказала Белка.

Кирк перевел взгляд на медведя.

— Он?! Он пойдет с нами?

— Я его попрошу.

Новый союзник приободрил Кирка. Хотя охотник и не решился подойти к медведю, но смотрел на него уже не столь

испуганно и зло. Вурл же поглядывал на охотника и вовсе снисходительно.

Кирк прошелся вдоль дорожки следов, осматривая мох и кустики брусники.

— Чудовище ушло давно. — Он потер скулу. — Быстро его не догнать. К тому же в лесу темно, сложно будет искать следы...

— Догоним, — уверенно заявила Белка. — Не нужно искать следы: Вурл ведь чувствует запах.

— Умно, — уважительно сказал Кирк. — Я бы не догадался... Ну, тогда чего мы ждем?

Он вытащил длинный нож: каменное лезвие было вставлено в рукоятку из оленьего рога. Пальцем дотронулся до острия и удовлетворенно хмыкнул. Жаль, копьё осталось на дне озера. Нож — оружие верное, но с крепким копьём его не сравнить.

Белка повернулась к темной стене леса.

— Нельзя начинать охоту без разрешения лесных духов. Особенно такую охоту...

Кирк кивнул. Девчонка права: без поддержки духов в ночном лесу делать нечего. Если духи обидятся, то могут закружить или запутать, завести в болото и насладиться хищных зверей... Хотя какой зверь сравнится с Чудовищем из Тростника? По спине пробежал неприятный холодок. Кирк сжал рукоятку ножа, бормоча обереги.

Белка набрала сосновых веток и развела на берегу небольшой костерок. Слабый огонек заметался на ветру; девчонка прикрыла его ладонями, давая пламени разгореться. Вурл недовольно зафыркал, отворачивая морду, но не убежал — он уже привык к огню. Белка распустила одну из косичек и вытащила короткий коготь волчицы, призывая заключенную в нем тень зверя.

— Прошу, помоги нам. Дай нам свою силу... — Она бросила коготь в огонь.

Пока костер горел, Белка принесла с берега белой глины. Очень старательно она размазала ее по лицу, пока оно не стало белым, как мел. В таком виде девчонка выглядела жутковато.

Но Кирк знал, что и зачем она делает. Белка прятала свое лицо, чтобы стать кем-то еще.

Заметив его взгляд, девчонка усмехнулась. Раз уж охотник испугался, то есть надежда, что испугается и чудовище. Белка поморщилась, показав клыки, и громко клацнула зубами.

Острием ножа она нарисовала на земле гиганта, как его представляла. Длинные руки и ноги, тело, похожее на деревянную колоду и маленькая круглая голова. Белка уставилась на рисунок, а затем вдруг рванулась вперед и нанесла три коротких удара ножом. В то же мгновение в землю вонзился и нож Кирка.

Охотник победно воскликнул, резким движением вспарывая живот нарисованному врагу. В ответ из леса донесся горестный крик совы. Лесные духи их заметили...

— Пусть будет так, — прошептал Кирк. — Пусть наша охота будет удачной и рука моя не дрогнет...

Он чиркнул ножом по пальцу и дал нескольким каплям крови упасть на землю. То же самое сделала и Белка. Сова снова ухнула, а затем на фоне темнеющего неба скользнула бесшумная тень. Духи приняли жертву.

Костерок догорел. Белка залила угли водой — они зашипели, выдохнув облачко белого пара. Белка размешала золу в густую черную кашу. Зачерпнув ее пальцем, она провела черту ото лба до подбородка. Затем нарисовала под глазами два вытянутых черных треугольника. Лицо ее не стало похожим на морду волчицы. Но тем не менее...

Кирк ограничился парой неровных спиралей на щеках. Он уже не мог усидеть на месте — расхаживал вдоль опушки леса и ножом наносил удары невидимому противнику.

Белка глубоко вдохнула, чувствуя, как в груди разгорается охотничий азарт. Тень зверя, до поры заключенная в волчьем когте, вырвалась на свободу. Все тело звенело, только тронь, и она разлетится множеством мелких и острых осколков. Во рту держался странный привкус, будто она наглоталась крови и горячей каменной крошки.

Мир вокруг вдруг стал четче и ярче. Месяц засиял — аж больно глазам. Белка слышала каждый звук: плеск волн, шорох мыши, бегущей по мху, и мягкую поступь крадущейся следом куницы... Тяжелое дыхание Вурла и стук сердца Кирка.

Она дотронулась до фигурки медведя.

— Вурл, — зашептала Белка. — Ты чуешь след, чуешь запах крови... Иди по нему.

Медведь зарычал. Белка почувствовала, как ее азарт наполняет зверя. Вурл топтался на месте, когтями роя землю. Кровь... Густой запах крови, уводящий в лесную тьму...

— Иди, — прошептала Белка.

Неуклюже раскачиваясь, ломая низкие ветви и брусничник, медведь устремился по следу чудовища. Белка взглянула на Кирка.

— А теперь — вперед...

И она побежала. Легко и быстро, как волчица.

Охота за головами началась.

ГЛАВА 16

ОХОТА ЗА ГОЛОВАМИ

Она бежала, с каждым шагом чувствуя, как прогибается под ногами мягкая земля. Ветер свистел в ушах, но в то же время Белка слышала каждый звук окружавшей ее ночи. Деревья перешептывались на своем наречии, вскрикивала ночная птица, а за спиной громко дышал Кирк... Звуки казались такими плотными, словно Белка ощущала их кожей, каждым волоском на руках; бежала сквозь них, как сквозь облако тумана.

Впереди маячила темная фигура медведя, едва различимая в лесных сумерках. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, Вурл передвигался быстро; Белка никак не могла его догнать. И это при том, что девочка просто перепрыгивала через поваленные деревья на пути, а медведю приходилось через них перелезать.

Они бежали уже долго. Тонкий месяц за деревьями успел перелететь с одного края неба на другой. Однако Белка не чувствовала усталости. Дыхание было ровным, сердце ни на мгновение не забило быстрее. Ни боли в мышцах, ни мучительной рези в боку... Белка знала: усталость еще придет — но потом, когда все кончится. И если кончится. А сейчас она не думала об этом. Как не думала о том, откуда берутся силы и что будет, когда она достигнет цели. Она просто бежала. И впервые за долгое время чувствовала себя счастливой.

Белка ловко проскочила между двух сосен, росших так близко, что в другой раз она бы ободрала кожу. Когда бежишь, главное — позволить телу самому делать его работу. И тогда любые препятствия — деревья и кустарник, корни и ямы — уже не имеют значения. Белка схватилась за росший высоко гриб-трутовик

и, оттолкнувшись, перепрыгнула глубокий ручей. Могла бы и перекувырнуться в воздухе, если б захотела.

Впереди Вурл несколько замедлил бег; Белка разглядела просвет между деревьями. Они бежали по склону холма, а ближе к вершине лес заметно редел. По небу ползли темные лохмотья облаков.

Медведь зарычал, смотря вперед, и неожиданно остановился. Округлые уши были плотно прижаты к голове — зверь что-то учуял.

Белка втянула носом воздух. Так и есть: к смолистым и влажным запахам леса примешивался еще один — совершенно чужой здесь запах гари. Так пахнут угли старого костра... Не в силах остановиться, Белка упала на мох. Перекувырнулась и осталась сидеть, опираясь о землю двумя руками. Напряженная, как лесная кошка перед прыжком, готовая сорваться с места и снова бежать... За спиной послышался мягкий топот Кирка.

— Стой! — выдохнула Белка, поднимая руку.

Кирк остановился, жадно глотая воздух. Широкое лицо охотника блестело, длинные волосы и борода слиплись от пота. Белка махнула рукой в сторону просвета между деревьями.

Пригибаясь, девочка пробежала вперед. По краю леса густо разросся малинник, и что находилось за ним, было не разглядеть. Белка прислушалась — из-за кустов не доносилось ни звука. Зато отчетливее ощущался запах гари. Нет, совсем не костер... Пахло горелой кожей и раскаленными камнями.

Ухватившись за низкую ветку сосны, Белка подтянулась. Обдирая ногти, вскарабкалась по стволу дерева и посмотрела на небольшую поляну.

И едва не задохнулась от ужаса.

Страх липкой рукой, сдавил горло. Белка вцепилась в ветку до боли в ладонях. Она знала, что увидит Чудовище, и готовилась к этому. Но то, каким оказалось это Чудовище...

На склоне холма лежала громовая птица.

Огромная. Только сейчас, когда птица лежала на земле, Белка поняла, как та велика. Не просто больше мамонта — она могла

проглотить мамонта целиком. Еле сдерживая дрожь, Белка устоялась на грузное тело, наполовину зарывшееся в землю.

Птица лежала на боку, длинный хвост валялся шагах в десяти, тонкие крылья — изогнуты и переломаны. И такие маленькие крылышки поднимали столь огромную тушу? Колдовство — не иначе. Белка увидела пустую темную глазницу, из которой нелепой слезой свешивалось человеческое тело.

Она выдохнула. Спокойно... Вим же говорил, что эта птица — неживая. Всего лишь летающая лодка, пусть и очень большая. И нет смысла бояться обыкновенной лодки... Белка задумалась. Хозяйка Пауков сказала, что Белка знает убийцу навси и его ищет... Так значит, она говорила про громовую птицу? Ту самую, которая унесла кайя?

Белка подалась вперед. Кайя! Ее племя, ее род... Неужели она их нашла? Сердце затрепетало часто-часто. Нашла! Хранитель рода пришел к своим детям.

Однако рядом с птицей никого не оказалось. Если не считать тела, вываливающегося из глазницы. Человек висел к ней спиной, опустив руки, но Белка сразу поняла — он не из ее племени. Плотный и грузный, в странной одежде из черных шкур... Это был один из тех людей, которые забрали кайя; и он был мертв.

— Что там? — зашептал Кирк. — Оно здесь?

Чудовища Белка не увидела. Кто же тогда убил охотников-навси? «Люди в черных шкурах»? Но след, который она видела на берегу, не походил на следы, которые «люди в черных шкурах» оставили в селении кайя...

Она спрыгнула с ветки.

— Ну что там? — Кирк подошел ближе.

— Громовая птица. Мертвая.

Охотник покосился на зеленую стену.

— Ее убило Чудовище?

Белка пожала плечами и сжала рукоятку каменного ножа.

Страшно... Но она же кайя! В ее сердце не должно быть места страху. Нужно только выйти из леса и подойти к птице... И тогда

она узнает, что же случилось с ее племенем и где его искать. Это просто испытание, которое ей послали духи предков...

Белка проскользнула меж колючими и хлесткими ветвями малины и остановилась на опушке. Птица уставилась прямо на нее; в гладком вытаращенном глазу отражался месяц, точно кривой зрачок. Второй глаз был разбит и скалился кривыми осколками, похожими на клыки саблезубой кошки.

Вурл продрался сквозь кустарник. В длинной шерсти запутались листья. Белка немного расслабилась — когда медведь был рядом, она чувствовала себя заметно уверенней. Следом за зверем из леса вышел и Кирк.

К птице они приближались осторожно — короткими перебежками, пригибаясь к земле. Как охотники, подкрадывающиеся к добыче. Белка тяжело дышала, она была готова развернуться и бежать отсюда со всех ног. И тем не менее шла дальше.

Подойдя ближе, Белка заметила еще одного человека в черных шкурах. Раскинув руки, тот лежал в тени громовой птицы. Тоже мертвый — голова свернута набок, на лице застыла жуткая гримаса. словно перед смертью он увидел нечто настолько ужасное, что невозможно и вообразить.

Белка присела рядом с мертвецом, осматривая тело. Человек в черных шкурах, один из тех, кто забрал ее племя... Не такой уж он и страшный. Обычный человек, пусть и в странной одежде. Невысокий и светловолосый, какой-то рыхлый, будто тело изнутри набили мхом. Ладони его были пухлыми и гладкими, как у ребенка. Ни единой мозоли или шрама — будто ему в жизни не доводилось сжимать древко копья или точить каменный наколечник. И эти люди напали на ее селение? Охотники-кайя были и выше, и сильнее. Как же люди в черных шкурах смогли с ними справиться?

В округлом боку летающей лодки темнела прямоугольная дыра с ровными краями. Видимо, через нее люди в черных шкурах забирались внутрь. Белка поморщилась от едкого запаха гари и негромко крикнула цаплей — так кайя перекликались во время

Большой Охоты. Ответом была тишина. Белка снова вскрикнула, чуть громче... В тот же момент Кирк завопил в голос.

Белка подскочила, вскидывая нож. Вдоль позвоночника скользнула холодная и склизкая змея. Белка попятилась. Охотник стоял с открытым ртом, острый кадык дергался, будто из горла кто-то рвался наружу.

— Там, — дрожащим голосом сказал Кирк, указывая на громовую птицу. — Там кто-то есть. Призрак...

Белка повернулась и сама заметила движение. Существо с белым, как луна, лицом мелькнуло внутри птичьего глаза и исчезло. На Белку словно вылили бурдюк с ледяной водой. Она с криком отскочила, запоздало понимая, что бояться-то нечего. Белолицее существо в птичьем глазу снова появилось, но уже дальше, будто оно тоже испугалось и сбежало в темные глубины.

— Это... — Белка прикусила губу. — Это отражение. Как в ложке.

— Где?

Белка с опаской подошла к громовой птице. Существо с белым лицом шагнуло ей навстречу. Это была худая девчонка с лицом, вымазанным белой глиной и сажей, и волосами, заплетенными во множество тонких косичек.

— Как в воде, — сказала Белка, дотронувшись до глаза птицы. Ее пальцы и пальцы белолицей девочки встретились. Ничего не случилось.

Как в воде... Отступив, Белка подняла кривой осколок, вывалившийся из разбитого глаза птицы.

— А это лед, — сказала она.

— Лед? — удивился Кирк. — Тогда почему он не тает у тебя в руках?

Белка пожала плечами. Действительно — почему? Она повертела осколок в руках. Лед оказался совсем не холодным, чистым и прозрачным. И твердым, куда тверже обыкновенного льда. Белка попыталась сломать осколок; тут же вскрикнула и уронила его на землю. На пальце остался неглубокий порез.

Кирк метнулся вперед, поднимая нож; зарычал медведь.

— Он... Он укусил меня! — Белка слизала капельки крови.

— Призрак?

— Нет... Лед.

Белка оглядела разбросанные по земле осколки. Они влажно поблескивали в лунном свете. Лед, острый, точно лезвие ножа, и столь же твердый... Хозяйка Пауков же говорила: громовых птиц послала Владычица Льда. Только ей под силу создать лед, который режет пальцы и который не тает в руках.

Кирк обошел вокруг летающей лодки.

— Здесь нет Чудовища, — сказал охотник. — И нет Туа и Паки... Белка кивнула.

— Но оно здесь было, — Кирк указал на примятый мох. — А потом ушло в ту сторону...

Белка прошла вдоль громовой птицы, смотря под ноги. Следы чудовища уводили в лес на другом склоне холма. Но Белка искала другие следы — если здесь были кайя, то куда ушли они? Она так ничего и не нашла. Даже Вурл, к мыслям которого обратилась Белка, ничего не чуял.

— Оно ушло недавно, — сказал Кирк. — След еще свежий. Пойдем.

Белка держала фигурку: след, иди по следу... Вурл принялся, а затем неуклюже засеменял по склону холма.

Они снова бежали через лес, следом за медведем. Но что-то изменилось. Охотничий азарт не пропал, но отошел в сторону. Белка ловила себя на мыслях о громовой птице, о мертвых людях в черных шкурах и о пропавших кайя... Куда птица унесла ее племя? И как долго ей идти до земли Владычицы Льда?

Хозяйка Пауков сказала — предстоит долгий и трудный путь. Но насколько долгий? Хватит ли ей сил, пройти его до конца? Белка подумала о девочке, протягивавшей руку из глубин птичьего глаза. Она казалась такой маленькой, слабой и напуганной... Хватит ли ей сил?

— Оно здесь! — Кирк схватил ее за руку. Белка едва не упала. — Чудовище, — зашептал Кирк. — Слышишь?

Они стояли на краю оврага с крутыми глинистыми берегами. Внизу негромко журчала вода, шумели деревья, где-то далеко ухнула сова, а рядом ворчал медведь... Слышишь? Что именно она должна услышать?

— Там, — Кирк взмахнул зажатым в руке ножом.

Белка прислушалась к голосам ночного леса. И вздрогнула, сообразив, о чем говорит Кирк.

Из оврага доносилось тихое бормотание, словно кто-то спорил с журчащей водой. Звуки сплетались друг с другом, но стоило их вычленить, и становилось непонятно, как их можно было не заметить. Белке даже стало обидно, что первым бормотание услышал Кирк.

Белка осмотрела край оврага. Внизу поблескивал ручей, извиваясь меж острыми, как обломанные клыки, камнями. Ком глины сорвался из-под ноги и упал в воду. Белка напряглась, сжав рукоятку ножа. Однако бормотание не стихло — Чудовище либо не услышало всплеска, либо не обратило на него внимания.

— Склон слишком крутой, — еле слышно сказала Белка. — Вурлу не слезть.

Тут и человеку слезть сложно, куда уж неуклюжему медведю... Глина была холодной и влажной, как лягушачья кожа. Из земли торчали толстые корни, похожие на застывших червей.

— Значит, пойдем без него.

Кирк убрал нож за пояс. Помогая себе руками, он стал спускаться в овраг. Вниз скатилась еще пара комьев глины.

— Без Вурла? — Белка поежилась. — Но... Там Чудовище, которое убило твоих сородичей...

— Я знаю, — сказал Кирк. — И забрало их головы. За тем мы сюда и пришли.

— Без медведя с ним не справиться!

Кирк ослабился.

— Еще посмотрим. — Лицо его помрачнело. — Ты не должна идти со мной... Это не твоя охота. Жди меня тут, а если я не вернусь — возвращайся в Длинный Дом. Расскажи моему отцу, как все было.

Он посмотрел вниз. На лбу и висках блестели капли пота.

— Я кайя. И я дала слово.

Белка взялась за фигурку Хранителя рода.

— Оставайся здесь, — приказала она Вурлу. — Дальше я сама...

По тому, как медведь оскалил клыки, было видно, что идея ему не понравилась.

— Оставайся здесь! — повторила Белка, таким тоном, что сама вздрогнула. Медведь обиженно рявкнул. — Не бойся — со мной ничего не случится. Обещаю...

Не дожидаясь ее, Кирк спускался по склону, хватаясь за торчащие корни.

— Я скоро вернусь, — сказала Белка.

Она заставила себя улыбнуться и мысленно погладила Вурла по голове. Чувствуя ласку, медведь вытянул шею и заскулил.

Очень осторожно Белка стала спускаться вслед за Кирком. Скользкие корни прогибались под ногами, будто она ползла по лестнице из живых змей. Белка то и дело оступалась, еще чуть-чуть, и сорвется. Упадет на камни, и сильно повезет, если она только переломает кости. Изнутри овраг казался заметно уже. Словно стоило Белке слезть в него, и пасть земли стала закрываться, намереваясь поглотить незваных гостей.

Бормотание Чудовища не стихало. В темноте оврага казалось, что оно звучит отовсюду. И далеко и так близко, будто Чудовище шептало прямо в ухо. Вот только слов — не разобрать.

Кирк спустился к ручью и остановился по щиколотку в воде. Его била мелкая дрожь.

— Держись за спиной, — сказал Кирк, когда Белка подошла ближе. — Если что — беги не оглядываясь.

Белка промолчала. Кирк взмахнул ножом, рассекая темноту перед собой. Пригнувшись, он пошел против течения, туда, откуда все яснее и четче звучал голос Чудовища.

Вода в ручье оказалась настолько холодной, что обжигала сквозь одежду. Белка заметила маленькие льдинки, пляшущие на волнах. От стен оврага тянуло тяжелой сыростью. С каждым шагом они становились уже; в какой-то момент Белка поняла,

что, не сходя с места, может дотронуться до обеих. Небо превратилось в далекую темную полосу, которую Белка легко могла закрыть ладонью.

Неожиданно Кирк остановился. Белка чуть не врезалась ему в спину.

— Еще не поздно уйти, — сказал охотник.

Белка лишь отбросила косички с лица.

Кирк отступил, прижимаясь спиной к стене. Белка последовала его примеру. И отпрянула, заметив отпечаток на влажной глине. След огромной ладони с длинными и толстыми пальцами. На фоне этой ладони ее собственная казалась совсем крошечной. С такими руками Чудовище могло сжать ее голову одними пальцами и раздавить легко, как ягоду клюквы.

— Смотри, — шепнула она, указав на отпечаток.

Девочка поежилась — хорошо, что ее лицо вымазано белой глиной, и охотник не увидит, какая она бледная.

Крадучись, они продолжили свой путь под бормотание Чудовища. Может, оно и говорило на человеческом языке, но не на языке кайя и навси. Станные, непонятные слова... Они повторялись. Пять слов, по кругу, не менялась даже интонация. И к тому же — Белка удивилась, когда это поняла — голос был женским.

Овраг закончился внезапно. Только что они шли, прижимаясь к холодным скользким стенам, и вдруг оказались на каменистой площадке, на дне глубокой ямы с идеально гладкими стенами. Впереди, точно распахнутая пасть, темнел полукруглый вход в пещеру. Вытекающий из нее ручей походил на длинный извиляющийся язык.

— Паки и Туа, — выдохнул Кирк, — мы нашли их!

Над входом в пещеру возвышались две щербатые каменные плиты, заросшие клочьями склизкого мха. Третья плита, сломанная пополам, валялась поперек ручья. На ней и лежали головы охотников, смотря на гостей пустыми глазами. Длинные волосы слиплись от спекшейся крови.

Белка огляделась в поисках Чудовища. Голос доносился из пещеры. Значит, Чудовище там?

— Свет, — шепнул охотник.

Мог бы и не говорить. Белка и сама разглядела внутри пещеры слабое свечение. Голубоватые отблески отражались в темной воде. На костер не похоже...

— Может, забрать головы и бежать? — предложила Белка. — Наверху ждет Вурл, а ему под силу справиться с любым Чудовищем.

Белка надеялась, что именно так и будет.

— Не выйдет, — сказал Кирк. — Оно догонит нас раньше, чем мы успеем вскарабкаться наверх.

Он задумался.

— Я выманю его на себя. Дождись, пока оно нападет... Бей по ногам, чтобы перерезать сухожилия.

— Лучше в горло.

Кирк смерил ее взглядом.

— Не достанешь. А если перережешь сухожилия — сможешь убежать.

Белка оскалилась.

— Кайя не бегут от врагов!

Но Кирк уже шагал к пещере.

— Эй! — крикнул он. — Я Кирк, сын Кеттила, из племени навси! Ты убил моих сородичей, я пришел убить тебя!

Белка вжалась в стену. Сейчас... Мгновение, и Чудовище выскочит из пещеры, набросится на охотника. И тогда придет ее черед...

— Выходи! — Кирк запрыгнул на сломанную плиту.

Он взмахнул ножом. Однако Чудовище не появилось.

— Эй! — крик охотника заметался эхом. — Если ты не трус, выходи и сразись со мной!

И опять без ответа. Белка перебежала к каменной плите.

— Я Белка, — крикнула она. — Из племени кайя и рода Медведя. Сразись лучше со мной...

Она замолчала, всматриваясь в темноту пещеры.

Не было никакого Чудовища — великана с огромными руками. В паре шагов от входа стояла светловолосая женщина. Стройная,

высокая... Но не выше, чем обычный человек. Она не могла оставить те следы, которые они видели.

Женщина поднимала и опускала руку. Ритмично, без остановки... Тело ее светилось и было совсем прозрачным. И оно оказалось плоским, не толще листа дерева.

Белку прошиб холодный пот. Призрак... Самый настоящий, а не отражение. Здесь нет никакой ложки. Белка посмотрела на ее лицо...

Как бы то ни было, Белке удалось сдержаться и не закричать. Ей доводилось видеть вещи и пострашнее. Но сердце все равно затрепыхалось раненой птицей.

Лицо женщины было четко разделено напополам. Но если левая половина принадлежала обычному человеку, то правая представляла собой скалящийся череп. Женщина говорила — Белка видела, как шевелятся ее губы. Однако звук доносился со стороны, словно голос решил, что ему не место в этом плоском и светящемся теле.

Первым пришел в себя Кирк. Громко вскрикнув, он прыгнул, занося для удара нож. Женщина продолжала монотонно бубнить и размахивать рукой. Кирк налетел на нее... и пропал. Прошел сквозь плоское тело, как сквозь дым. Призрачная женщина уставилась прямо на Белку, но не видела ее. Взгляд — пустой и отстраненный.

Белка сжалась. Она кайя, она не побежит от какого-то призрака... Белка ударила женщину в грудь. Рука прошла сквозь светящуюся фигуру, но Белка ничего не почувствовала.

Она отскочила назад. И вовремя — из-за призрака вылетел Кирк, растрепанный и с перекошенным лицом. Он снова ударил женщину. Потом еще и еще... Каждый раз нож проходил сквозь светящееся тело.

Кирк попятился. По щекам охотника катились слезы. Белка опустила нож.

— Мы ничего не можем ей сделать, — проговорила она. Кирк продолжал наносить бесполезные удары. — Пойдем.

Она обернулась... И крик застрял в горле. Нож выпал из ослабевших пальцев.

У входа на площадку молча стояло Чудовище. Настоящее... Невероятно высокое, с огромными руками и вытянутой мордой. Под шкурой бугрились мышцы, точно тяжелые круглые камни. Даже медведю было бы сложно с ним справиться, а Белке с Кирком и подавно.

На плече у великана лежало человеческое тело, гигант лишь слегка придерживал его. Белка разглядела безвольно болтающуюся руку и длинные и спутанные светлые волосы...

Чудовище повернуло голову. Медленно, очень медленно... Блеснули маленькие глазки.

— Р-руу-уффа...

Голос, похожий на рокот камнепада, эхом заметался по оврагу.

Рууфа? Зайчиха? Белка уставилась на Чудовище, не веря глазам. Спутанные космы закрывали его лицо, он не походил на человека. И в то же время Белка узнала его.

— *ТОЙК?!*

Великан оскалил желтые клыки. А затем отшвырнул свою ношу и с ревом бросился на Белку.

ГЛАВА 17

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

— А про что *эта* песня?

Подперев подбородок кулаком, Аска смотрела на Вима.

Вим повертел в пальцах губную гармонику. Под внимательным взглядом девушки он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Вим вообще не любил, когда к его персоне проявляли интерес. Будучи Странником, он старался держаться в тени. Специфика профессии: его задачей было наблюдать и изучать, и Вим терялся, когда начинали изучать его самого.

— Ну, — протянул он. — Просто песня. Про людей, которые... м... плывут на каноэ.

— Как навси?

— Вроде того, — усмехнулся Вим. — Только каноэ у них особенное.

— Правда?

— Ага. Оно желтое. А еще оно плавает под водой... Ну, как рыба.

Аска захлопала ресницами.

— Желтое каноэ, которое плавает под водой?

— Точно.

— И эти люди, они в нем плывут?

— Хуже, — сказал Вим. — Они в нем живут.

Аска обдумала эту мысль.

— Как же... — она запнулась. — Наверное, это очень мокрые люди!

Вим хмыкнул. Молодец девчонка, зрит в корень. Он поднял гармонику и еще раз сыграл припев «Yellow Submarine» — песни про очень мокрых людей.

Они сидели на помосте перед Длинным Домом и смотрели на закат. Солнце скрылось за краем озера, и горизонт пылал оттенками багряно-рыжего и темно-лилового. Словно где-то далеко разгорался немыслимых размеров пожар. Вода сверкала расплавленным золотом и медью. Красиво... Дикий первозданный мир и краски здесь были яростными и чистыми.

За спиной пробежал охотник-навси — крепкий мужчина, с растрепанной бородой. Он грозно помахивал узловатой палицей, но выражение лица было испуганным. Длинный Дом кипел как муравейник, тревожное ожидание звенело в воздухе. Все бежали, суетились, о чем-то перешептывались... Но никто толком не понимал, что, собственно, происходит.

— Навела старушка шороху, — пробормотал Вим.

— Матушка Ши мудрая, — сказала Аска. — Иногда, через нее говорит Хозяйка Пауков.

— Хозяйка Пауков? Та самая, к которой отправилась моя Белка?

Аска кивнула. Вим уставился на сверкающее озеро.

— Хотел бы я знать, как она... Не нравится мне ваша Хозяйка Пауков, от особы с таким прозвищем жди беды.

Он сыграл вступление к «Octopus Garden». Осьминоги, конечно, не пауки, но ног ведь тоже восемь. Брр...

— А она твоя жена?

— Кто? — растерялся Вим.

— Белка. Девочка-кайя.

— Жена?! — Вим фыркнул. — Да она же совсем ребенок! Ей бы в куклы играть.

— Она не ребенок, — сказала Аска. — Пусть она и не обрела имени, она уже давно не ребенок.

— Ну... Иногда и мне так кажется, — задумчиво проговорил Вим. — Но все же... Жена! Скажешь тоже. Нет. Но я чувствую, что за нее в ответе. Она, конечно, слишком взрослая, чтобы быть моей дочерью, но что-то похожее... Мы встретились случайно, но такие встречи случайными не бывают.

— Она вернула тебя из мира мертвых, — сказала Аска, смотря на воду.

— Правда?

— И залечила твои раны, — сказала Аска.

Вим нахмурился. Значит, залечила раны? Он помнил, что сломал руку — боль врезалась в память раскаленным клеймом. Сейчас же от перелома не осталось и следа. Не так долго он был без сознания, чтобы кость успела срастись сама собой.

— Ясно. — Вим задумался. — А девчонка полна сюрпризов.

— Аска! — Из Длинного Дома показалась женщина. — Отец зовет тебя.

Девушка вскочила и быстрым шагом направилась к входу в зал. Вим проводил ее взглядом. Красивая она, эта дочь вождя... Даже непричесанная и неумытая, а может, это как раз и подчеркивало ее красоту. Вим подумал, что прежде ему не доводилось видеть настолько синих глаз — цвета Эгейского моря солнечным днем. Интересно, с чего ее взволновало — жена ли ему Белка или нет?

Аска обернулась на пороге. Заходящее солнце заблестело в длинных волосах. Вим помахал ей гармоникой. Девушка улыбнулась и скрылась в Длинном Доме. Вим же принялся наигрывать «Here comes the sun» — самая та песня, когда смотришь на закат.

Рядом кто-то остановился. Подняв голову, Вим увидел одного из мужчин-навси — того самого косоглазого типа, который сравнил игру на гармонике с кваканьем лягушки. Лорхи, кажется... Выглядел он на удивление угрюмо.

— Привет, — шурясь, сказал Вим.

Смотреть на лицо Лорхи было сложно. Вим поймал себя на мысли, что ему хочется отвести взгляд.

— Это моя женщина, — сказал косоглазый.

— Что?

— Я убил трех медведей, — заявил Лорхи таким тоном, будто это все объясняло.

— Поздравляю, — сказал Вим. — И съели их кашу? Я, кстати, знаком с одним медведем... Хороший парень, хоть и прожорливый слишком. Вообще медведи очень умные создания. Они на велосипеде ездить умеют и на мотоцикле. Вот ты умеешь ездить

на велосипеде? То-то же! Подумай об этом, когда будешь в следующий раз размахивать каменным топором.

Из горла Лорхи вырвался булькающий звук. Он хотел что-то сказать, но слова, испугавшись Вимова красноречия, поспешили спрятаться поглубже. Лорхи отступил на полшага; и без того перекошенное лицо скривилось в злой гримасе. Вим улыбнулся, как он думал — вполне дружелюбно. Но щеки Лорхи вспыхнули пунцовым.

— Это моя женщина, — повторил косоглазый, проговаривая каждое слово. — И не думай к ней приближаться.

— Хм... — Вим задумался. — Я просто хочу уточнить: ты мне запрещаешь? Не курить, по газонам не ходить и так далее?

На лице Лорхи отразилось замешательство.

— Ага, — проговорил Вим. — Так я и думал. Терпеть не могу запрещающие таблички. Они наводят на меня тоску; будто я сам не знаю, что хорошо, что плохо, что можно делать, а чего нет. Ты уж извини, но давай я буду сам решать, к кому мне приближаться, а к кому не стоит? Вот к голодной гиене приближаться не следует — так по ней это видно. Зачем же вешать на дерево табличку «дерево»? Но по Аске — ты ведь о ней говоришь? — видно обратное: к ней приближаться очень даже стоит.

Лорхи потребовалось не меньше минуты, чтобы обдумать все, что наговорил Вим. Просто диву даешься, каким мучительным порой бывает мыслительный процесс. Лорхи сжимал кулаки, открывал рот, переливы краски на его лице могли поспорить с закатом. Вим испугался, что охотника хватит удар. Лорхи выдохнул — звук был, словно закипел чайник.

— Так, значит...

Вим развел руками и улыбнулся. Лорхи топтался на месте, не понимая, что же делать дальше. Он был готов наброситься на Вима с кулаками и в то же время не решался сделать шаг. Улыбка — страшное оружие. Никогда не знаешь, чего ждать от человека, который улыбается тебе прямо в лицо. В конце концов Лорхи сплюнул под ноги и удалился в сторону мужской половины Длинного Дома.

Вим покачал головой. Неприятный тип... С этим парнем стоит держать ухо востро.

Вим потянулся до хруста в спине. Не сказать, чтобы он чувствовал себя полным сил, но куда лучше, чем после пробуждения. Слабость отступила, и по крайней мере его уже не мутило. Сейчас не помешала бы сигарета... Но его вещи пропали. Видать, покоятся на дне озера: рюкзак, спальный мешок, котелок, ложки, нож и топор... Осталась только губная гармоника. Не много. Но если подумать — и не мало.

Мимо прошла женщина, прижимая к груди заплаканного младенца. Бросив на Вима испуганный взгляд, она скрылась в Длинном Доме. Интересно, кого же ждут эти навси? Кто сюда идет и кого стоит бояться?

После бессмысленных по сути пророчеств старуха так и не пришла в себя. Сейчас она лежала, укрытая шкурами, на полу в главном зале. Рядом с ней неотступно сидели две женщины, но матушка Ши лишь пялилась на потолок и тяжело дышала. Когда ее попытались напоить, то чудом не утопили; тщательно пережеванное мясо вываливалось из рта.

Вим прошел в главный зал. Пока он болтал с Лорхи, здесь собирались практически все навси. Тихо переговариваясь, люди устраивались на шкурах вдоль стен. Прямо у входа один из охотников осматривал копье, проверяя, крепко ли наконечник держится в древке. Трещал костер в центре зала; в пустых глазницах черепов вспыхивали огоньки. Вим посмотрел на длинные тени на стенах. Жутковатое местечко... Тут самые нелепые пророчества покажутся важными и значимыми.

Он нашел взглядом Аску. Девушка сидела на коленях перед отцом, держа его за руку. Старый Кеттил не шевелился; взгляд был устремлен куда-то вдаль. Слово старик уснул, но по забывчивости не закрыл глаза. Вим заметил, что левая рука Кеттила сжата в кулак. Ага...

— Что встал на пороге? — Кто-то грубо толкнул его в спину. — На что уставился?

Лорхи прошел в зал, демонстративно помахивая толстой дубинкой. Вим закатил глаза.

Старый вождь вдруг дернулся, будто его ударило током. Он откинулся назад, и показалось, что его тело вот-вот развалится на части, как истлевший скелет. Впрочем, ему повезло — Аска придержала отца за плечи. Кеттил вдохнул, будто пытался целиком проглотить крупную сливу, и разжал кулак. Блеснул серебристый металл.

Вим не успел разглядеть артефакт — старик спрятал фигурку под одеждой. Он смотрел на свои колени, рогатый шлем сполз на переносицу.

— Я видел, — сказал Кеттил, не поднимая головы.

Редкие голоса в зале разом стихли. Навси, затаив дыхание, уставились на старика.

— Я видел его, — сказал Кеттил. — Он идет через тростник... Скоро...

На лице, желтом как свечной воск, проступили красные пятна. Каким бы ни был его артефакт, скоро он сведет старика в могилу. Еще одна причина, по которой Вим старался держаться от предметов подальше: слишком уж велика цена, которую приходится платить.

— Кто? Кто идет? — Аска вцепилась в плечо отца.

Старик молчал, словно не мог заставить себя произнести слово.

— Троль, — наконец проговорил он. — Он пришел за мной из Черной Башни... Он хочет вернуть то, что забрали у него.

Вим насторожился. Троль из Черной Башни? Если старик говорит про Хихикающего Демона, тогда им не позавидуешь... Но это невозможно! Демон не выжил бы далеко от Башни. На то и страж, чтобы охранять, а демоны были идеальными стражами. Скорее Луна упадет на Землю и взорвется Солнце, чем кто-нибудь из них покинет свой пост.

— Но он не получит ничего, — сказал старик. — Снорри Йохансон положил жизнь, чтобы добыть эту вещь. Я не отдам ее какой-то болотной твари... Я буду драться. Ха! Боги смилоствовали, они послали мне врага.

— Отец, — зашептала Аска. — Ты не можешь драться! Ты стар и... Мы все здесь, все навси — мы защитим тебя.

— Молчи! — Кеттил оттолкнул дочь. — Молчи, ты не понимаешь, о чем говоришь. Несите мое оружие, я должен подготовиться к битве.

Аска отступила, покусывая губы. Старик оглядел свое племя. Взгляд остановился на Виме.

— А, скальд... Подойди ближе... Все же не зря боги привели тебя сюда...

— Правда? Ну, мне тоже так показалось... — Вим прикусил язык.

— Я хочу, чтобы ты сложил песню, скальд, — сказал Кеттил. — Хорошую песню о моей последней битве. Песню, которую будут помнить мои внуки и внуки моих внуков...

— Последней? Э... Я бы не стал торопить события. Может быть...

— Нет, скальд. Если боги сменили гнев на милость — *эта битва* будет последней. Теперь я искуплю свой позор. Боги послали врага, от которого я бежал, и кровь смоем мою вину... Они привели скальда, чтобы он сложил песню об этой битве...

Вим промолчал. Кеттил закашлялся — громко и сильно, того и гляди, выхаркает легкие. Но на его лице застыло отрешенно-мечтательное выражение. Подошла Аска и положила на колени отца длинный предмет, завернутый в облезлые шкуры. Кеттил протянул руки.

— Так давно... — голос его дрогнул. — Так давно я не сжимал рукоять меча... Но пришел срок.

Он бережно развернул шкуры. Вим подался вперед, разглядывая клинок.

Оружия Вим не любил, но признавал, что есть в нем своя, особая красота. Здесь не важны отделка или украшения, хороший клинок красив сам по себе. Меч — это больше, чем просто длинный заточенный кусок железа. Что-то заставляет думать о нем, как о живом существе. Мало что еще из сделанного руками человека обладает подобными свойствами. Только музыкальные инструменты и, быть может, книги.

Этот меч был стар, как и его хозяин. Стар и болен. Обычный норманнский клинок, без гарды и с рукоятью, обмотанной

потертой кожей. Но на шербоatom лезвии темнели пятна ржавчины. Когда-то грозное оружие выглядело теперь так, словно только тронь, и оно развалится на части.

— Старый друг. — Кеттил склонился над мечом. — Вот и пришел наш черед...

Кеттил погладил рукоять, как любящий хозяин верного пса.

— Негоже тебе ржаветь. Нас ждет схватка. Наша последняя великая схватка.

Длинные пальцы сомкнулись на рукояти. Кеттил поднял меч, любуясь отблесками пламени на клинке. В рогатом шлеме, с всклокоченной бородой и оружием в руках старик в самом деле смотрелся воинственно и грозно. Прямо иллюстрация к Старшей Эдде. Но Вим заметил, что простое движение потребовало заметных усилий. По виску Кеттила поползла капелька пота... Как же он собирается сражаться? Вряд ли ему хватит сил даже на один достойный взмах мечом. Ребенок с палкой и тот смог бы его победить.

Видимо, мысли были написаны у Вима на лице.

— Думаешь, я не смогу с ним справиться? — проговорил Кеттил. — Думаешь, я стар и больше не могу сражаться? Не бойся, скальд... Боги послали мне врага, значит, дадут и силу рукам. Я убил дракона, справлюсь и с троллем...

Старик пнул череп ящера у себя под ногами. Тот не шелохнулся, зато лицо Кеттила скривилось.

— Дракона, — проговорил Вим, глядя на череп. — Должно быть милая зверушка... Где вы его вообще нашли?

Плечи Кеттила опустились. Он заговорил, но голос звучал тихо, как шелест перелистываемых страниц. Вим нагнулся, чтобы лучше слышать.

— Давно это было... Далеко на северо-западе есть горная долина. Волшебная страна, благословленная богами... Там не видно солнца, но светится само небо. И даже зимой там тепло, как самым жарким летом. Там всегда цветут цветы, а деревья дорастают до самого неба...

Старик глубоко вздохнул.

— Там растут яблоки, сладкие как мед, а вода в ручьях чиста, точно слеза... Должно быть, сама Идунн сошла там на землю.

— Страна вечного лета? — пробормотал Вим. — Интересно...

Старик же продолжил:

— Я видел город — его стены сверкали чистым золотом... Я видел башни из горного хрусталя — глаза болели от их красоты...

— О-па! — восторгнулся Вим. — А кто жил в том городе? Полагаю, чудесная королева? Женщина неопишуемой красоты и живое воплощение богини Вечной Молодости?

Историй про подобную чудесную страну он слышал множество. Расхожий мотив, кочующий из одной легенды в другую: Земля Вечного Лета и Вечной Молодости. Названий у нее хватало — Авалон, Хай Бразил, Опар и Пеллюсидар, в конце концов... Но впервые Вим видел человека, который лично там побывал.

— Может, и так, — сказал Кеттил. — Я же не попал в тот город.

Вим удивленно приподнял бровь.

— А что так? Не пустили? И кто — Страж с Пламенеющим Мечом?

Предположение, конечно, безумное, но мало ли...

Кеттил уставился на ладони, сжимавшие рукоять ржавого меча. Все-таки старик и клинок стоили друг друга. Давно подмечено — личность хозяина накладывает отпечаток и на его вещи. Но из всего, что имелось у Кеттила, меч взял именно его старость.

— Много дней я шел к тому городу, но не приблизился ни на шаг, — продолжил Кеттил. — Он был близко, я видел его золотые стены за деревьями. Мне казалось: еще немного, и я дойду... Я бежал и шел, я падал от усталости и пытался ползти. Но город был недостижим... Мне пришлось повернуть назад. Я ушел из той долины и больше туда не возвращался...

— А дракон? — напомнил Вим.

Кеттил усмехнулся, поставил ногу на череп.

— Дракона я встретил в долине — не иначе, он охранял пути к Золотому Городу. Эта тварь напала первой. Поди, думала, я буду легкой добычей... Но я принял бой и победил! Мы победили...

Кеттил провел ладонью по лезвию меча. Губы растянулись в мечтательной улыбке.

— Мило. — Вим задумался. — Наверное, мне показалось, но, по вашим рассказам, та долина была довольно приятным местечком. Благословленная богами, так? Молочные реки, кисельные берега и прочие радости. А тут нате — живой тираннозавр... Дракон, в смысле.

— Где благословение, там и проклятье, — сказал Кеттил. — У монеты всегда две стороны...

— И что же было на обороте?

— В долине жили чудовища. Я видел стрекоз больше человека... Огромных червей с тысячью ног и муравьев размером с лисицу. Я видел ящериц выше деревьев и птиц, способных разорвать на части дикого быка... О нет, путь к Золотому Городу был непрост. Я шел, мечом прорубая себе дорогу, я глядел смерти в глаза... Да без толку!

Один из навси подбросил в костер сухих веток, пламя взметнулось до потолка. Красные огоньки сверкнули в пустых глазницах черепа ящера. По ржавому клинку скользнула багряная волна — будто меч на коленях старика вдруг загорелся.

— Как же давно это было... Так давно, что я стал забывать, как надо держать оружие. Похоже, боги решили мне напомнить...

Старик усмехнулся, показав гнилые зубы. Аска поправила на плечах отца тяжелую медвежью шкуру. Остальные навси завороженно смотрели на вождя, хотя наверняка не раз слышали эту историю.

Значит, на северо-западе... Земля Вечного Лета, Золотой Город и джунгли с динозаврами и прочей живностью, вымершей миллионы лет назад? Еще один вопиющий анахронизм и еще один кусочек в общую мозаику.

— Просто из любопытства, — сказал Вим, наклоняясь к старику. — Вы сказали, что видели, как тролль идет сквозь тростник...

Кеттил поднял меч.

— Видел, — кивнул он. — Огромный как ель, он идет, ломая стебли. И скоро будет здесь.

— Но как вы его увидели? — Вим прикусил губу. — У вас ведь есть артефакт?

— Что?

— Небольшой предмет из серебристого металла, — пояснил Вим. — Фигурка животного, которая... Скажем так: она дает вам способности, необычные для человека.

От него не скрылось, как напрягся старик. Однако Кеттил промолчал.

— Могу предположить, что это «Ворон», — сказал Вим. — Он позволяет увидеть то, что происходит в другом месте. Путешествия не сходя с дивана... Ну, в вашем случае — с ложа со шкурами.

— Ворон. — Кеттил смотрел за спину Вима. — Священная птица Одина. Ворон, который говорит отцу богов о том, что творится на земле...

— Я угадал? — торжествующе прошептал Вим.

— Ты странный скальд, — протянул Кеттил. — Ты ведь знаешь куда больше, чем говоришь... А говоришь ты много.

— Стараюсь, — развел руками Вим.

Старик усмехнулся. Левая рука его скрылась в складках одежды.

— Ты прав, — сказал он. — У меня есть такая фигурка. Снорри Йохансон добыл ее в Черной Башне, вырвал из лап тролля. И он отдал ее мне, прежде чем отправился в чертоги Одина.

Кеттил разжал пальцы.

— Смотри.

В отблесках костра серебристый металл на морщинистой ладони выглядел раскаленным докрасна. Птица... Но это оказался вовсе не «Ворон». Округлая голова, крючковатый клюв и огромные глаза. Крылья птицы были прижаты к телу, а над головой торчали остренькие «ушки».

— Сова?

Кеттил кивнул, пряча фигурку.

— А совы не то, чем они кажутся, — пробормотал Вим. — И какие же способности дает этот чудесный предмет?

— Я вижу, — сказал старик после небольшой паузы. — Только чужими глазами. Глазами оленя в лесу и выдры под водой,

глазами ястреба в небе и утки в тростнике. Вижу все, что видят они...

— Неплохо. И таким образом вы увидели «тролля»? Чужими глазами?

— Он испугнул цаплю. — Кеттил сжал рукоять меча. — Я давно знаю эту птицу, у нее гнездо недалеко от Длинного Дома.

Собрав силы, Кеттил поднял оружие, поднеся лезвие прямо к глазам. Аска поддержала его за локоть. Опираясь на руку дочери, старик поднялся и сошел с помоста — Вим готов был поклясться, что слышит скрип костей. Медвежья шкура упала, закрыв череп динозавра.

— Совсем рядом...

В то же мгновение послышался треск. Словно ураган пронесся над Длинным Домом, срывая тростниковую крышу. Вим увидел темное небо. И тут же кто-то очень большой с грохотом спрыгнул сверху. Следом ворвался холодный ветер. Пламя костра испуганно заметалось.

Существо приземлилось на корточки и осталось сидеть, низко опустив голову и не издавая ни звука. Сказать, что оно было просто большим... Даже сидя оно было выше любого из навси в зале. Как-то Вим видел в зоопарке гигантскую гориллу, но рядом с этим созданием она бы выглядела не больше мартышки.

Троль... Великан-людоед собственной персоной. Вим выдохнул сквозь зубы. Страха он не испытывал — слишком велико оказалось удивление. И любопытство. Это же великан! Не просто высокий человек, а самый настоящий, из сказок и легенд. Значит, они существовали на самом деле! Как он и предполагал... За каждой сказкой что-то стоит. Всегда.

Великан оглядел уставившихся на него людей. В черных глазах отразилось пламя — точно огонь вспыхнул внутри. Грубое лицо гиганта больше походило на звериную морду с вытянутой челюстью и скошенным лбом. За толстыми оттопыренными губами виднелись желтые клыки. В то же время, назвать это существо животным язык не поворачивался. Слишком много в нем было и от человека. Похоже, это был какой-то близкородственный вид,

вымерший на заре цивилизации, не оставив других следов, кроме как в мифах.

Тело великана блестело от воды. Костер полыхал, и гиганта окутало облако пара. Он встал; на спине вздулись мышцы — еще чуть-чуть, и кожа попросту лопнет. Большой, грузный... Вим не представлял, как столь огромное существо смогло незамеченным прокрасться к Длинному Дому и залезть на крышу.

И в тот же момент у Вима глаза полезли на лоб. Над бровями великана алел бугристый шрам, едва прикрытый спутанными волосами. Крышку черепа удерживали блестящие металлические скобы. Столь явные и грубые следы трепанации Вим видел разве что на иллюстрациях к «Франкенштейну». Для полноты картины не хватало только штырей, торчащих из шеи.

Великан зарычал, широкие ноздри раздувались с каждым могучим вдохом. Никто даже не вскрикнул, но эта тишина звучала куда страшнее самых пронзительных воплей. Охотники жались к стенам, выставив копыя, и не думали нападать на чудовище. Ужас мертвой маской застыл на лицах навси.

— Ты пришел... Поганое отродье бездны, — слышался голос Кеттила.

Взгляд великана остановился на старике. Скаля клыки, гигант громко выдохнул: словно из огромного котла спустили пар. Скобы, удерживающие крышку черепа, мелко дрожали; того и гляди, начнут отлетать в стороны. С усилием великан поднялся на ноги. До чего же огромный... Макушка его доставала до потолка Длинного Дома.

Отдать должное, Кеттил не отступил ни на шаг. А может, ему просто не хватило сил... Держа меч двумя руками, он выставил его перед собой.

— Я готов, — прохрипел старик. — Ты пришел за мной, поганый тролль, порождение Хельхейма... Но мои руки способны держать оружие, и я ждал эту битву...

На лице великана появилось мучительное выражение, будто слова Кеттила причиняли ему физическую боль. Не столько их значение, сколько сам звук человеческой речи. С огромным

трудом Кеттил шагнул к гиганту. Проклятье... Толку от меча — с тем же успехом Кеттил мог выйти против чудовища и с мухобойкой. Навси же не спешили ему на помощь.

Вим быстро огляделся. Нападать на гиганта с голыми руками — далеко за гранью самоубийства. Если только вырвать копье у одного из навси... Ближе всех стоял косоглазый Лорхи. Лицо охотника было землисто-серым, руки тряслись — каменный наконечник копья дрожал, как лист дерева во время урагана.

Вим бросился к Лорхи и схватился за древко. Дернул, но охотник сильнее сжал пальцы. Отобрать у него оружие было не легче, чем вырвать спасательный круг из рук утопающего. Лорхи затравленно глянул на Вима и повернул древко копья, выкручивая ему руки. Не устояв на ногах, Вим упал на колени.

Кеттил шел пугающе медленно, воздух вокруг него сгустился, как сметана. Шаг, еще один... Клинок дрожал в слабых руках. Но в то же время старик улыбался — торжествуя и зло.

Аска громко вскрикнула. Великан рывком повернулся в ее сторону.

— Ж... жен... щина...

Голос великана звучал одновременно хрипло и визгливо. Как скрип гвоздя по стеклу: от одного звука мороз по коже. Проклятье... Эта тварь еще и разговаривает! Не обращая внимания на приближающегося старика, великан шагнул к девушке.

— Жен... ина...

— Сражайся, тролль!

Кеттил все-таки нашел силы занести меч. Но и только. Великан взмахнул рукой, будто отгонял назойливую муху. От удара старика подбросило в воздух. Он отлетел к стене, где и остался лежать, не подавая признаков жизни. Как марионетка, которой перерезали нити. Беспольный меч упал на пол.

С громким рыком великан прыгнул к девушке. Схватил ее поперек тела и поднял высоко вверх — легко, точно тряпичную куклу. Аска с криком забилась, размахивая руками и ногами, но вырваться из хватки гиганта не могла.

— Же... ина, — пророкотал великан. — Мой...

Развернувшись, он затопал к выходу. Никто не попытался его остановить. Пламя костра металось; огонь перекинулся на упавший с крыши тростник, разгораясь сильнее и сильнее. Уже тлели шкуры на полу, слышался запах едкого дыма. Чудовище протопало прямо через костер, раскидывая угли. Багровые искры разлетелись по залу.

Вим кинулся к мечу.

— Стой!

Крик Аски звенел в ушах, в мире не осталось других звуков. На долю секунды Вим поймал молящий взгляд девушки. Аска подняла руку, пытаясь до него дотянуться...

Вим рванулся вперед, зацепился за что-то ногой и полетел лицом вниз. В голове взорвалась петарда, разбрызгивая разноцветные искры.

Задышавшись, Вим на карачках пополз следом за чудовищем. Он успел увидеть бледное лицо Аски, мелькнувшее в проеме двери. А затем послышался громкий всплеск...

Когда Вим выбрался из большого зала, на причале уже никого не было. Лишь лодки-лебеди укоризненно покачивали головами. Вим поднялся. Голова кружилась, в ушах стоял звон. Шатаясь, точно пьяный, он шагнул к краю причала.

Проклятье... Куда они могли подеваться? Уплыли? Но вода озера была гладкой — ни волны, ни тени. Бездонное черное зеркало...

— Аска! — крик заметался над озером. — Аска!!!

За спиной разгоралось пламя.

ГЛАВА 18

ЛОГОВО ВЕЛИКАНА

Белка не могла пошевелиться. Она стояла и смотрела, как великан бежит, вытянув огромные руки. Кожа его блестела, с клыков капала слюна, глаза налились кровью. Ее дух словно обратился в птицу и выпорхнул из тела. В крошечную пичужку, неспособную даже кричать. Белка знала, что великан бежит на нее очень быстро... В то же время он двигался странно медленно, будто плыл под водой.

Тойк... Не может быть! Тойк — глупый, жадный, вредный мальчишка. Толстый, неуклюжий — да; худший из кайя. Белка терпеть его не могла, но он был ее сородичем. Он же кайя, человек! Человек, а не лохматое чудовище с оскаленной пастью. Так не бывает...

Но это был именно Тойк. Белка ясно видела это, словно огромный рост, клыки и вытянутая морда — не более чем раскраска, нанесенная на тело. Узор из сажи, охры и глины, который достаточно смыть водой, и откроется настоящее лицо. Тойк... Что с ним произошло? Как он превратился в Чудовище?

Наперерез чудовищу бросился Кирк. Длинные волосы охотника развевались, в руке блеснул нож. Наверное, он кричал — рот охотника был широко открыт. Но уши Белки будто заткнули мхом. Она не слышала ничего, кроме глухих ударов собственного сердца. Кирк поднял нож, метя в живот великана.

— Нет... — беззвучно произнесла Белка. — Не делай этого! Он тебя...

Тойк схватил Кирка за запястье. Легко, безо всякого усилия он подбросил охотника высоко вверх. И тут же перехватил за ноги.

Нож выпал. Кирк замахал руками, хватаясь за воздух. Белка увидела перекошенное лицо, удивление и ужас в глазах охотника...

— *НЕТ!*

Она рванулась к охотнику. Земля двинулась ей навстречу, и Белка поняла, что падает... Нет...

Раскрутив Кирка над головой, великан швырнул тело на каменную плиту. Что-то теплое брызнуло Белке в лицо и на руки. Она успела увидеть взорвавшееся облако красных капель. Успела закричать — визг застыл на пронзительно громкой ноте.

А потом время решило разом наверстать упущенное. Тело Кирка, похожее на комок окровавленного мха, отлетело от плиты. На камне осталось темное пятно. Белка почувствовала сильный толчок в грудь. Ее подбросило в воздух; земля, небо завертелись в безумной пляске...

...Все.

Пламя скакало по сухим веткам костра, на стенах пещеры извивались длинные тени. Пещеры? Охотник, грубо нарисованный охрой, вонзил копьё в загривок оленя. Ноги животного подкосились, и, перекувырнувшись, олень упал. Спустя мгновение, он вновь бежал, а охотник поднимал копьё для удара. Вереница бизонов брела меж красно-коричневых отпечатков ладоней.

Вот оно что... Пещера Вечной Охоты. Белка вдохнула сухой холодный воздух. Боль? Слабая и далекая, она накатывала волнами и отступала. Ритмично, раз за разом.

Тело казалось удивительно легким, словно под кожей не было ни костей, ни мяса — одна пустота. Подуй ветер, и ее унесет, как сухой лист. Вот только куда? В пещере не было ни входа, ни выхода. Одни каменные стены... И рисунки, одновременно меняющиеся и неизменные.

Белка пригладила растрепавшиеся косички. На виске пульсировала вена, будто мелкая птица стучала по голове острым клювом. Не столько больно, сколько назойливо и неприятно. Белка застонала.

Итак, она снова здесь. И, похоже, уже навсегда. Страха Белка не испытывала. Вместо него было лишь гнетущее чувство вины

и обиды. Она ведь ничего не сделала... Она не получила имя и не нашла свое племя.

Или же нашла? Белка поморщилась, когда перед мысленным взором появилась чудовищная морда великана: оскаленная пасть, пена на клыках... И ужас. Дикий ужас в глубине глаз. Будто великан испугался ее во много раз больше, чем она его.

Чудовище и в то же время ее сородич, Тойк. Не важно, что с ним случилось и как он изменился, — он оставался кайя. Даже призраки и оборотни помнят, из какого они рода, и стремятся вернуться к своему племени. Помнил это и Тойк, он ведь узнал Белку. Узнал и испугался — она напомнила ему, кто он такой. Поэтому он убил ее, как убил Кирка.

Белка вздрогнула. Раз охотник погиб, значит, он должен быть здесь? Но Кирка не оказалось. Видимо, пещера предназначалась для кайя, навси же отправлялись в земли предков своими путями.

Белка подумала об охотнике, вспомнила его добрые глаза и жизнерадостную улыбку, то, как они бежали через лес, по следу Чудовища... Сердце сдавила щемящая тоска. Глаза защипало. Только не надо плакать, кайя не плачут... Они еще встретятся на равнинах Вечной Охоты. Если только она сможет туда попасть.

Белка протянула руки к огню и не ощутила ни жара, ни тепла. Между пальцами искрился иней. Белка подышала на них, но дыхание было холодным.

— Ну и где ты шлялась?

Белка не заметила, когда и откуда появился Оолф. Старый знахарь устроился перед костром, напротив Белки. Хмурил кустистые брови, глядя на воспитанницу. Вид у него был весьма недовольный.

— Я...

Знахарь поворошил костер корявой веткой. Отпрянул от поднявшегося снопа искр. Пламя затрепыхалось на ветру, которого в пещере не было и не могло быть. Оолф цокнул языком.

— Что за привычка навещать старика тогда, когда собираешься умереть?

— Но... Я же...

— Пф-ф-ф! — выдохнул Оолф.

Белка прикусила язык.

— Вечно ты куда-то спешишь, — сказал знахарь. — Успеешь еще умереть. Никуда твоя смерть от тебя не сбежит.

Значит, не умерла? Еще... Белка посмотрела на свои руки, тонкие и сильные пальцы. Иней желтыми искорками сверкал на ногтях. В кожу вонзились крошечные иголки. Искрящаяся пленка ползла по ладони, поднимаясь выше и выше...

— Ты это брось! — резко сказал Оолф. Он ударил ее палкой по пальцам. Больно.

— Ай!

Белка замахала рукой. Ледяные блестки разлетелись, она стряхнула их, точно капельки воды. Ладонь обожгло.

— Ишь, чего удумала! — голос Оолфа дрожал от возмущения. — Думаешь, так будет легче?

Белка всхлипнула. Ладонь жгло; Белка с силой сжала запястье, но помогло мало.

— Ну надо же! — Оолф поворошил костер. — Куда ты собралась — без имени, без племени? Разве для того тебя выбрали предки, чтобы ты сбежала, не пройдя и половины пути? Или ты нашла наш род?

— Нет... Да. Я нашла Тойка.

— Тойка? — уточнил знахарь. — Толстого мальчишку, похожего на барсука? Никогда он мне не нравился — слишком задибал нос.

— Он превратился в чудовище. Великана и... он убивает людей. Он напал на меня.

— А! Ты про это... — Оолф почесал бороду. — Ну, я всегда знал, что он закончит чем-то подобным. И что с того?

— Владычица Льда заколдовала его. Это она забрала кайя.

— Молодец, что догадалась, — хмыкнул знахарь. — Осталось найти их. Хранитель рода должен прийти к своим детям, а как он это сделает, если ты умрешь? Поверь, когда ты мертв — не побегаешь. Уж я-то знаю.

— Я не смогу, — сказала Белка. Взглянуть на лицо Оолфа она не отважилась. — Она превращает людей в чудовищ, так велика ее сила.

— Не так уж и велика, — усмехнулся Оолф. — Чтобы превратить человека в чудовище, много ума не требуется. Вот если бы она превращала чудовищ в людей... Но это ей не по силам, как бы она того ни хотела.

— Она делает огромные лодки и заставляет их летать. Она способна сотворить лед, который не тает и режет как нож...

— А кто сказал, что будет легко? — прищурился знахарь. — Не имеет значения, на что способна она, главное — то, что можешь сделать ты.

В свете костра лицо знахаря казалось красным, будто с него содрали кожу.

— Смотри, — Оолф ткнул тлеющей веткой в один из рисунков. — Что ты видишь?

— Вечную Охоту.

— Внимательнее! — строго сказал Оолф.

Белка присмотрелась.

— Охотник, — сказала она. — Он идет за мамонтом... Он бросает копье...

— Понимаешь, что это значит?

Белка пожала плечами.

— У его племени будет много мяса.

Старый знахарь застонал, подняв глаза к потолку.

— Почему я не взялся учить кого-нибудь поумнее! Пожалел девчонку... Много мяса! Смотри лучше!

Белка уставилась на рисунок. Раз за разом охотник убивал зверя, а затем вновь преследовал его по бескрайним равнинам. Вечная Охота во всей полноте.

— Кто сильнее — человек или мамонт?

— Конечно, мамонт! — воскликнула Белка и тут же прикусила язык.

Мамонт, несомненно, во много раз сильнее охотника, но ведь в схватке побеждал человек!

— Пойми, в чем твоя сила, глупая маленькая Белка, и никакие чудовища, никакая Владычица Льда не смогут тебя остановить.

Белка повернулась к знахарю.

— А в чем моя сила?

Оолф закатил глаза.

— Ну... Это ты сама должна понять.

— Сила в предмете, так? — Белка дотронулась до шнура, на котором *не* здесь висела фигурка медведя.

Оолф скривился, будто попробовал тухлой рыбы.

— Опять ты за свое! Предмет! Видишь, — он снова ткнул веткой в рисунок. — У охотника хорошее копье, крепкое древко и острый наконечник. Кто убил мамонта — охотник или его копье? Много ли толка от копья, если б охотник не смог его бросить?

Белка покачала головой.

— Твоя сила в тебе и нигде больше, — сказал Оолф. — Тебе нужно найти ее, понять и приручить. А предмет... Хорошее копье и не более того.

Он нахмурился, глядя на языки пламени. Кривые черные ветки потрескивали; огонь пожирал их, и в то же время они оставались целыми.

— Правда, кое-кто думает иначе, — проговорил Оолф. — Помни об этом.

— Призрак? — Белка поморщилась. — Но он же сбежал! Испугался и...

— Ха! Думаешь, он отступится? О нет... Он просто ждет. Чего-чего, а ждать они умеют.

Белка подумала о призраке. Высокий и худой, с печальным лицом и телом, прозрачным и легким, как дым... Страшный? Белка вдруг поняла, что ей так не кажется. Существо выглядело скорее потерянным и жалким. Оолф говорил, что призрак хочет забрать предмет и вернуть себе душу... Но если он так жаждал заполучить фигурку Хранителя рода, то почему не взял ее еще в Священной Пещере, где никто не мог ему помешать?

— Хватит болтать. — Оолф потянулся. По потолку пещеры поползла длинная тень, описав полный круг. — Тебе пора... Тебя ждут.

— Ждут? Кто?

Белка представила налитые кровью глаза великана.

— Тойк?

— Нет, он-то тебя точно не ждет... — Оолф шагнул прямо в костер, и вдруг оказался рядом с Белкой. Он коснулся ее лица кончиками пальцев. Они оказались шершавыми и неприятно холодными, однако Белка не отстранилась. — Не останавливайся, — сказал старый знахарь. — Иди вперед, и тогда ты придешь.

— Куда? — тихо спросила Белка.

— Кто знает. Ноги — штука такая, могут завести куда угодно. Главное, чтобы они привели тебя к тебе.

Пальцы скользнули по щеке Белки. Она не заметила, когда они стали тоньше и мягче. Белка видела морщинистую руку старика, но чувствовала совсем иное.

— Белка... — проговорил Оолф изменившимся голосом.

Белка моргнула.

Боль пришла внезапно, вонзилась в каждую частичку тела. словно Белка оказалась под ливнем из острых раскаленных камней. Они впивались в кожу, жгли мышцы и кости. На бесконечно долгое мгновение Белка уверилась, что в мире нет ничего, кроме боли. Хотелось закричать, но из горла вырвался тихий хрип. Белка закашлялась, слезы брызнули из глаз.

— Жива. — Голос был едва различим.

Боль и не думала отступать. Все сильнее и сильнее, хотя дальше уже некуда. Жива? Раз она испытывает боль, значит, так и есть. Ну, а боль можно победить...

Белка зажмурилась. Представила свое тело — вот она лежит на камнях, вытянув тонкие руки. Маленькая худая девочка, тело ее светилось багряно-алым цветом, как раскаленные угли.

Боль приносят злые духи... Белка представила маленьких существ, похожих на склизких черных крыс. Острыми зубками они впивались в тело девочки, и с каждым укусом алый свет вспыхивал ярче.

Белка чуть не задохнулась от возмущения. Как они посмели!

Невидимыми руками она схватила одно из склизких существ и отшвырнула как можно дальше. Послышался тонкий визг. Остальные существа закопошились. Белка схватила еще двоих — гадкие твари задергались. Белка сжала пальцы, и раздался мерзкий хруст, точно раздавили жука.

Остальные существа с утроенной яростью набросились на тело. Картина стала расплывчатой и мутной, будто Белка смотрела на нее сквозь толщу воды. Но отступать она не собиралась. Одного за другим Белка хватала противных существ и отбрасывала в сторону.

Белка не знала, сколько времени потребовалось, чтобы от них избавиться. Может, несколько мгновений, а может, и целая вечность. Красный свет стал угасать и наконец исчез совсем. Боль ушла. Девочка не шевелилась, но дыхание ее стало спокойным и ровным. Белка открыла глаза.

Она увидела заплаканное лицо Аски. Глаза девушки блестели, под припухшими веками красовались грязные разводы. Аска шмыгнула носом.

— Жива, — повторила девушка, глядя ее по щеке.

Белка попыталась встать. Сил хватило на то, чтобы приподнять голову. Избавиться от боли — полдела. Белка чувствовала себя так, словно внутри нее болотная тина.

— Лежи, — приказала Аска.

Она легонько подтолкнула ее в плечо. Белка откинулась назад, глотая сырой и плотный воздух. Спиной она ощущала холодный и твердый камень.

Они находились в пещере, если это место можно так назвать. Слишком гладкими и ровными были стены. Неподалеку Белка разглядела толстое, обтесанное бревно, упирающееся в потолок. Еще одно бревно стояло через десять шагов, с покосившейся поперечной перекладины свисали лохматые веревки. Идеально прямой ход уводил в темноту. Стены сочились влагой.

Это ведь не настоящая пещера... Кто-то специально продолбил ход в земле и поставил бревна, чтобы не обрушился потолок.

Белка не представляла, какие потребовались усилия, чтобы справиться с подобной задачей. Людям такое точно не по силам.

Она посмотрела в противоположную сторону и увидела голубоватое мерцание. Еще одно бревно-опора заслоняло обзор, но Белка сразу поняла, что это за свет. Призрачная женщина! Как же она могла о ней забыть? Монотонное бормотание не смолкало... Но Белка свыклась с этими звуками и перестала их замечать.

Кроме Белки и девушки-навси в пещере никого не было.

— Аска... Откуда... Как ты здесь оказалась?

Голос прозвучал тихо, но Аска прижала палец к ее губам. Взгляд метнулся в сторону входа в пещеру.

— Тише, — прошептала она. — Оно может услышать.

Услышать? Тойк... Значит, он где-то рядом...

Белка схватилась за пояс, но меховые ножны оказались пусты. Нож выпал, когда великан набросился на нее, и теперь она осталась без оружия. Белка нащупала под одеждой фигурку Хранителя рода. Почти...

— Я думала, ты умерла, — еле слышно сказала Аска. — Я думала, оно убило тебя, как...

Девушка всхлипнула.

— Твой брат...

Стоило подумать о том, что Тойк сделал с Кирком, и Белку прошиб холодный пот.

— Кирк, он... Оно убило его! — Аска вцепилась в запястье Белки.

— Я... Я видела, — кивнула девочка. Ей было больно, но она не стала убирать руку.

— И оно убьет нас, — прошептала Аска.

Ее красивое строгое лицо опухло, длинные волосы совсем растрепались. На щеке темнел кровоподтек. Прикусив ноготь мизинца, девушка обернулась ко входу в пещеру.

— Как ты сюда попала? — снова спросила Белка.

Аска передернула плечами.

— Оно пришло в Длинный Дом, — голос девушки дрожал. — И никто его не остановил! Только мой отец вышел с ним сразиться... Но он старик! Что он мог сделать?

Она поджала губы.

— А потом чудовище схватило меня... Больше я не помню. Очнулась я уже здесь.

Аска повернулась Белке. Девочка молчала.

— Мой брат... Я видела, что Чудовище с ним сделало. Он был сильным и ловким охотником. Неужели он не смог ничего сделать?

Белка вспомнила, с какой легкостью великан расправился с охотником. У Кирка не было шансов — гигант оказался не просто очень сильным, он обладал еще и невероятной скоростью и реакцией. И это Тойк? Мальчишка, который не мог пройти трех шагов, не запутавшись в собственных ногах?

А ведь подобная участь, если не хуже, могла постигнуть и остальных кайя. Белка представила лица сородичей: охотников — сильных и смелых, красивых женщин и веселых детей... Неужели их всех Владычица Льда превратила в чудовищ?

Нет! Слишком дико, чтобы быть правдой. Белка тряхнула головой, прогоняя глупые мысли. Неправда! Но даже если это и так... Тогда она должна дойти до Владычицы Льда и заставить ее вернуть кайя истинный облик. Кто, если не она? Хранитель рода должен вернуться к своим детям, иначе Белка никогда не обретет имя.

— Еще я видела Туа и Паки, — продолжила Аска. — Их головы на камне. Их же убило Чудовище?

Вопрос не предполагал ответа, но Белка кивнула. Аска говорила взволнованно, через слово бросая взгляды на светящийся вход в пещеру.

— Почему оно убивает людей? Что мы ему сделали?

— Я... — Белка запнулась. — Я не знаю.

Кое-как она села. Белка в самом деле не понимала, зачем Тойк убил охотников-навси. Он ведь из кайя, а кайя не убивают людей. И зачем ему потребовались головы? Неужели, превратив Тойка в Чудовище, Владычица Льда лишила его разума?

— Где он?

— Т-с-с, — Аска прижала палец к губам. — Слушай...

Бормотание призрачной женщины мешало сосредоточиться, но Белка умела отсекай лишнее. Вытянув шею, она прислушалась к звукам, доносящимся снаружи пещеры. Тихое басовитое урчание — Белке показалось, она слышит голос какого-то зверя. Так же Вурл ворчал над рыбой, куском мяса или волшебной едой «тушенкой».

Но там нет еды... Кроме...

Белку чуть не вырвало. Она потянула за ворот, неожиданно ставший тесным и узким. Вцепилась в ремешки-завязки. Пальцы, вялые, как дохлые пиявки, не могли справиться с узелками.

Нет еды... Если не считать Кирка и охотников-навси.

Но кайя не едят людей!

Белка постепенно стала различать в урчании отдельные звуки. Больше всего она боялась услышать чавканье и хруст костей; перед мысленным взором стояла жуткая картина — великан с вымазанной кровью мордой склонился над телом Кирка. Однако вместо этого Белка слышала бормотание.

Великан разговаривал! Рыки и звериные хрипы странным образом складывались в исковерканные обрывки слов. Хриплый голос великана мало походил на визгливый голосок Тойка, но Белка различала знакомые нотки.

Она подалась вперед. Если великан разговаривает, то с кем? Может быть, сама Владычица Льда пришла к нему? Но других голосов Белка не слышала. Или же Тойк говорил с призрачной женщиной? Конечно, та ему не отвечала — бубнила по кругу одно и то же.

— Он там, — прошептала Аска. — Он бросил нас в пещеру, а сам остался снаружи. Я не знаю, что он делает... И не хочу знать.

Белка продолжала вслушиваться в бормотание гиганта. Что же он говорит? Слова были из языка кайя, но звучали так, будто Тойк забыл, как их следует произносить.

— Сил-а... хор-ый хотник... ловко...

Гулкий булькающий звук мог сойти за смех. Быть не может! Белка вспомнила, когда слышала подобные интонации в голосе Тойка. Он же хвастался! Хвалился тем, какой он умелый охотник,

сильный и ловкий. Так он хвалился в селении кайя — в свое время Белка наслушалась подобных речей. Но если тогда они звучали смешно и глупо, сейчас самохвальство Тойка выглядело жутко.

— ...Взять жен-на... хорош... — голос неожиданно стал плаксивым, как у ребенка. — Голова больн... гри-ть — плох...

Белка отодвинулась от стены и на карачках поползла к выходу из пещеры.

— Стой! — Аска схватила ее за плечо. — Ты куда?

— Я... Я хочу видеть... — Белка попыталась сбросить руку девушки.

— Нет! Он убьет тебя!

— Если бы он хотел меня убить, он бы уже это сделал.

Голос прозвучал неуверенно, но Аска ее отпустила.

— Не надо, — сказала она. — Если... Мне страшно.

Белка промолчала. Она поднялась на ноги и повернулась в сторону голубоватого свечения. Призрачная женщина уставилась прямо на нее пустым взглядом. Как такое могло быть? Станным образом женщина умудрялась смотреть одновременно и наружу, и внутрь пещеры. Рука ее все так же поднималась и опускалась; призрак словно предупреждал — дальше идти нельзя! Белка прокралась ближе.

Хотя прозрачная женщина и загораживала обзор, Белке удалось разглядеть Тойка. Великан сидел на корточках рядом с каменной плитой, уставившись на головы охотников. Он казался даже выше, чем когда Белка увидела его в первый раз. То и дело великан брал одну из голов в руки и вертел перед собой, заглядывая в мертвые глаза.

— ...Гри-ть... гол-ва...

Белка вжалась в стену. К счастью, Тойк не глядел в сторону пещеры. Он поднял за волосы голову Туа или Паки и поднес к самому носу. Сжав огромными пальцами нижнюю челюсть охотника, он подергал ее, заставляя мертвеца открывать и закрывать рот.

— ...Гри-ть... Тойк взять слово... Тойк сила... Тойк умно...

Белка покачнулась. Ноги подкашивались, но она заставила себя стоять. Вцепилась в холодный камень до боли в пальцах.

Вот, значит, как...

— Что он делает? — Аска подошла незаметно.

— Он... Так поступают людоеды, — объяснила Белка. — У них нет языка, и они пытаются украсть язык у других...

— Он хочет научиться говорить? — Лицо Аски вытянулось. — И потому убил и Туа, и Паки... И моего брата?

— Нет. Он умел говорить... И хочет вернуть себе этот дар.

Отложив голову охотника, Тойк взял другую. Тряхнул и та закачалась.

— ...Жен-на гри-ть — хорош... Тойк — гри-ть, жен-на — об-ать... Гол-ва — не боль...

— Надо уходить, — сказала Аска. — Пока он не решил забрать и наш язык...

— Уходить? Куда? — изумилась Белка.

Аска посмотрела вглубь пещеры. Девочку передернуло.

— Туда?! Но... У нас нет огня и нет оружия. Ты знаешь, куда ведет эта пещера?

— Нет, — призналась Аска.

— Там могут жить чудовища, — проговорила Белка. — Там...

— Могут. Но здесь Чудовище уже есть.

Белка продолжала смотреть вглубь пещеры, туда, где сгустившаяся темнота казалась плотной, как каменная стена.

— Призрак, — проговорила Белка. — Эта женщина... Это предупреждение, чтобы никто не входил в эту пещеру.

Аска вздрогнула.

— Это просто призрак, он ничего не сможет нам сделать. У нас нет выбора: или идти туда, или ждать, когда оно придет за нами. Думаешь, оторвать голову — худшее, на что он способен? Я помогу тебе идти...

— Далеко мы не уйдем, — сказала Белка. — Он нас догонит...

— А мы еще посмотрим. — Аска натянуто улыбнулась. — Он большой, и тут ему будет тесновато.

Видимо, девушка права: уйти в пещеру — единственный шанс на спасение. Белка нащупала фигурку Хранителя рода. Если бы с ней был Вурл! Он бы им помог. Девочка услышала голос медведя и близко... Но он ведь не мог спуститься в овраг?

Белка слышала и другие голоса. Противный тоненький писк, доносящийся из глубины пещеры. Ее вдруг охватило острое чувство голода; нестерпимо захотелось впиться зубами в теплую, трепещущую плоть... Белка разжала пальцы.

— Пойдем. — Аска дернула ее за руку.

— Нет! Туда нельзя идти!

— Но... — Глядя на лицо Белки, Аска растерялась.

Белка прижалась к стене. Мерзкий писк звучал в голове, хотя она и отпустила фигурку медведя. Словно она дотронулась до чего-то холодного и склизкого, и слизь осталась на пальцах.

— Не бойся, — сказала Аска. — Это просто темнота... Не надо бояться обычной темноты.

Пытаясь поддержать, Аска положила руку ей на плечо. Белка вскинула подбородок, разворачиваясь к девушке.

— Я не боюсь темноты! Кайя ничего не боится!

Должно быть, она сказала это слишком громко. Тойк завертел головой. Аска зажала рот Белки ладонью.

— Быстрее! Иначе — не успеем!

Она потащила Белку за собой вглубь пещеры. Белка замахала руками. Аска подняла ее, обхватив за пояс...

— Туда нельзя... Там...

— АСКА!!!

Крик донесся из-за спины великана. Аска резко остановилась, брови девушки поползли вверх.

— Это же...

Тойк взревел, разворачиваясь. Одна из голов отлетела далеко в сторону — великан отбросил ее, точно сосновую шишку. Он поднялся; мышцы буграми вздулись на спине и плечах. Великан ударил по плите, и Белке показалось, что на камне осталась вмятина.

— Вим! — воскликнула Белка, вырываясь. — Он пришел...

Аска попятилась к стене, заламывая руки. Жилка на ее шее дергалась при каждом вдохе.

— Нет... Он... Он убьет его! Как Кирка и Туа...

Белка опустила взгляд.

— Если мы не поможем — да.

— Поможем? Но...

— АСКА!!!

Девушка замолчала, а затем подняла с земли камень размером с кулак.

— Держись за спиной, девочка-кайя, — проговорила она, подбрасывая свое оружие.

Просто камень... Разве можно убить великана обыкновенным камнем?

— Я отвлеку его, — выдохнула Белка.

И прежде чем Аска успела опомниться, она бросилась к выходу из пещеры. Сама не поняла, откуда взялись силы. Пробежала сквозь призрачную женщину и не заметила. Часто дыша, Белка остановилась на краю площадки. Ее била дрожь, и не поймешь, чего в ней было больше — страха или ярости. Девочка подняла взгляд и заметила в небе крошечную точку. Птица... Ястреб или сокол.

— БЕЛКА!!! АСКА!!!

Вим был совсем близко.

— Ай-я!

Белка надеялась, что охотничий клич кайя прозвучал грозно и звонко. Что голос ее ни капельки не дрогнул.

Великан уставился глазами-плошками на Белку. Она сама себе казалась крошечной, как мышь. Но девочка заставила себя выпрямиться. Мамонт и охотник, помни, кто из них на самом деле сильнее... Пальцы коснулись фигурки Хранителя рода.

— Рууф-фа...

Рокочущий голос заметался эхом. Со стен посыпались камни. Даже на расстоянии Белка услышала резкий звериный запах.

Девочка едко улыбнулась, не отступив ни на шаг.

— Здравствуй, Тойк-ли. Барсучонок.

ГЛАВА 19

ГЛАЗАМИ ПТИЦ

Пожар в Длинном Доме потушили быстро. Помогло то, что бревна и тростник сильно отсырели и разгорались плохо. Да и навси, похоже, уже приходилось иметь дело с пожарами. Пусть косяглазый Лорхи не сделал ничего, когда великан напал на Длинный Дом, зато он первым сориентировался, когда огонь охватил зал. И был, надо признать, на высоте — указывал навси, что делать, сам сбивал с крыши горящий тростник, носил воду в мешке из шкур. Сейчас о пожаре напоминали лишь темные опалины на стенах да тяжелый запах гари. Сквозь обгорелые дыры в крыше виднелось темное небо.

— Он жив, — сказал Вим, убирая пальцы.

Пульс на шее старика едва прощупывался. Кеттил не пошевелился, даже когда Вим дотронулся до него.

Вим аккуратно вложил меч в ладонь Кеттила. Старик был плох, так пусть в смертный час оружие будет у него в руках, как ему хотелось. Может, когда-то он и бежал с поля боя, зато сейчас — не отступил. Вышел один на один: немощный старик против самого настоящего чудовища... И не важно, что он проиграл эту битву — в конечном итоге Кеттил оказался победителем.

— Жив? — спросил один из охотников. — Откуда ты знаешь? Чудовище убило его — все видели.

Другой охотник закивал. В его курчавой бороде запутались обгорелые соломинки.

— Жаль старика... Он был хорошим вождем и многому научил навси. Но пришел его срок...

— Он жив, — упрямо повторил Вим. — Его сердце бьется.

Он поправил руку старика.

Навси бродили по залу, тихо переговариваясь между собой и стараясь не глядеть на Кеттила. Женщины сбились в тесный кружок и тихо подвывали, подняв глаза к небу. Не то песня, не то плач... К ложу старика подошел Лорхи. На долю секунды охотник глянул на Вима и поморщился.

— Где матушка Ши?

— Она еще не пришла в себя, — сказал один из охотников.

— Плохо, — вздохнул Лорхи. — Кто-то должен провести погребальный обряд.

— Какой еще погребальный обряд? — возмутился Вим. — Старик еще жив!

Лорхи вздрогнул, словно ему был неприятен сам звук голоса Вима.

— Поскорей бы она очнулась, — сказал он охотнику. — Если мы не похороним старика как положено — он превратится в чудовище. Как Туа...

— Туа превратился в чудовище?

— Сам, что ли, не видел? — скривился Лорхи. — Туа приходил сюда, убил старика и утащил Аску.

— Но... — охотник покосился в сторону двери. — Чудовище на него не похоже... Туа погиб, и мы погребли его...

— Это был Туа, — заявил Лорхи. — Мы погребли его тело, но не голову. А из той головы выросло чудовище. Старуха Ши сказала, если ее не вернуть, он превратится в оборотня.

Остальные навси закивали.

— Интересная версия, — пробормотал Вим.

— Кирк же ушел за головой, — подал голос еще один охотник.

— И что? Кирк не вернулся. Значит, он не справился... Может, чудовище и его убило?

По губам Лорхи скользнула усмешка.

— А зачем Туа забрал Аску? — спросил кто-то.

— Ясное дело! Туа сватался к ней, когда живой был... Вот он и пришел за ней, когда стал оборотнем.

Послышался испуганный ропот. Навси зашептались, толкали друг друга локтями.

— Еще он к Селки сватался...

Невысокая русая девушка вскрикнула. Еще одна девушка рыдалась, уткнувшись лицом в плечо сидящей рядом женщины.

— И что нам теперь делать?

Лорхи замаялся. Навси смотрели на него и ждали решения, а он оказался к этому не готов.

— Я... Мы должны... — Судя по мучительной гримасе, раздумья давались ему с трудом. — Когда он придет в следующий раз, мы отдадим ему самую красивую девушку. И тогда он не тронет остальных...

— Ха-ха, — сказал Вим со всей язвительностью, на которую был способен. — Гениально. Bravo!

Лорхи повернулся в его сторону. Щека охотника дергалась.

— Это не твое дело, чужак. Ты не навси — не лезь, куда тебя не звали. Ты должен уйти.

Он показал на дверь. Вим сделал вид, что не понимает намеков.

— В отличие от вас, я знаю, к чему это приведет, — сказал он. — Отдали одну девушку, другую, третью... А лет через двести ваши потомки даже не вспомнят, зачем они каждый год десятками топят в озере девиц.

Он искренне надеялся, что навси уловили по крайней мере общий смысл его речи.

— Так вы не добьетесь ничего. Почему бы не напасть на чудовище всем вместе? Уверен — проблема отпадет сама собой.

— Это оборотень! — сказал Лорхи. — Человек не может его убить!

— Да ладно! А вы пробовали? Если мне не изменяет память, кое-кто даже не пошевелился, когда эта тварь сюда заявила.

Вим смотрел прямо на Лорхи. Не выдержав взгляда, охотник отвернулся.

— Старик пытался с ним сразиться. — Он уставился под ноги. — И оно убило его...

— Ключевое слово — «старик», — заметил Вим. — Он на ногах не стоял, но не испугался. А вы? Храбрые охотники... И кто здесь убил трех медведей?

Щеки Лорхи вспыхнули. Вим услышал скрип зубов.

— Чужак, — процедил Лорхи. — Я тебя прошу — уходи. Потом просить не буду. Не лезь в дела навси.

— Еще чего! Вместо того чтобы рассуждать, чем задобрить эту тварь, лучше бы подумали, как спасти Аску.

Удар в болевую точку. Лорхи аж подскочил на месте.

— *Это не твое дело*, — процедил охотник, выговаривая каждую букву.

— Правда? — Вим приподнял бровь. — А мне вот показалось — очень даже мое.

Лорхи запыхтел. Лицо красное, из ушей того и гляди повалит пар. Сжав кулаки, он шагнул к Виму.

За спиной послышался тихий шелест; с подобным звуком осыпается песок. Холодные пальцы сомкнулись на запястье Вима. Пожатие было слабым, он его почти не почувствовал. Вим обернулся к старику. Глаза Кеттила оказались широко раскрыты.

— Тихо! — воскликнул Вим, поднимая руку. — Он очнулся...

Лорхи словно врезался в стеклянную стену. Кровь отхлынула от его лица.

— Он... Он же...

Вим аккуратно освободил руку.

— Я же говорил — он не умер. Этот парень жил так долго, что научился цепляться за жизнь руками, ногами и зубами. Одного чудовища маловато, чтобы отправить его на тот свет.

— Но...

— Тихо!

Вим наклонился к старику.

— Я жив, — прошепел Кеттил. По щеке скатилась одинокая слеза. — Боги не захотели взять меня к себе...

— Видимо, не пришел срок, — сказал Вим. — К чему спешить?

Голос прозвучал бодро, хотя Вим и понимал — этим он старика не утешит. Лицо Кеттила походило на восковую маску, кожа блестела, как покрытая лаком.

— Скальд... — выдохнул он. — Прости... Не будет песни о моей последней битве...

— Зато будет песня о предпоследней. Две песни лучше, чем одна.

Старик зашипел. С большой натяжкой этот звук мог сойти за смех.

— Хороша песня, — проговорил Кеттил. — Как старый трус не смог поднять меч... Внукам моих внуков будет над чем посмеяться...

— Им будет кем гордиться, — сказал Вим. — Правда.

Кеттил приподнялся. Дыхание его стало прерывистым и хриплым.

— Не надо, — сказал Вим, удерживая старика. — Вам нужно отдохнуть... Собраться с силами для следующей битвы.

— Аска... Позови мою дочь, скальд...

Вим сглотнул. Именно этой просьбы он и опасался.

— Боюсь...

Кеттил все понял по выражению его лица. Он вцепился в руку Вима.

— Где моя дочь?! Молчи, скальд! Я не хочу слышать. Троль убил ее... Боги забрали самое дорогое, что у меня было...

— Нет! — воскликнул Вим. — Он ее не убил, Аска жива.

Старик застонал.

— Где она? Где Аска?

Вим глубоко вдохнул, как перед прыжком в ледяную воду.

— Великан... Троль. Он... Он унес ее. Схватил и... Я пытался его остановить.

— Унес. — Кеттил закрыл глаза.

Вим не нашелся, что сказать. Старик молчал, слышно было шиплое дыхание. Плохо дело... Похоже, у него сломана пара ребер.

— Троль пришел за мной, а забрал мою дочь, — наконец заговорил Кеттил. — Снорри Йохансон... Не дар ты мне принес, а проклятье... Пришло время возвращать долги.

В руке старика блеснул серебристый металл.

— Найди ее, скальд, — прошептал Кеттил. — Прошу тебя...

— Обещаю. Все, что в моих силах.

— Держи, — Кеттил протянул ему фигурку совы. — Отдай ее троллю... Он пришел за ней. И если он получит ее назад, то вернет мою дочь.

В отличие от старика, Вим сомневался, что великан имеет отношение к Хихикающему Демону из Черной Башни. Троль, может и троль, но определенно другой. И если ему был нужен артефакт — почему он не забрал его сразу? Не похоже, чтобы великан отличался умом; он и говорить толком не мог, куда там до сложных схем шантажа.

Вим взял фигурку двумя пальцами. Металл оказался неприятно холодным; кожу покалывало, как от слабых электрических разрядов. Фигурка слегка вибрировала, будто внутри скрыт крошечный моторчик. Вим поморщился. Давал себе зарок — не связываться с артефактами... Но есть вещи, ради которых можно и поступиться принципами. Он убрал фигурку в нагрудный карман.

— Иди скальд, нет времени ждать...

Кеттил оттолкнул его руку.

— Осталось понять, куда троль направился, — пробормотал Вим, отстраняясь.

— Смотри. Глазами птиц в небе и зверей в лесу... Смотри, и увидишь...

— А! Ну да... — Вим отошел от помоста.

— погоди. У тебя нет оружия... Возьми мой меч.

Меч? С одной стороны, старик прав — оружие может пригодиться. Но беда с оружием в том, что, когда оно есть, ты от него зависишь. Оно меняет тебя и управляет твоими действиями, делает чересчур самоуверенным. И обладает мерзкой привычкой подводить в самый ответственный момент. Вим предпочитал полагаться на себя, а не на кусок железа.

— Это ваш клинок, — сказал он. — Не стоит с ним расставаться. А мне от него мало пользы... Особенно с таким противником. Тут нужен крупнокалиберный пулемет, только где его возьмешь?

— Скальд... Думаешь, чудовище можно победить песней?

Вим хлопнул себя по карману, проверяя, на месте ли гармоника.

— Вообще-то прецеденты имели место... Сирены, Цербер...

— Станный ты, скальд. Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь...

— Ну, иногда, — признался Вим. — В остальном — стараюсь действовать по обстоятельствам.

Он подозвал одного из охотников-навси.

— Позаботьтесь о нем. Видишь длинный нож? Он должен держать его в руках, когда...

Кеттил усмехнулся.

— Иди скальд. За меня не бойся — я постараюсь не умереть до твоего возвращения. Я умею ждать.

Вим вышел на пристань, ежась от сырого ветра. Поверхность озера поблескивала, вода — чернее чернил. Хочешь, не хочешь, на ум приходили мысли о чудовищах, затаившихся в глубинах. Громко плеснула рыба, проплыло темное бревно, и готово — очередная Несси во всей красе. Но, что хуже, *иногда* эти чудовища оказывались не только игрой воображения.

Вим посмотрел на темную полоску леса. Ветер донес громкий шорох, будто деревья перешептывались одновременно на сотни голосов.

Ну и с чего начинать поиски? Для начала нужно добраться до берега, а там... Он дотронулся до артефакта в кармане. А там посмотрим, есть ли толк от этих фигурок.

У длинных шестов покачивались лодки-лебеди. Они немного напоминали венецианские гондолы, чуть больше — полинезийские каноэ. На фоне черной воды резные птицы выглядели слишком уж белыми, точно привидения. Вим решил, что никто не будет возражать, если он одолжит одну из лодок.

Когда он отвязывал каноэ от причального шеста, из Длинного Дома вышел Лорхи. Рыжебородый охотник хмурился, покусывая губы. В руке он держал копье.

— Я иду с тобой, — сказал Лорхи, забираясь в лодку.

Охотник старательно избегал встречаться с Вимом взглядом. Интересная перемена... Ведь именно Лорхи предлагал оставить Аску чудовищу. Но от помощи не стоит отказываться. Какой бы она ни была.

— Хм... Ладно.

Древком копия Лорхи оттолкнул лодку от пристани. Каноэ заскользило к берегу. Не прошло и пары минут, как острый нос заскреб по дну. Лодка остановилась, завалившись набок. Вим перелез через борт и, шлепая по воде, направился к берегу. С чего там начинают поиски?

Лорхи остался сидеть в каноэ, положив весло на колени.

— Его здесь не было, — сказал он, глядя вдоль берега.

— Откуда ты знаешь?

Охотник смерил Вима взглядом.

— Под ноги смотри — следов нет. Это издалека видно.

Вим опустил глаза. Разумеется, охотник прав. Если бы великан выбрался на берег здесь, на влажной глине остались бы огромные отпечатки босых ступней. Но тут были только следы птиц да какого-то животного с острыми копытцами. Видно издалека? Вим беззвучно выругался.

— А раньше нельзя было сказать?

Лорхи повел плечами.

— Ну, это ты умный. Я думал, ты знаешь, что делаешь.

Вим с подозрением покосился на охотника. Он думал, что сарказм должны изобрести где-то через десяток тысяч лет.

— А ты что предлагаешь? Плыть вдоль берега, пока не найдем нужное место? Озеро большое.

— Большое, — согласился Лорхи. — Но с его ношей не поплаваешь. Если он вылез на берег, то где-то неподалеку. Ты иди в ту сторону, я сплываю в другую... Что найдешь — кричи.

Он оттолкнулся веслом, разворачивая каноэ. Лодка-лебедь без единого всплеска заскользила по черной воде. Виму ничего не оставалось, как пойти в противоположную сторону, смотря под ноги. Хотя следопыт из него тот еще.

Шагов через тридцать вдоль берега разросся тростник. Желтые стебли были высотой в полтора человеческих роста и толщиной с мизинец. Длинные пушистые метелки раскачивались на ветру, сухой шорох походил на звук прибоя.

Вим остановился на краю, вспоминая, что говорил Кеттил. Старик видел, как чудовище идет через тростник... Можно

предположить, что и обратно великан пошел той же дорогой. Искать его следы здесь будет не просто — нужен минимум серп, чтобы продраться. Это великану с его силищей заросли нипочем. Поди, прошел сквозь них и не заметил, трава как трава...

Вим еще видел лодку — белое пятно, на фоне черной воды; Вим мог закрыть ее подушечкой пальца. Кричи, ага... Он скорее сорвет голос, прежде чем Лорхи его услышит. В голове шевельнулись не самые приятные мысли. А если охотник неспроста оставил его у этих зарослей? Вдруг чудовище до сих пор здесь, затаилось и ждет... Вот Лорхи и решил использовать Вима как наживку, а сам отошел подальше. В шелесте тростника почудились зловещие нотки.

Вим замотал головой. Не стоит возводить на охотника напраслину. Лорхи должен понимать — они в одной лодке. И, если уж на то пошло, плывут к одному водопаду.

Подняв с земли ком глины, Вим швырнул его в заросли. Из тростника, хлопая крыльями, вылетела крупная птица. Наверное, та самая цапля, глазами которой смотрел Кеттил. Вим дотронулся до кармана и сквозь ткань почувствовал холод таинственного металла.

Вим устроился на старом поваленном дереве. Вытащив фигурку, он положил ее ладонь. Вроде ничего особенного, так — безделушка. Конечно, сделана весьма искусно. Если смотреть внимательно, можно разглядеть каждое перышко, каждую щербинку на крючковатом клюве. В то же время это была не только точная копия птицы, а еще и символ. Образ, заключенный в серебристый металл. Каким-то образом неведомому художнику удалось передать не просто внешний облик, но и некую внутреннюю «совиную» суть.

Вим подбросил артефакт и поймал другой рукой. Металл вибрировал. Не такой тяжелый, как золото, но потяжелее железа. И как пользоваться этой штукой? Инструкций ведь не прилагалось.

Вим постарался вспомнить, что ему известно про зрение других существ. Смотреть чужими глазами — оно, конечно, хорошо, но стоит быть готовым к тому, что увидишь. Вряд ли мозг

обрадуется, если мир предстанет перед ним таким, как видит его стрекоза. Фасеточное зрение не шутки — тут у кого хочешь поедет крыша. Лягушки замечают только движущиеся предметы, собаки не различают цвета, а бабочки видят ультрафиолет, у пауков вообще восемь глаз... Да и как выбирать, чьими глазами смотреть?

Вим сжал пальцы и зажмурился. Артефакт холодил кожу, Вим почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев. Но больше ничего не происходило. Может, нужно как-то настроиться?

Вим подумал о птице, которую испугнул из тростника. Для начала сойдет. Допустим, это цапля: длинный клюв, сильные крылья и серые перья... Но ничего не получилось. Как сидел, так и остался сидеть — только рука онемела. Что и требовалось доказать: нет смысла полагаться на артефакты. Вим вздохнул и открыл глаза.

Внизу с безумной скоростью проносилась водная гладь.

Мозг сделал сальто в голове. Все органы чувств твердили, что сейчас Вим сидит на бревне и не двигается. И с тем же упорством глаза говорили об обратном. Он летел над озером, почти касаясь воды. Вим увидел кончики длинных крыльев. Мир вдруг стал куда больше, чем раньше. Под водой мельтешили серебристые стрелки — надо же, как много в озере рыбы!

В то же время Вим не чувствовал себя птицей. Вим видел полет изнутри, но как бы и со стороны.

— Тихо, Вильгельм, спокойно... — зашептал он. — Это такое кино. «В мире животных», новейшие технологии съемки...

Вода приближалась. Птица заметила небольшую рыбку и намеревалась ее поймать — Вим понял это по тому, как сфокусировался взгляд. Он приготовился к холодным брызгам в лицо.

Брызги поднялись, но Вим не почувствовал ни единой капли. Увидел рыбу, забившуюся в длинный клюв... Он разжал пальцы, и фигурка совы упала к ногам. Фильм оборвался безо всяких титров и затемнений. Вим снова сидел на бревне, таращась на озеро и заросли тростника. Вдалеке над водой мелькнуло серое пятнышко.

Вим тупо пялился в одну точку. Ощущения от «полета» оказались не самыми приятными. Вима слегка пошатывало, словно его приложили по затылку чем-то тяжелым и мягким, вроде мешочка с влажным песком. Хороший артефакт, полезный — с таким и до шизофрении недалеко.

Вим поднял фигурку. И как с помощью предмета искать Аску? Вим поскреб щетину. Если бы здесь была Белка! Можно было бы попробовать совместить действие двух артефактов: с помощью Медведя управлять полетом птицы и смотреть ее глазами. Но Вим не представлял, где находится девчонка. Может, она уже вернулась в Длинный Дом? Но плыть обратно и проверять не было времени. Оставалось надеяться, что с ней все в порядке, а если что и случилось, то брат Аски ее защитит.

Вим снова взял фигурку совы. Теперь, когда понятно, как работает эта штука, нужно правильно выбрать, чьими глазами воспользоваться. Лесные звери и птицы не годились — слишком ограниченное поле зрения. Даже если какая-нибудь пичуга прямо сейчас смотрит на великана, Виму от этого мало пользы. Нужен хороший обзор, чтобы увидеть картину в целом. Кто-то, кто летает достаточно высоко и обладает очень хорошим зрением. Идеально подошел бы орел или гриф-стервятник — вроде они могут за километр разглядеть мышь, прячущуюся в траве.

Итак, орел... Вим закрыл глаза. Интересно, здесь водятся орлы? Впрочем, на худой конец сойдет и ястреб...

...Полетели.

Земля проплывала далеко внизу — огромная кукольная страна с крошечными деревьями и блестящими лентами лесных ручьев. Словно он смотрел на нее из окна самолета, за тем исключением, что не было ни окна, ни самолета. Горизонт изгибался, поднимаясь по краям, будто Вим оказался внутри огромного шара. И этот шар вращался. Изображение по краям было смазанным, но в центре оно обретало невероятную четкость. Можно было пересчитать каждый листик на каком-нибудь дереве размером не больше спички. Вим никогда не боялся высоты, но сейчас почувствовал, что его мутит.

— Спокойно, Вильгельм. Не паникуй!

В такие моменты полезно напомнить себе о жизненных принципах.

Свободной рукой Вим вцепился в шершавый ствол дерева. Со-мнительная точка опоры, но другой у него не было. Как бы ни хо-телось выпустить артефакт и вернуться в реальный мир, Вим заставил себя собраться. Острые ушки Совы впились в кожу. Боль-но, но хорошее напоминание, кто он и где находится на самом деле.

Птица, сокол или кто-то в этом роде, парила в стороне от озера. Вим увидел плавно изогнутую береговую линию, колышущийся тростник — взгляд птицы ни на чем не задерживался больше чем на долю секунды. Вим вдруг разглядел самого себя: сгорбившаяся фигура, устроившаяся на бревне, как попугай на жердочке, блед-ное лицо и разноцветные глаза... Но соколу он был не интересен и потому сразу выпал из поля зрения. Куда дольше взгляд пти-цы задержался на растрепанном бекасе, прячущемся в тростни-ке. Вим с ужасом подумал, что будет, если сокол решит атаковать и камнем упадет с неба. Вряд ли желудок выдержит подобное испытание.

Заложив плавный вираж, сокол полетел от озера. Спустя ка-кое-то время Вим даже стал получать удовольствие от «полета». Сложные виражи и петли, которые птица выписывала в возду-хе, — ими нельзя было не восхищаться. Сокол то зависал в одной точке, то срывался, привлеченный тенью или движением. Петля, бочка, иммельман... Аж дух захватывало. Виму мерещился свист ветра в ушах. Словно птица знала, что не одна, и хвасталась уме-нием летать.

Внизу что-то сверкнуло. Птица посмотрела в ту сторону, и Вим громко вскрикнул.

Сокол завис над невысоким холмом, на вершине которого ле-жали обломки разбившегося вертолета. Проклятье... Девчонка была права! Вот она, «грохочущая птица», собственной персо-ной. Вим плохо разбирался в технике и не мог определить модель. Машина выглядела грубо, вроде такие использовались годах

в шестидесятых двадцатого века. Глянцево-черный, с выпуклой кабиной... Вим заметил тела двоих пилотов: один распластался на земле, второй наполовину вываливался из разбитого лобового стекла. Тощая ворона клевала его в темя.

Но прежде чем Вим успел все толком разглядеть, вертолет выпал из поля зрения птицы. Сердце бешено колотилось. Вертолет! Откуда он, черт возьми, взялся? И что с ним случилось? Отказал мотор или же... Нужно добраться до холма и осмотреть все на месте. Но сейчас есть дела куда важнее. Птица сорвалась в крутое пике, а затем резко взмыла вверх.

Внизу показался глубокий овраг, на дне которого протекал черный ручей. Он походил на огромную змею: широкая круглая голова и узкий длиннющий хвост. «Голова» змеи представляла собой каменный колодец с отвесными стенами. Сокол завис над ним на мгновение, но времени хватило, чтобы Вим увидел великана. Столь отчетливо, будто чудовище оказалось у него перед носом. Он заметил маленькие глазки и толстый бугристый шрам через весь лоб... Блеснули металлические скобы. Великан склонился над чем-то, слишком похожим на человеческое тело.

— Проклятье... — зашептал Вим. Внутри все оборвалось.

Глупый сокол даже не взглянул на жертву гиганта. Вим заметил только ладонь, сжатую в кулак. Но сказать наверняка, чья это рука, мужская она или женская, он не мог. Сокол полетел дальше, оставив овраг позади.

— Дурацкая птица! Разворачивайся, ну же...

Вим вытянул шею, будто это могло повлиять на полет. Но птице не было дела до его желаний. Куда важнее — черный стриж, стрелкой мелькнувший справа. Сокол рванул следом, набирая скорость.

— Идиот! — завопил Вим. — Куда?!

— Эй! Чужак, ты чего?!

Вим почувствовал толчок в плечо. Он разжал кулак, и перед лицом появилась физиономия рыжебородого охотника. Лорхи материализовался прямо из воздуха, как сказочный джинн.

Видимо, взгляд у Вима был совсем дикий. Охотник отпрянул.

— Твои глаза...

— Я знаю, где чудовище, — хрипло сказал Вим.

До оврага они добрались спустя несколько часов. Шли напрямик; вопрос о том, чтобы сделать крюк к разбившемуся вертолету, даже не стоял. Есть вещи важнее, чем грудa мертвого железа.

Вим валился с ног от усталости. Последнюю пару километров он почти не помнил; шел, механически передвигая ноги, как заводная игрушка. Он видел лишь камни, мох и узловатые корни, о которые то и дело запинался. Картина не менялась, даже когда Вим закрывал глаза. Однако он продолжал идти — из упрямства и потому, что это было куда легче, чем остановиться. Каждый раз находились силы еще на десяток шагов. Потом еще на десяток... Считать шаги вообще интересное занятие. Главное, оно помогало не думать о руке, которую он заметил в каменном колодце. И все-таки мужская или женская?

Поднимая взгляд, Вим видел впереди спину Лорхи. Охотник же не знал усталости. Иногда Лорхи оборачивался, поглядывая на Вима с явной насмешкой. Тому оставалось лишь скрипеть зубами. Вим понимал — если бы не охотник, он бы наверняка сбился с дороги. Так бы и ходил кругами, неспособный отличить одно дерево от другого. Лорхи же четко следовал указанному направлению, шел прямо к цели.

Они поднялись по невысокому склону. Впереди показались заросли кустарника. Лорхи неожиданно остановился, Вим продолжил идти, тупо глядя под ноги. Семь, восемь...

— Стой! — Лорхи схватил его за руку.

Вим запнулся и упал бы, если б охотник его не поддержал.

— Что...

Охотник наградил его таким взглядом, что Вим предпочел замолчать. Пришли? Вим увидел край оврага. Ну вот и все...

Вим опустился на кочку. Тело болело, будто каждую мышцу сдавили в тисках. Все? Но это только начало... Они добрались до логова чудовища, а схватка еще предстоит. Впрочем, судя по всему, долгой она не будет.

Сквозь гул в ушах доносилось невнятное, еле слышное бормотание. Забавная иллюзия. Виму померещилась пара слов на немецком. Поди, внутренний голос пытался до него докричаться...

Лорхи тем временем отступил в сторону. На лице охотника появилось сосредоточенное выражение. Он присел, поднимая копье на уровень груди, а затем осторожно шагнул к кустам.

Вим присмотрелся к зарослям, пытаясь понять, что же настоятельно охотника. Великан? Он мог выбраться из оврага и теперь затаился за кустами, готовый наброситься на незваных гостей...

Охотник принялся, опустил на корточки, осматривая мох под ногами.

— Там медведь!

Нотки в его голосе одновременно были взволнованными и облегченными. Оно и понятно. Медведь? Тоже опасное существо, но по сравнению с великаном он казался безобиднее кролика.

— Медведь? — переспросил Вим. — Откуда ты знаешь?

— Я убил трех медведей, — гордо сказал Лорхи. — У меня на них нюх.

— Пусть уходит. — Вим махнул рукой. — Мы пришли не на медведей охотиться.

— Уходит? — Брови Лорхи дернулись вверх. — Может, ты сам ему об этом и скажешь?

— Ладно, — пожал плечами Вим.

Он заставил себя подняться и на заплетающихся ногах пошел вдоль оврага, обходя заросли.

— Чужак, — проговорил Лорхи. — Он же... Он разорвет тебя на части.

Вим отмахнулся. Усталость отбила остатки благоразумия.

Медведь сидел на краю оврага, уставившись вниз. Сложно было не узнать этого зверя. Достаточно провести с медведем на одном плоту хотя бы полчаса, чтобы запомнить его на всю оставшуюся жизнь. А такого зверя — особенно. Но как? Он же... Медведь уставился на Вима блестящим глазом. Вим прекрасно помнил этот взгляд.

— Ну, здравствуй, друг. Не ожидал, что мы снова встретимся... Помнишь меня?

Вим кивнул зверю. Вурл низко опустил голову и зарычал. Беда с этими медведями — никогда не поймешь, что у них на уме. Было ли рычание предупреждением, или наоборот — медведь приветствовал старого приятеля?

— Разумеется, помнишь, — сказал Вим. — Тушенка и все такое. Ну?

Рычание медведя не изменилось.

— Я знаю, ты умный зверь... Я видел твоих потомков на велосипеде. Однажды я учил кататься на велосипеде одну барышню, и...

Боковым зрением он заметил движение.

— Нет!

Лорхи замер с занесенным над головой копьем. Прямо иллюстрация из учебника — «Сцены первобытной охоты». Выпученный глаз казался огромным, как шарик для пинг-понга.

— Тихо, — сказал Вим, поднимая руки. — Без паники!

Медведь отступил на пару шагов. Лорхи таращился на него, словно зверь вдруг заговорил человеческим голосом.

— Этот медведь за нас, — объяснять охотнику, что да как, у Вима не было сил. Он повернулся к Вурлу. — А где твоя хозяйка?

Вим не особо рассчитывал, что медведь его поймет. В отличие от Белки, он не умел «разговаривать» с животными. Мог только взглянуть на мир его глазами... Но что он увидит? Собственную физиономию, а это не самое приятное зрелище: бледный, грязный, небритый, с идиотской заискивающей улыбкой на губах...

Медведь заворчал. Точно собака, потерявшая хозяина. Очень большая собака.

— Белка ведь тоже там? — Вим указал на овраг.

Он подошел к краю. Из оврага тянуло затхлой сыростью, внизу поблескивала вода. Вим заметил следы на глиняном обрыве — кто-то недавно спускался здесь, цепляясь за торчащие корни.

— Чудовище там? — Лорхи копьем указал на овраг. — Я слышу его голос.

Вим вздрогнул. Бормотание... Ему ведь не почудилось. Звуки доносились из оврага — пусть слабые и искаженные эхом. Он нагнулся ниже, напрягая слух. Если бы не звон в ушах...

— *Станция закрыта. Проход строго воспрещен!*

— Черт!

Вим ошалело посмотрел на Лорхи, потом на медведя. Просто чтобы убедиться, что он до сих пор в каменном веке. Вертолет, а теперь еще и немецкий язык? Какого... *Проход строго воспрещен?!*

— Это чудовище? — Охотник сжал древко копья.

Вим смотрел на наконечник — пластину из черного камня, примотанную белесыми сухожилиями.

— Хуже, — тихо проговорил он. — Запрещающая табличка.

Лорхи удивленно моргнул.

— Пойдем, — сказал Вим, ставя ногу на первый корень. Дерево прогнулось под его весом. — Боюсь, внизу нас ждет много интересного...

— *Станция закрыта. Проход строго воспрещен!*

Вим даже не поднял голову, чтобы посмотреть, идет ли за ним Лорхи. А медведь... Слишком крутой обрыв, зверю не слезть.

Когда до ручья оставалось не более метра, Вим остановился и закричал так громко, насколько хватило сил:

— АСКА!!! БЕЛКА!!!

ГЛАВА 20

КРОВЬ И ВОДА

Великан раскачивался из стороны в сторону. Кожа его раскраснелась и блестела, спутанные космы слиплись от пота, в пасти белели хлопья слюны, как на морде загнанного бизона. На покато́м лбу, извиваясь червяком, вздулся бугристый шрам.

И это человек? Кайя? Сородич? Белка поджала губы. Нет. Сейчас она видела чудовище, которое убивает людей. Переломанное тело Кирка лежало у гиганта под ногами — он стоял в кровавой луже.

Великан ударил себя по груди. Послышался глухой гул.

— Руу-фа... — пророкотал великан и протянул изменившимся голосом: — Бе-ека...

Белка оскалилась. Ее трясло, но она старалась не показывать страха. Если чудовище поймет, что она боится... Неправда! Кайя ничего не боится. Подняв голову, Белка посмотрела прямо в красные глаза великана.

— Не ожидал этой встречи, Тойк-ли?

Великан зарычал в ответ. Он слегка присел, намереваясь прыгнуть на девочку, но пока еще выжидал. Напряженный, будто согнутая ветка, уже готовая распрямиться и ударить. Белка боком двинулась вдоль каменной стены. Ну где же Вим?

Великан тряс головой, брызжа хлопьями слюны. Белка прижалась к холодному камню. Девочку шатало, кровь гудела в ушах — каждый удар сердца подобен грохоту грома. Глина на лице давно высохла и превратилась в потрескавшуюся осыпающуюся корку. Белка выглядела как оживший мертвец, но великан не испугался.

Гигант внимательно следил за каждым ее движением. Белке стоило усилий не отводить глаза. Во взгляде Тойка она видела лишь звериную злобу. Звериную ли? Взгляд Вурла был куда добрее и осмысленней. Но где-то в глубине этих красных глаз...

Белка вспомнила другого Тойка — мальчишку из ее прошлой жизни. Все обиды, которые приходилось от него терпеть, сейчас казались смешными. А ведь Тойк задирали ее не из зависти или вредного характера. Она ему нравилась, и, быть может, он даже мечтал когда-нибудь назвать ее своей женщиной. Хвастливый, глупый мальчишка! А ведь так могло бы быть... Но та жизнь сгорела в огне, который принесли громовые птицы.

Сердце защемило от приступа жалости: к себе, к кайя, к Тойку. Бедняга — что же с ним сделала Владычица Льда? Да какое она имеет право превращать людей в чудовищ?

— Гол-ва, — загудел Тойк. — Руу-фа — боль гол-ва...

Великан прыгнул, замахиваясь кулаком. Белка увернулась, и удар пришелся на стену в полушаге. В лицо брызнула каменная крошка и теплые капли — Тойк в кровь разбил костяшки.

— Бе-ека! — Он схватил себя за волосы и задрал голову к небу. — Боль... гол-ва!

— Тойк! — Голос девочки зазвенел. — Вспомни, кто ты! Ты же кайя из рода Медведя! Вспомни Аэйлу!

Рев гиганта перешел в глубокий вой. Тойк попятился, грудь его тяжело вздымалась.

Белка сделала крошечный шаг к великану. Что-то он должен помнить? Смог же он ее узнать... Но именно воспоминания и причиняли гиганту мучительную боль. Тойк не просто забыл, кто он такой, — он не мог и не хотел помнить.

Ледяной холод от фигурки Хранителя рода пробирался до костей. Белка сосредоточилась, пытаясь уловить мысли гиганта. Если он перестал быть человеком, стал ли он зверем? А если стал — сможет ли она им управлять? Но мысли великана оказались ей неподвластны.

На краю сознания замелькали смутные образы. Белка ощутила беспокойство Вурла — медведь метался, чувствовал, что

странный детеныш в беде, но не понимал, как помочь... Тут же голос медведя заглушил писклявый хор, донесшийся из пещеры, — у Белки живот скрутило от нахлынувшего чувства голода. Мыслями она рванулась прочь от мерзких голосков. И очутилась в небе... Маленький сокол кружил над пещерой. Белка ощутила скорость, пьянящий восторг полета. Она увидела ветер...

— Руу-фа-а-а! — Рев гиганта разбил ощущение полета, как хрупкую льдинку.

Белка упала на колени, уворачиваясь от нового удара. Тойк шатался, молотил руками по воздуху. Если б он действовал более осмысленно, он бы ее уже убил. Разорвал бы на части или размозжил голову о камни, как поступил с Кирком. Но ярость и боль воспоминаний затуманили его разум — то, что от него осталось.

Белка откатилась в сторону за миг до того, как кулак гиганта обрушился на камни. Глаза защипало от пыли, запахов пота и крови. Белка чувствовала жар, волнами расходящийся от великана... Она поползла на четвереньках, не находя сил подняться. Сколько она сможет продержаться? Мгновение? Два?

Рука наткнулась на что-то влажное и липкое — голову одного из охотников-навси, разбитую о камни. Резкий спазм сжал горло, Белка не смогла даже закричать. Тойк зашлепал по ручью, поднимая тучи брызг.

— Эй! — послышался голос. — И что здесь происходит?

Вим стоял у входа в овраг, опираясь о стену. Лицо — белее снега, лоб блестел от испарины. Вим улыбался, но по тому, как дергались губы, было видно — улыбка не настоящая. Вроде охотничьей раскраски, только без глины и сажки. За его спиной маячил кто-то из охотников-навси. Белка разглядела руку, сжимающую копьё, но у самого Вима оружия не было.

— Похоже, мы вовремя. Добрый день...

Тойк опустил голову и зарычал. Навси за спиной Вима попятился.

— Привет-привет! — сказал Вим, улыбаясь еще шире. — Наше знакомство прошло довольно сумбурно, и нас не представили.

Но никогда не поздно исправить ошибку? Меня зовут Вильгельм. И я всегда мечтал встретиться с настоящим великаном...

Белка не понимала, как он может столько говорить. Особенно сейчас. Вим бросил быстрый взгляд в ее сторону. Что-то шепнул одними губами. Беги? Он тянет время, чтобы она могла сбежать? Он что, не понимает...

— На самом деле, — продолжил Вим, — у меня к вам масса вопросов. Самый простой — вам нравится быть великаном? Есть и посложнее... Например, про шрам. Я понимаю — шрамы украшают мужчину, но не уверен, что это касается шрамов после трепанации. Вашему хирургу нужно работать поаккуратнее — стежки грубые, да и скобы — так себе. Его случайно зовут не Виктор Франкенштейн? А вот еще хороший вопрос: Sprechen Sie Deutsch? Чего ты ждешь, идиотка?!

Белка вжалась в стену. Бежать?! Чтобы предки в самом деле дали ей имя Рууфа? Зайчиха? Но она не трусиха! И кайя не бросают своих.

Тойк задергался, словно отряхивался от слов Вима. Так бизон отгоняет слепней и жалящих мух. Он ударил кулаком по воде, и Вим отступил, рукавом вытирая брызги с лица.

— Ну зачем так... Вам же нельзя нервничать — давление скачет, а с вашим ростом это может плохо закончиться. Кстати, раздражительным людям врачи рекомендуют слушать спокойную классическую музыку...

В руках Вима появилась блестящая музыкальная коробочка.

— Вот «Битлз» — сама классика! Что там есть поспокойнее? Например, «Eleanor Rigby», одна из величайших песен в истории...

Дребезжащие звуки заматались меж каменных стен. Белка сжала фигурку Хранителя рода. Сейчас...

Послышался пронзительный клекот. Пестрая тень мелькнула перед глазами, и маленький сокол-чеглок камнем упал с неба. Острыми когтями впился в щеку великана и клюнул в глаз.

Пронзительно вереща, Тойк закрутился на месте. Маленькая бесстрашная птичка хлопала крыльями, била гиганта по лицу, рвала когтями и клювом... Клокочущая ярость сокола

переполняла Белку — девчонка сама готова была наброситься на великана, вцепиться в него зубами и ногтями.

Воспользовавшись заминкой, Вим перебежал к Белке.

— Что ты делаешь? — Он тряхнул ее за плечи. — Уходи отсюда!

Слова доносились откуда-то издалека. Белка виновато улыбнулась. Схватив ее за одежду, Вим потащил девчонку к пещере. Белка не сопротивлялась, только крепче держала фигурку медведя.

— Глупая, куда же ты...

Тойк ударил себя по лицу. Послышался мерзкий хруст, и тельце птицы упало на камни. Великан прихлопнул сокола, как комара. Белка завопила. Боль, которой она и представить себе не могла, пронзила тело. Сотни, тысячи острых крючьев рвали ее на части. Рвали изнутри... Слезы брызнули из глаз. Что-то сдавило грудь.

Вим хлестнул ее по руке, выбивая фигурку. Медведь закачался на шнурке. Боль отхлынула, подобно волне, — ушла, но Белка продолжала чувствовать ее отголоски.

Сокол... Храбрая птица погибла, даже не поняв почему. Она убила ее! Это она заставила сокола напасть на великана. И расплатилась тем, что прочувствовала всю боль птицы. Умерла вместе с ней и в то же время осталась жива.

Белка повисла на руках Вима. Тот едва устоял на ногах. Девочка захрипела, горячий ветер жег горло и легкие.

— Ну же, держись, старушка...

Великан вертелся на месте, прижимая ладонь к лицу. Кровь хлестала меж толстыми пальцами. Сокол — птица небольшая, но когти у него острее самого лучшего ножа. Половина морды гиганта превратилась в лохмотья. И сокол добрался до глаза. Схватив с земли огромный камень, Тойк швырнул его в стену.

— Черт! — Вим прикрыл Белку от посыпавшихся обломков. — Теперь договориться точно не получится. Слепленные великаны крайне раздражительны, еще Одиссей заметил...

Из пещеры выскочила Аска, растрепанная, в нелепых лохмотьях. Длинные волосы скрывали лицо. В руке у девушки раскачивалась праща, наспех сделанная из обрывков одежды.

— Ты-то куда?! — выкрикнул Вим.

Великан обернулся на голос. От его рева, срывающегося на визг, у Белки заложило уши. Тойк бросился на врагов — сквозь разодранную щеку желтели клыки, пустая глазница походила на бездонный провал.

Вим с силой оттолкнул Белку. Девчонка упала, раздирая ладони.

— Беги же!

Белка подняла голову. Беги? Она не могла даже ползти.

Аска раскрутила над головой оружие. Губы девушки были плотно сжаты, она прищурилась... И выпрямила руку, отпустив один конец пращи.

Хороший охотник с такого расстояния из пращи способен убить бизона. Но Аска не была охотником, да и оружие сделала из того, что попало под руку. Девушка метила в голову, но камень ушел вниз. Булыжник размером с кулак ударил Тойку по колену. Великан рухнул набок, покатился по земле и врезался в стену.

Аска присела, шаря вокруг в поисках нового снаряда. Злая уверенность на лице сменилась испугом. Камни выскальзывали у нее из пальцев. Белка увидела, как великан поднимается. К морде гиганта прилипли мелкие камешки, как кусочки жуткой расколовшейся маски.

— Давай, — Вим дернул Белку за руку. — Соберись же!

Хриплый рев заметался по площадке. Белка подняла глаза — высоко, над краем маячила фигура медведя. Белка разглядела черный силуэт на фоне голубого неба. Маленькая фигурка, не больше фигурки Хранителя рода...

— Нет! Вурл, назад!

Но поздно. Медведь перевалился через край и стал падать, поворачиваясь в воздухе. Белка зажмурилась. Удар — глухой и мягкий, но девочка почувствовала, как вздрогнула земля. И внутри что-то оборвалось; так лопается перетянутое сухожилие. Белка поднялась на ноги и открыла глаза.

Никто не мог пережить подобное падение. Вурл рухнул на камни и лежал неподвижной черной грудой. Вода струилась

вокруг огромного тела. Медленно-медленно Белка перевела взгляд на Тойку.

Великан уставился на тело медведя и даже прекратил выть. С подбородка свисали тонкие красные нити, похожие на лохмотья паутины. Белка сжала кулаки. Она чувствовала, что Вим тянет ее за собой, но отбросила его руку.

— Тойк-ли! Жалкий пожиратель улиток!

Белка откинула косички и шагнула навстречу великану, сплевывая кровь. Издалека донесся голос Вима:

— *Идиотка! Ты куда?!*

Белка оскалилась. Она не видела ничего, кроме окровавленной морды гиганта. Это же Тойк! Противный мальчишка, которого она колотила и не раз. Справится и сейчас — не важно, как он изменился. Ведь изменилась и она сама.

— *Ай-я!*

Тойк двинулся к Белке. В нем не осталось ничего от человека. Боль и кровь смыли последние крупницы разума. Уцелевший глаз заволокло красным туманом, зрачок — крошечная черная точка, не больше острия иглы. Великан не мог даже нормально идти и передвигался, опираясь на руки.

Белка приготовилась к прыжку. Горло великана дергалось; Белка видела, как перекачивается кадык размером с два кулака. Перебить горло будет сложно, а у нее всего один удар... Второго шанса Тойк ей не даст — сломает хребет одной рукой, точно сухую ветку.

Груда черного меха зашевелилась. Вурл? Но... Медведь рванулся наперерез великану, сбив его с ног. Мощные челюсти с хрустом сомкнулись на руке гиганта ниже локтя. Медведь замотал головой, когтистой лапой разрывая грудь великана.

Другая передняя лапа Вурла болталась как веревка. Но он был жив! Ноги подкосились, и Белка упала на колени. Жив!

Тойк завизжал. Медведь придавил его к земле всем весом, но великан продолжал сопротивляться. Он вцепился зубами в плечо Вурла, свободной рукой молотил его по загривку. Затем, извернувшись, обрушил кулак на голову медведя. Удар, дробящий

камни; окажись на месте Вурла кто другой, череп бы раскололся как орех. Но медведь челюстей не разжал. Он дернул головой; послышался чавкающий звук, и оторванная рука отлетела в сторону. Визг Тойка сорвался на хрип. Великан забился, пытаясь сбросить медвежью тушу, но уже было ясно, что с гигантом покончено.

Белка тупо смотрела на оторванную руку. По воде ручья расползались темно-красные дорожки. Медведь рывкнул и обессиленно рухнул на гиганта.

Рядом с ними появился человек. Человек? Белка уставилась на охотника-навси, замахивающегося копьем. Она и забыла, что Вим пришел не один. И где же охотник прятался все это время?

Выпученный глаз охотника лихорадочно блестел. Держа копье двумя руками, он вонзил его в горло Тойка и отскочил назад. Тело великана выгнулось дугой и опало. Охотник громко закричал, потрясая оружием.

— Вурл! — Белка подползла к медведю.

Под ладонями хлюпало, но Белка не обращала на это внимания. Она вцепилась в мокрую и липкую шерсть и обняла медведя за шею.

— Вурл...

Медведь приоткрыл глаз, глядя на нее мутным взором. Но тут же веки его сомкнулись. С уголка пасти капала розовая пена.

— Не смей умирать! — зашипела Белка. — Не смей даже думать об этом!

Девочка поджала губы. Она ведь сможет вытащить его. Она сможет!

— Я победил чудовище!

Охотник-навси приплясывал на месте, размахивая копьем. На лице сияла счастливая ухмылка. Белка узнала его: Лорхи, тот самый охотник, который присвоил музыкальную коробочку Вима. Как присвоил сейчас победу над гигантом.

— Лорхи? — послышался голос Аски. — Откуда ты...

Девушка стояла у входа в пещеру, Вим поддерживал ее за плечи. За их спинами мерцала голубоватым светом призрачная

женщина, бубня свои непонятные слова. Ей не было никакого дела до жуткой схватки, развернувшейся у нее перед глазами. Вим то и дело оборачивался к призраку, хмуря брови.

— Аска! — Лорхи вытаращился на девушку. Выпученный глаз на мгновение прекратил вращение. Охотник тряхнул бородой и указал копьём на тело гиганта. — Я убил чудовище! Ты видела?

— Ты очень помог, — улыбнулся Вим. — Спасибо...

Он прислонился спиной к стене и сполз вниз. По лицу стекали дорожки пота, волосы тонкими прядками прилипли ко лбу. Тяжело дыша, он вытер лицо ладонью.

— Надо же, — проговорил Вим. — И в самом деле — *медведь*, кто бы мог подумать... Как он, старушка?

Белка не сразу сообразила, что Вим обращается к ней.

— Вурл, он... — Она шмыгнула носом. Слезы текли по щекам. — Он...

— Эй! Не плачь. — Вим улыбнулся. — Все кончилось же. Наши победили. А твой мохнатый приятель — он сильный, он выкарабкается... Черт...

Белка прижалась щекой к жесткой шерсти медведя. Конечно, выкарабкается! Иначе и быть не может — она не позволит.

— Ты пришел за мной. — Аска вцепилась в руку Вима. — Хозяйка Пауков сказала...

Девушка дрожала. И не от холода, хотя ее одежда и превратилась в жалкие лохмотья — Аска рвала ее зубами, чтобы сделать пращу. Длинные волосы даже не прикрывали грудь.

— Само собой, принцесса, — вздохнул Вим. — Ну, или дочь вождя, какая разница? Чудовище похищает красавицу. В этой истории все по правилам... Так или иначе.

Он поднял голову. Небо — далекое и синее, как глаза девушки, сидящей рядом. Надо же, как все получилось. Аска прижалась к плечу, Вим чувствовал на шее горячее дыхание.

— Хозяйка Пауков сказала...

— Отойди от нее, — неожиданно воскликнул Лорхи. — Я говорил, чтобы ты к ней не приближался?

— Что? — спросил Вим, продолжая смотреть на небо.

— Эта женщина моя, — крикнул Лорхи. — Я убил чудовище, я беру его добычу!

— Лорхи?! — Девушка изумленно посмотрела на охотника. — Ты... Духи забрали твой разум? Какая добыча?

— Ты — моя женщина. Я забираю свое.

— Ты выжил из ума. Я не твоя женщина и никогда...

Лорхи взвизгнул. Подскочив к девушке, он с размаху ударил ее по щеке.

— Заткнись!

Аска совсем не ожидала удара. Она не успела отклониться и стукнулась затылком о каменную стену. Даже не вскрикнув, девушка упала у ног Вима.

— Ты... — Вим попытался встать, но Лорхи приставил к его шее копьё.

Вим замер, глядя на перекошенное лицо охотника. Сейчас он бы многое отдал за способность испепелять взглядом.

— Я предупреждал тебя, чужак, — не приближайся к ней...

Вим не ответил. Он дотронулся пальцами до артерии на шее Аски — пульс был слабым. Волосы на затылке девушки потемнели от крови, но вроде ничего серьезнее содранной кожи...

— И не смей к ней прикасаться!

Лорхи надавил на копьё. Острый наконечник оцарапал шею. Губы охотника растянулись в довольной ухмылке.

— Какая замечательная возможность, — протянул он, поворачивая копьё.

По коже поползла теплая змейка крови.

— И чего же ты ждешь? — тихо проговорил Вим.

Улыбка Лорхи стала еще шире.

— Как ты смеешь! — крикнула Белка.

Она поднялась, цепляясь за шерсть Вурла.

— Не двигайся, девчонка, — сказал Лорхи. — Шаг, и твой приятель отправится в земли предков.

Белка замерла: рот приоткрыт, глаза огромные, как две луны.

— Вот так лучше...

— Не надо, — Белка всхлипнула. — Пожалуйста... Не убивай его.

Охотник хмыкнул.

— Я ведь могу, — сказал он. — Что мне будет, если я сохраню ему жизнь?

Он сильнее надавил на копье. Вим не мог вдохнуть — малейшее движение, и каменный наконечник глубже вонзался в горло.

— Я... Я даю слово кайя, что не трону тебя. Иначе... Я призову лесных зверей и птиц, и они разорвут тебя на части.

Улыбочка мигом сползла с физиономии Лорхи. Угроза была совсем не пустой — он же видел, как сокол набросился на великана, видел, и как пришел медведь.

— Хорошо, — сказал охотник, отводя копье. — Так и будет, девочка-кайя... Я забираю свою женщину и ухожу, а с этим делай что хочешь. Ты дала слово, что не будешь мне мешать, — духи предков слышали его.

Белка кивнула.

— Я же даю слово, что не буду его убивать.

Лорхи отступил на шаг и, размахнувшись, вонзил копье в ногу Вима.

Вим вжался в стену. От боли потемнело в глазах. *Только бы не закричать, этот косоглазый ублюдок не услышит его крика...* Вместо него завопила Белка.

— Не бойся, девочка-кайя, — весело сказал Лорхи. — Он живой, просто пока не сможет ходить. Не хочу, чтобы он путался под ногами. Я возьму свое и уйду. А ты помни о своем слове, девочка-кайя.

Белка впилась зубами в полоску кожи между большим и указательным пальцами. Фигурка медведя раскачивалась на шнурке у запястья. Белка могла бы призвать стаи птиц, и они бы выклевали охотнику глаза... Но она дала слово.

Вим корчился, зажимая рану рукой. Штанина пропитывалась кровью. Лорхи ногой отпихнул его от Аски.

— Прощай, чужак, — сказал охотник, наклоняясь к Виму. — И спасибо — ты помог мне получить все, что я хотел.

— Посмотрим, — процедил Вим. — Когда она очнется...

— Когда она очнется — я буду вождем навси. Она слова не посмеет мне сказать.

— Что?!

— Ты не понял? Я же убил чудовище, я спас племя. Я самый сильный охотник. А старик долго не протянет.

— Сволочь...

Лорхи ударил его в живот.

— Не дергайся. Я дал слово тебя не убивать, но не более.

Вим перевернулся набок. Рана в ноге пульсировала тупой болью.

— Я до тебя еще доберусь. Помни об этом...

— Конечно. Никогда не забуду. Прощай, чужак! Мне понравилась эта охота!

Подхватив бесчувственное тело девушки, он взвалил ее на плечо и зашагал к входу в овраг. Задержался лишь затем, чтобы подобрать руку великана.

— Еще доберусь... — прошептал Вим, глядя охотнику в спину.

Почувствовав взгляд, Лорхи обернулся и издевательски взмахнул оторванной рукой.

— Жди...

— *Станция закрыта! Вход строго воспрещен!*

Четыре щелчка.

— *Станция закрыта...*

Вим лежал, слушая резкий женский голос. Как долго — он не помнил. Вим пытался считать, сколько раз ему сказали «вход воспрещен», но сбивался, не доходя и до десяти. Слова предупреждения намертво отпечатались в мозгу, словно кто-то выжиг их огненными буквами. Вим уже ненавидел эту женщину всеми фибрами души.

Четыре щелчка.

— *Станция закрыта...*

Постепенно сквозь монотонные предупреждения стали пробиваться другие звуки. Вим расслышал печальный вой — где-то далеко одинокий волк пел извечную песню Луне. Вой приближался.

То громче, то тише... Вим вдруг сообразил, что источник звука находится совсем близко...

Аска!

Вим с трудом разлепил веки. Вселенная, видимо, только ждала подходящего момента, чтобы прокатиться на карусели. Мир закрутился с безумной скоростью, обратившись в мельтешение разноцветных пятен. Желудок рванулся вверх; во рту стоял привкус желчи.

— ...строго воспрещен!

— Да заткнись ты!

Глубокий вдох, еще один... Вращение мира постепенно замедлялось. Желудок с опаской вернулся на место. Вот и славно... Может, кому и нравилось чувствовать себя центром вселенной, Вима же от этого тошнило.

Цепляясь за стену, Вим поднялся. Над головой темнело вечернее небо. Уже вечер? Сколько же времени он провел без сознания? Об этом лучше не думать... Он до сих пор находился на дне колодца, в логове великана — слишком далеко от того места, где должен сейчас быть.

Повернувшись, Вим увидел спину Белки. Девчонка, раскачиваясь, сидела на коленях перед телом великана. Глаз гиганта был закрыт, чудовищная морда почернела от спекшейся крови. Но при этом на ней застыло умиротворенное выражение, будто смерть принесла великану только облегчение. Рядом лежало еще одно тело — мертвый охотник-навси.

Девочка двигалась ритмично и монотонно. Вперед, назад... Подняв глаза к небу, Белка тихо выла. А ведь она поет погребальную песню, догадался Вим. И кому? Чудовищу, которое чуть не убило ее?

Песня была протяжной, мелодия практически отсутствовала, хотя Виму и почудились в ней мотивы «Yesterday». Он поднял губную гармонику и сыграл пару первых тактов.

— Он был хорошим охотником, — сказала Белка. — Храбрым, сильным и ловким. В землях предков его ждет добрая охота.

— Я его даже не знал. Это ведь брат Аски?

Белка кивнула. Веки ее опухли — красные пятна на сером от грязи лице. Щеки девочки исполосовали извивающиеся дорожки от слез. Вим заметил, что Белка вплела в косички пару пестрых соколиных перьев. Никого не забыла, даже маленькую бесстрашную птицу.

— А этот? — Вим указал на великана. — Его ты тоже оплакиваешь?

— Он был кайя. Пусть Владычица Льда превратила его в чудовище, но он остался моим сородичем. Он заслужил погребальную песню.

— Кайя? — изумился Вим. — В смысле — из твоего племени? Но...

Он уставился на тело гиганта. Выпуклый шрам поперек лба напоминал цветом перезрелую сливу. Стежки толстые и грубые, скобы выпирают — никто же не думал о красоте. Кайя? То есть недавно этот гигант был самым обыкновенным человеком?

— Кто, говоришь, сделал из него чудовище?

— Владычица Льда. — Белка сплюнула под ноги. — Так сказала Хозяйка Пауков.

Вим подумал о разбившемся вертолете, лежавшем где-то наверху, в лесу. Одна из чудовищных «птиц», которые унесли племя Белки. Не на нем ли перевозили великана? И что еще за Владычица Льда?

— Ничего, старушка, — сказал он. — Мы до нее доберемся. Обещаю. Но сначала... Сначала мы должны спасти принцессу.

— Аску? — Белка опустила взгляд. — Я обещала ничего не делать Лорхи. Я дала слово.

— Знаю, — сказал Вим. — Но с этим... С ним я разберусь сам. Я обещаний не давал, и это личное дело. Как твой мохнатый друг?

— Вурл? Он спит. Ему нужно спать.

— Ясно, — проговорил Вим.

Он присмотрелся. Бока медведя мерно поднимались и опадали. Удивительно, что Вурл выжил после страшного падения и схватки с великаном. Он оказался куда крепче, чем казался. Или...

Вим вспомнил перекошенную физиономию Лорхи и копье, вонзившееся в ногу. Сейчас на штанине темнело большое пятно засохшей крови. Но раны не было. В Длинном Доме Аска сказала, что Белка вытащила его из царства мертвых и исцелила раны... Девочка сидела, уставившись на свои изодранные в кровь ладони. Совсем еще ребенок и в то же время...

— Надо придумать, как нам отсюда выбираться, — сказал Вим. — Мы-то вылезем без труда. А с твоим клыкастым приятелем, боюсь, возникнут сложности.

Он повернулся к мерцающему голубоватому свету. Это оказалась какая-то проекция — высокая женщина в военной форме предупреждающе поднимала руку, выкрикивая бесконечное «Вход строго воспрещен». Хотя на форме не было знаков отличия, Виму она показалась знакомой. Да еще и немецкий язык... Слишком сильно эта дамочка походила на офицера «СС».

Вим подошел ближе. Раз есть проекция, должен быть и проектор... Он осмотрел стену и вскоре нашел прибор — черную бакелитовую коробку размером с толстую книгу. На передней панели красовался выпученный объектив, по бокам от которого располагались два вытянутых динамика. От задней панели отходил толстый провод в мохнатой обмотке, змеясь по потолку шахты.

Надписей или иных указателей Вим не увидел. Верхнюю крышку наискосок пересекала длинная трещина. Вим отжал ее, заглядывая внутрь, но не разглядел ничего, кроме тусклых желтых огоньков. Судя по всему, прибор работал на лампах.

Вим поднял тяжелый булыжник и с силой ударил по коробке. Изображение задрожало, прерываемое статической рябью, и погасло.

— Станция зак... шшш... щен...

Вим ударил еще раз, и звуки прекратились. Тишина зазвенела в ушах.

— Ты изгнал призрака! — Белка вскочила на ноги.

— В некотором роде, — усмехнулся Вим. — Терпеть не могу заступающие таблички.

Он потянул за провод. Пара креплений выскочила; провод провис, раскачиваясь. Вим всмотрелся в темноту.

— Интересно, куда ведет эта шахта?

— Туда нельзя ходить! — Белка вскинула голову.

— Почему? Запрещающая табличка — не повод. Тем более которой больше нет.

— Там... — Белка сглотнула. — Там кто-то есть. Кто-то очень злой.

— Хм... — Вим подбросил камень на ладони и швырнул его вглубь пещеры. Булыжник звонко щелкнул о деревянную балку и отскочил к стене.

Вим стоял, слушая, как затихает далекое эхо. А затем он услышал совсем другие звуки — приближающийся топот множества маленьких ног.

— А ты права, старушка, — проговорил Вим, отступая. — Там и в самом деле кто-то есть...

В темноте шахты, точно, угольки загорались красные глаза.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ДМИТРИЙ КОЛОДАН

Родился 20 ноября 1979 года в Ленинграде. Закончил биологический факультет РГПУ им. Герцена. За время обучения успел сменить огромное количество странных специальностей — от лаборанта на складе химических реактивов до ночного сторожа в магазине игрушек. Писал книги-прохождения к компьютерным играм. Сейчас работает дизайнером в нескольких рекламных изданиях. Женат, отец двух дочерей.

Литературный дебют состоялся в 2005 году: в журнале «Если» был опубликован рассказ «Покупатель Камней», выдержавший позднее ряд переизданий. Вышедшая три года спустя дебютная книга Дмитрия «Другая сторона» была признана лучшим отечественным фантастическим романом года. С тех пор успел стать лауреатом и номинантом множества литературных премий, таких как «Роскон», «Большая книга», «Звездный мост», «Национальный бестселлер», EuroCon (ESFS Awards) и многих других.

С 2007 года — действительный член семинара Бориса Стругацкого.

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели Вы цените больше всего?

На то и добродетели, что они все хороши.

2. Качества, которые Вы больше всего цените в мужчине?

Чувство юмора, вкуса и меры.

3. Качества, которые Вы больше всего цените в женщине?

Чувство юмора, вкуса и меры.

4. Ваше любимое занятие?

Читать, гулять по книжным магазинам и спать.

5. Ваша главная черта?

Сонливость.

6. Ваша идея о счастье?

Круглая. У меня большинство идей круглые.

7. Ваша идея о несчастье?

Круглая.

8. Ваш любимый цвет и цветок?

«Цвет лягушки в обмороке» — и цвет приятный, и лягушек пугать забавно. Еще хороший «цвет бедра испуганной нимфы» — пугать нимф тоже весело. Фисташковый тоже приятный цвет, но фисташки ничего не боятся.

Нарциссы и орхидеи.

9. Если не собой, то кем Вам бы хотелось бы быть?

Мышь-соней. Можно было бы с чистой совестью спать по четырнадцать часов в сутки, а на полгода вообще впасть в спячку.

10. Где Вам хотелось бы жить?

На Петроградке. Ну и есть еще пара мест на побережье Адриатики — Венеция, Корфу, Дубровник...

11. Ваши любимые писатели?

Их очень много. Сегодня пускай это будет Дуглас Адамс.

12. Ваши любимые поэты?

Т. С. Элиот. Особенно «Четыре квартета» — даже не припомню, сколько раз я их перечитывал.

13. Ваши любимые художники и композиторы?

Из художников: Иван Славинский, Джон Милле, Джеймс Уистлер, Уильям Тернер.

А с композиторами... Если брать именно классических: Рахманинов, Сати, Найман, Бах. А так — Робин Гатри из Cocteau Twins, по крайней мере, на ближайшие часа два.

14. К каким порокам Вы чувствуете наибольшее снисхождение?

К долгому сну.

15. Каковы Ваши любимые литературные персонажи?

Пеппилотта Виктуалия Рульгардина Эфраимсдоттер Длинныйчулок.

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

Роберт Льюис Стивенсон — он умел писать во сне.

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

Мери Шелли — «Франкенштейна» она тоже во сне написала...

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

Пеппилотта Виктуалия Рульгардина Эфраимсдоттер Длинныйчулок.

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

Про которые вкусно читать. К сожалению, на вкус они чаще всего оказываются не так хороши. А еще красные сладкие яблоки.

20. Ваши любимые имена?

Женские.

21. К чему Вы испытываете отвращение?

К болгарскому перцу и тушеным овощам.

22. Какие исторические личности вызывают Вашу наибольшую антипатию?

Злые карлики-людоеды.

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Хочу спать я в настоящий момент.

24. Ваше любимое изречение?

«Просим извинить нас за беспокойство».

25. Ваше любимое слово?

Гротеск.

26. Ваше нелюбимое слово?

Некоторые наречия.

27. Если бы дьявол предложил Вам бессмертие, Вы бы согласились?

Заведомо ложная сделка — дьявол не может дать бессмертие.

28. Что Вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

«А то, что случилось дальше, было так прекрасно, что писать об этом я не могу» (К. С. Льюис «Последняя битва»).

АВТОР О «ПАНГЕЕ»

1. Вы уже довольно известный автор — пожалуй, ни один из вашего поколения российских фантастов, не собирал еще такой букет всяческих литературных призов. Почему вы решили временно прервать «сольные выступления» и влиться в проект «Этногенез»? Чем он вас привлек?

А мне было интересно. Интересна история, интересна Белка, интересны задачи, которые задает проект в целом, и еще с десяток самых разнообразных «интересно». Кроме того, «Этногенез» дает прекрасные возможности проверить на практике некоторые мои теоретические изыскания. Еще «Этногенез» нравится моему отцу... Ну и так уж вышло, что к проекту имеет отношение несколько моих очень хороших друзей, с которыми мы и раньше периодически писали в соавторстве. Как-то уже привыкли заниматься одним делом.

2. Как вы вообще считаете, может ли автор полноценно выразиться в рамках межавторского проекта? Вот ваша «Пангея» — она для вас «родной» ребенок, как другие ваши книги, или все-таки немножечко «бастард»?

Может, если захочет. Вопрос в том, какие задачи автор ставит изначально, вот и все. Так что «Пангея» вполне себе «родной ребенок», хотя я и не отношусь к книгам как к детям.

3. Ваша «Пангея» — пока что самый «ранний» цикл «Этногенеза», никогда еще наши герои не забирались в такую древность. Не тяжело вам было там, в первобытном обществе?

Совсем не тяжело, а очень даже комфортно. Мне всегда нравилась первобытная фауна — есть что-то завораживающее

в гигантских медведях, ужасных волках, мегатериях и колумбийских слонах. И к тому же, сложно не заметить, что в этой истории хватает вещей, которым в каменном веке совсем уж не место.

4. Кстати, о древности. Странники, как известно, путешествуют по самым разным временам и эпохам. Но в такую древность, в которую отправился ваш Вим, очень мало кто забирался. Почему, если не секрет? И как Вим умудрился туда попасть, он ведь даже ни одного предмета не имеет?

Для путешествий по времени предметы вовсе не обязательны — существует множество самых разнообразных способов. Линзы, например, или те же Черные Башни. Вим, кстати, упоминает, что ему доводилось пользоваться линзами — когда рассказывает о своем путешествии в древнюю Грецию. Так что добраться до каменного века у него имелись все возможности.

А вот то, что очень мало кто туда забирался... Скажем так: мало кто из Странников. Частично, потому что не многим это выгодно или интересно. Частично — потому что эти попытки пресекались. Не случайно же у линз и башен появились Стражи...

5. А почему, кстати, не имеет, ведь среди Странников людей, не владеющих предметами, очень мало? Он лузер-неудачник или, наоборот, беспредметник, которому они не очень и нужны?

Не нужны. И в книге Вим объясняет почему. Такая вот у него жизненная позиция. В какой-то мере ему удастся прекрасно без них обходиться, как, кстати, и без оружия. А предметы чем-то похожи на нож, у которого нет рукояти, а есть одно только лезвие. Им можно резать хлеб, но ведь заодно изрежешь и собственные пальцы.

6. Гумилев с Марусей появились в начале вашей книги случайно или этот эпизод с цирком еще получит продолжение?

Не случайно. На самом деле внимательные читатели «Этногенеза» наверняка заметили, что этот эпизод уже фигурировал в проекте. А вот получит ли он продолжение... Посмотрим.

7. Нам будет подробнее рассказано, что же это за таинственная Хель, проводящая опыты над людьми в таком далеком прошлом? И откуда вообще взялась база «Пангея»?

Будет. Но здесь, пожалуй, именно тот момент, когда не стоит заранее открывать карты. Всему свое время.

8. Кстати, одно из племен, над которыми пытались экспериментировать, как-то сильно напоминает приснопамятных Демонов, плотно обосновавшихся на страницах «Этногенеза» в самых разных сериях...

Собственно это они и есть. Так что придется повториться — Стражи появились совсем не случайно. Так уж и быть, подкину еще одну подсказку: стражников у дверей ставят не только для того, чтобы никто не мог войти, но и для того чтобы никто не мог выйти.

9. Белка, в конце концов, получит имя? А если да, то хотя бы намекните — мы это имя знаем?

Получит, получит. И имя вполне известное — в книге имеется множество подсказок и даже прямых намеков на то, что это за имя. Но не будем забегать вперед, Белка еще только в самом начале своего пути. А если я расскажу все прямо сейчас — будет же не так интересно.

10. Вас, похоже, не случайно литературные критики числят и по разряду фантастов, и по разряду серьезных писателей — не зря же ваши книги периодически оказываются в премиальных списках таких солидных премий, как «Нацбест» и даже

«Большая книга». Просто для, скажем так, литературно грамотного читателя, ваша «Пангея» просто напичкана аллюзиями на признанные шедевры мировой литературы. Но это для просвещенных. А для тех поклонников «Пангеи», кто еще не очень начитан — не могли бы вы порекомендовать список «дополнительной литературы» к этой книге? Что им неплохо было бы прочитать, чтобы понять ее немного глубже?

Нехорошо лишать читателей удовольствия самим находить аллюзии, отсылки и цитаты. Но, конечно, было бы неплохо прочитать «Мифы народов мира». Ну и, конечно же, книги проекта «Этногенез».

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. ЛЕД И КРОВЬ	3
ГЛАВА 2. БЕЛАЯ РЕКА	13
ГЛАВА 3. ДОМ ДУХОВ	24
ГЛАВА 4. ЕХАЛИ МЕДВЕДИ	35
ГЛАВА 5. ПЕЩЕРА МЕДВЕДЯ	43
ГЛАВА 6. БОЛЬШИЕ СТАДА	53
ГЛАВА 7. ВЕЧНАЯ ОХОТА	65
ГЛАВА 8. ГОВОРЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК	76
ГЛАВА 9. ДУХИ ПРОШЛОГО	88
ГЛАВА 10. ЛЮДИ СКАЛ	97
ГЛАВА 11. В ТРОСТНИКЕ	110
ГЛАВА 12. ДЛИННЫЙ ДОМ	120
ГЛАВА 13. ХОЗЯЙКА ПАУКОВ	132
ГЛАВА 14. ПУТЬ ВИКИНГА	146
ГЛАВА 15. НА БЕРЕГУ	159

ГЛАВА 16. ОХОТА ЗА ГОЛОВАМИ	169
ГЛАВА 17. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА.....	181
ГЛАВА 18. ЛОГОВО ВЕЛИКАНА	196
ГЛАВА 19. ГЛАЗАМИ ПТИЦ	211
ГЛАВА 20. КРОВЬ И ВОДА	228

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новаясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Дмитрий Колодан

ПАНГЕЯ

Книга первая

Земля гигантов

Автор идеи Константин Рыков
Главный редактор Кирилл Бенедиктов
Редактор Евгений Харитонов
Корректор Наталья Витько
Выпускающий редактор Дмитрий Гусев
Арт-концепт Алексей Маслов
Арт-директор Алексей Гонтов
Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин
Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,
Сергей Пименов
Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»
Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,
тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)
www.etnogenez.ru

Подписано в печать 20.05.11 г. Формат 164x215
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt
Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:
123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»
или на сайте www.shop.avanta.ru
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14
тел: (8422) 41-11-07
факс: (8422) 41-11-32